Андрей Седых

СТАРЫЙ ПАРИЖ

•

МОНМАРТР

Андрей Седых

СТАРЫЙ ПАРИЖ
•
МОНМАРТР

Второе издание

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
NEW YORK • 1985

SEDYKH, Andrei. (Tsvibak, Iakov Moiseevich).
STARYI PARIZH. MONMARTR.
Illustrated by *Boris Grosser.*
2nd edition.
Library of Congress Catalog Card Number: 85-60443
ISBN: 0-89830-096-7

RUSSICA PUBLISHERS, INC.
799 Broadway.
New York, N. Y. 10003.
USA.

ОТ АВТОРА

Париж любят все; знают его лишь немногие. Французы гордятся им, но за пределами собственного квартала для парижан начинается terra incognita. Иностранцы преклоняются перед «Городом-Светочем», но знакомство с ним большей частью ограничивают Большими Бульварами и монмартрскими кабаре.

Пять лет, бродя от дома к дому, из улицы в улицу, я учился любить и знать Париж. В результате, несколько неожиданно, возникли две книги: «Старый Париж» и «Монмартр». Книги эти не претендуют ни на новые открытия, ни на полноту исторической правды. Другие намного раньше и намного лучше меня изучили Париж и написали о нем бесчисленное количество книг: некоторые из них помогли мне. Небольшой библиографический список, способный заинтересовать читателя, приведен в конце. Будет справедливо внести в него имена моих друзей

М. А. Алданова и Бор. Мирского, полезными советами и указаниями которых я воспользовался.

Второе издание «Старого Парижа» и «Монмартра» выходит через шестьдесят лет после появления этих книг на парижском книжном рынке. «Старый Париж» вышел в свет в 1925 году, «Монмартр» — два года спустя. Обе книги давным-давно распроданы и превратились в библиографическую редкость. Между тем за эти годы в Париже побывали десятки, а вернее, сотни тысяч русских — эмигрантов и советских туристов. Многим из них хотелось бы прочесть книгу по истории старого Парижа на родном языке, — но таких книг больше нет. Я признателен владельцам издательства «Руссика» за предложение вновь выпустить мой «Старый Париж» и «Монмартр», объединив в один том книги, написанные мною в ранней молодости.

За эти долгие годы стиль мой несколько изменился. Раньше писал я с некоторой «красивостью», теперь все стало проще. Я ничего не исправлял в оригинальном тексте, который был написан юношей, влюбленным в Париж. Любовь эта прошла через всю мою жизнь. Я и теперь влюблен в Париж. Читатель поймет и простит это — теперь уже старческое — увлечение.

АНДРЕЙ СЕДЫХ
Нью-Йорк, 1985.

СТАРЫЙ ПАРИЖЪ

ИЛЛЮСТРАЦІИ
БОРИСА ГРОССЕРА

Отъ квартала Гобленъ до площади Обсерваторіи

Берега Біевры. Отель Королевы Бланшъ. Балъ Изабеллы Баварской. Улица Крулебарбъ: «Пастушка изъ Иври». Площадь Обсерваторіи: Маршалъ Ней

Весеннимъ вечеромъ вы берете шляпу и палку и выходите изъ маленькаго отеля на улицѣ Гоблэнъ. Небо багрово отъ заката; вдоль неровной мостовой уже ложатся ночныя тѣни и въ воздухѣ звенятъ крики школьниковъ, играющихъ здѣсь же, на улицѣ.

За шестьсотъ лѣтъ кварталъ Гоблэнъ сильно измѣнился. Маленькими, покосившимися домиками и тяжкими корпусами фабрикъ застроены цвѣтущія поляны, срублены липы, исчезли живописные зеленые берега протекавшей здѣсь когда то Біевры, и больше никто не вспоминаетъ о послѣдней водяной мельницѣ на углу улицы Крулебарбъ и Корвизаръ.

Въ сосѣдней Рюэль де Гоблэнъ, рядомъ съ сохранившимися еще мастерскими Жана и Филибера Гоблэнъ, Ватто назначалъ когда то свиданія своему другу де Жюльену и они охотились въ окрестностяхъ плясъ д-Итали... Въ 1830 г. — весь элегантный Парижъ устраивалъ пикники на берегахъ Біевры; еще при Луи Филиппѣ это былъ чудесный уголокъ, волновавшій воображеніе всѣхъ влюбленныхъ.

Въ калитку стараго дома ном. 17, наискось отъ улички Мармузетъ, видны развалины отеля королевы Бланшъ, матери Людовика Святого.

Сколько воспоминаній!... Въ 1392 году въ этомъ суровомъ, монументальномъ отелѣ Изабелла Баварская давала балъ въ честь одной изъ своихъ нѣмецкихъ фрейлинъ, — «вдовы, выходящей замужъ въ третій разъ». Бѣдной новобрачной снова не повезло: легкіе костюмы шестерыхъ приглашенныхъ, замаскированныхъ сатирами (въ эту пору маскарады были въ модѣ), воспламенились отъ зажженныхъ факеловъ, и сатиры умерли черезъ нѣсколько дней въ ужасныхъ мученіяхъ. Одинъ изъ заживо сгорѣвшихъ былъ случайно спасенъ герцогиней Дюбарри... Къ сожалѣнію, спасенный все же сошелъ съ ума. Имя его сохранилось въ исторіи: это былъ Карлъ VI, король Франціи и Наварры.

Веселые гости Изабеллы Баварской врядъ ли предполагали, что со временемъ старый отель будетъ превращенъ въ революцiонный клубъ; въ 1790 году мясникъ Лежандръ и бывшiй аббатъ Ля Рейни, якобинцы, сходились здѣсь по вечерамъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми агитаторами квартала Сэнъ Марсель, вырабатывали планы 20-го iюля.

Заговорщицкая традицiя сохранилась: Орсини, со своими сообщниками, позже совѣщался въ томъ же отелѣ, успѣвшемъ превратиться въ кафэ. Переговоры, видимо, увѣнчались успѣхомъ. 14 января 1858 г., вечеромъ, на улицѣ Ле Пелетье, Орсини бросилъ бомбу въ Наполеона III, ѣхавшаго на спектакль въ Большую Оперу. Взрывомъ было убито нѣсколько случайныхъ прохожихъ. Представленiе въ Оперѣ все же состоялось: Наполеонъ прослушалъ актъ «Вильгельма Телля» и «Марiи Стюартъ» и остался очень доволенъ пѣнiемъ Массоля.

Улица Крулебарбъ... Мельница... Зеленые берега Бiевры... Сюда часто пригоняла своихъ козочекъ маленькая, нѣжная «Пастушка изъ Иври», — Эммэ Милло, въ большой соломенной шляпѣ и съ книгой въ рукѣ... Кажется, она дѣйствительно любила сумасшедшаго Ульбаха, подарившаго ей однажды пару апельсинъ и красивый, розовый платокъ...

26 мая 1827 г. ревнивый Ульбахъ сдѣлалъ два дѣла: написалъ письмо хозяйкѣ Эммэ, почтенной госпожѣ Детрувилль, съ просьбой заказать мессу о спасеніи ихъ душъ (въ письмо предусмотрительно было вложено пять франковъ); потомъ на улицѣ Декарта онъ купилъ старый, тупой ножъ.

На слѣдующій день маленькая пастушка Милло была звѣрски зарѣзана, и Парижъ долго говорилъ о ней. Сантиментализмъ былъ тогда въ модѣ: парижанки пріѣзжали на мѣсто убійства и жалѣли — кажется, больше убійцу, нежели его жертву.

Впрочемъ, они поквитались: 27 сентября, въ 7 часовъ утра, Ульбаха вывели изъ тюрьмы Бисетръ и повезли по городу. Только къ четыремъ часамъ дня бѣдняга попалъ на Гревскую площадь и съ облегченіемъ поднялся на эшафотъ, посреди возбужденной толпы...

...Вы идете ровнымъ, спокойнымъ шагомъ по бульвару Поръ Рояль. На небѣ потухли послѣднія краски. Незамѣтно наступаютъ парижскіе, голубые сумерки; мягко позванивая, изъ темноты выплываетъ освѣщенный трамвай, — кажется, номеръ восьмой — Монружъ - Гаръ де л-Естъ.

На площади Обсерваторіи, въ группѣ деревьевъ темнѣетъ памятникъ маршалу Нею.

Маршалъ Ней!

... Со стороны Березины всю ночь доносились крики, проклятія и рѣдкая, безпорядочная стрѣльба.

Тѣ, кто не имѣли больше силъ, чтобы подняться съ мерзлой земли и идти дальше — умирали у дымныхъ костровъ.

Со стороны заброшенной, опустѣвшей дороги подошелъ шатавшійся отъ усталости человѣкъ, въ грязной, маршальской шинели съ солдатской винтовкой въ рукѣ. Это былъ арріергардъ Великой Арміи. Ней приблизился къ костру, поглядѣлъ на замерзающихъ солдатъ, потомъ прислушался къ крикамъ, долетавшимъ съ рѣки и впервые, ясно и отчетливо понялъ, что онъ долженъ умереть.

... Потомъ, въ страшный день Ватерлоо онъ тщетно искалъ смерти. Въ разорванномъ мундирѣ, съ обрубленными эполетами, мѣняя пятую лошадь, убитую подъ нимъ, онъ мелькалъ въ дыму, шелъ въ аттаку, и ревѣлъ дикимъ, животнымъ крикомъ, отстрѣливаясь съ послѣднимъ каррэ. Онъ вышелъ изъ боя невредимымъ, словно послѣ парада на Марсовомъ полѣ.

Онъ ненавидѣлъ тирана, сдѣлавшаго его маршаломъ и пэромъ Франціи, и мечталъ о мести Бурбонамъ, презиравшимъ бывшаго клерка и employé aux écritures.

Сколько разъ послѣ пріемовъ въ Тюльери, жена маршала, бывшая горничная Маріи Антуанетты, плакала у воротъ горькими слезами!

Онъ метался отъ Наполеона къ Людовику XVIII, клялся и присягалъ, интриговалъ и ненавидѣлъ, упрашивалъ и угрожалъ. Ночью шестого декабря шевалье Коши разомъ долженъ былъ разрѣшить всѣ его сомнѣнья.

Ней поужиналъ съ большимъ аппетитомъ и крѣпко уснулъ. Его разбудили и онъ понялъ, что ему привезенъ смертный приговоръ. Онъ прервалъ чтеніе непріятнаго акта и спросилъ, когда назначена казнь. Узнавъ, что на слѣдующее утро, Ней попросилъ прислать ему пораньше жену, далъ нѣсколько распоряженій и снова улегся.

Наблюдавшіе донесли, что маршалъ спалъ въ эту ночь крѣпкимъ, солдатскимъ сномъ.

Холоднымъ, туманнымъ утромъ 7 декабря 1815 года онъ бодро подошелъ къ стѣнѣ дома номеръ сорокъ три, по авеню де л-Обсерватуаръ. На немъ былъ длинный голубой сюртукъ грубаго сукна и черные, шелковые панталоны и чулки... Подойдя къ стѣнѣ, онъ прислушался къ бою часовъ на Валь де Грасъ. Пробило девять...

Солдаты прокричали «Да здравствуетъ Король!». Пробили барабаны и площадь опустѣла... У стѣны, пачкая въ лужѣ крови свой голубой сюртукъ, лежалъ маршалъ Ней, пэръ Франціи, прострѣленный десятью пулями.

Церковь Сэнъ Медаръ

Франсуа Пари. Конвульсiи. Лѣто 1731 года. Пьеръ Вайанъ. Александръ Арно. Габрiель Готье

Въ самомъ концѣ улички Муфтаръ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ русской столовки на Гоблэнъ, прилѣпилась къ сосѣднимъ домамъ маленькая, старинная церковь Сэнъ-Медаръ.

Группы русскихъ часто приходятъ сюда; заглядываютъ въ пыльный, скучный садикъ, иногда заходятъ въ полутемную церковь и съ недовольнымъ видомъ выходятъ наружу... Ничего интереснаго! Ни высокихъ, сумрачныхъ порталовъ, ни полутемныхъ капеллъ съ высокими, стрѣльчатыми окнами, ни даже сколько-нибудь интересной гробницы.

Древнія старухи въ черныхъ мантильяхъ и кружевныхъ наколкахъ беззвучно шепчутъ молитвы высохшими губами... Торговка овощами съ сосѣдняго рынка набожно держитъ картонъ съ написанной на немъ молитвой: прочитавшій трижды написанное, получаетъ отпущеніе на сорокъ дней.

Шаги гулко звучатъ по каменнымъ, истертымъ плитамъ... Черезъ узкіе просвѣты слабо вливается осенній, скучный день и печально ложится на лица молящихся, на статуи святыхъ и туманнымъ кольцомъ окружаетъ зажженныя свѣчи...

Маленькая церковь на улицѣ Муфтаръ существуетъ уже восемьсотъ лѣтъ... Кальвинисты разграбили и разрушили ее въ 1561 году, за одно перебивъ подвернувшихся подъ руку послѣдователей Лютера. Въ отместку, протестанты разгромили кальвинистскіе храмы въ близлежащемъ пассажѣ Патріарховъ.

Церковь отстроили заново и освятили... На мѣстѣ пыльнаго садика въ XV столѣтія было устроено кладбище: нѣсколько благочестивыхъ монаховъ, похороненныхъ у ограды; въ числѣ ихъ молодой діаконъ Франсуа Пари, умершій отъ голода и истощенія.

Черезъ годъ послѣ его смерти на могилѣ стали происходить чудеса. Какой-то слѣпой обрѣлъ

зрѣніе, — нѣмой отъ рожденія заговорилъ... Въ эти счастливыя времена еще совершались чудеса и въ нихъ крѣпко вѣрили парижане!

Со всѣхъ сторонъ къ могилѣ діакона начали стекаться паломники, нищіе, юродивые; ежедневно, съ четырехъ часовъ утра, и до поздняго вечера, въ оградѣ толпились жаждущіе исцѣленія — могила была постоянно покрыта человѣческими тѣлами. Женщины бились въ пароксизмѣ, нѣкоторыя ѣли землю съ могилы святого. Королевскій дворъ сильно заинтересовался чудесами. Недавно ослѣпшая принцесса Конти „s'y rendit à trois carosses" въ сопровожденіи безчисленныхъ слугъ... Впрочемъ, принцесса такъ и осталась слѣпой.

Парижъ обезумѣлъ: въ разныхъ частяхъ города съ разными людьми, преимущественно съ женщинами, происходили конвульсіи.Особенно подверженныхъ вліянію покойнаго діакона сажали въ тюрьму Сэнъ-Лазаръ, гдѣ конвульсіи немедленно прекращались.

Монахи янсениты вели регистрацію всѣхъ случаевъ исцѣленія, съ подробнымъ описаніемъ каждаго, въ подобающихъ латинскихъ выраженіяхъ. Статистика оказалась не въ пользу святого: парижскій архіепископъ чудеса осудилъ, объявивъ ихъ отъ діавола, пѣніе «Те Деумъ» на могилѣ не разрѣшилъ и приказалъ закрыть кладбище.

Дьяволъ жестоко отомстилъ Его Преосвященству: архіепископъ вскорѣ умеръ и въ день его по-

хоронъ лилъ проливной дождь; обстоятельство, немедленно истолкованное святыми отцами, какъ новое указаніе, ниспосланное свыше.

Лѣто 1731 года выдалось необычайно жаркое: зной истомилъ парижанъ.

У фонтановъ женщины простаивали долгіе часы, коротая время разсказами о чудесахъ, совершенныхъ на могилѣ дьякона.

Разсказывали о нѣкомъ Пьерѣ Вайанѣ, проповѣдовавшемъ, что со дня на день ожидается сошествіе пророка Иліи на землю: кое-кто изъ близкихъ увѣрялъ, что Пьеръ Вайанъ и есть самъ пророкъ, пришедшій на землю для обращенія іудеевъ на путь истины....

Вспоминали также о нѣкомъ Александрѣ Арно, раньше никому не извѣстномъ, объявившемъ себя пророкомъ Енохомъ. Королевскимъ декретомъ пророка посадили въ Бастилію, но подлинность его въ оградѣ Сэнъ-Медаръ никѣмъ не оспаривалась. Отъ жары и отъ скуки сообщалось еще очень многое.

Днемъ Парижъ задыхался и спалъ. По ночамъ солидные буржуа разгуливали вдоль Сены и съ удивленіемъ наблюдали, какъ обмелѣла рѣка. Черные мосты совсѣмъ оголились, высоко торчали

надъ водой и груженныя барки больше не могли подходить къ пристанямъ, опасаясь сѣсть на мель.

Утромъ, четвертаго августа, въ день святого Доминика, городъ переполошился. По улицамъ сновали женщины, передававшія другъ другу извѣстіе о новомъ чудѣ, совершившемся на могилѣ дьякона. Несмотря на ранній часъ и удушливую жару, толпа парижанъ направилась къ церкви.

Оказалось, нѣкая Габріэль Готье, вдова, жившая на Понъ-де-Шанжъ и отличавшаяся отмѣннымъ здоровьемъ, рѣшила въ этотъ злосчастный день испытать святого. Притворившись хромой, она улеглась на могильную плиту и, пролежавъ съ четверть часа посреди бѣсновавшейся толпы, къ ужасу своему почувствовала, что не имѣетъ силъ подняться.

Вся правая часть ея тѣла оказалась парализованной. Готье причастилась, и въ присутствіи королевскаго совѣтника и нотаріуса Мольто и Франсуа Шолэна, доктора теологіи, покаялась и объявила, что: „c'étoit par dérision et moquerie qu'elle étoit venue audite tombe“.

Святой, видимо, отличался мстительнымъ характеромъ и не долюбливалъ шутниковъ.

Слава дьякона росла... Благочестивый Людовикъ XV началъ серьезно подумывать, что пора прекратить несомнѣнную ересь отцовъ янсенитовъ и, заодно, рѣшительными мѣрами успокоить броженіе умовъ.

Обычные посѣтители, пришедшіе на могилу 29 января 1732 года, съ удивленіемъ узнали, что королевскимъ декретомъ кладбище закрыто и весь кварталъ Сэнъ-Марсель оцѣпленъ внушительной королевской полиціей. На слѣдующее утро, на запертыхъ воротахъ прохожіе читали «подлое» двустишіе, неизвѣстно кѣмъ написанное за ночь:

„De part le Roy défense à Dieu
De faire miracle en ce lieu“.

Автора эпиграммы такъ и не нашли; бѣдняга сильно рисковалъ пройтись по Гревской площади въ одной рубахѣ, съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ и познакомиться съ усовершенствованными инструментами многоопытнаго палача Сансона.

О могилѣ Франсуа Пари скоро забыли... Парижъ уже увлекался предстоящимъ процессомъ 35 воровъ и грабителей, большинство которыхъ было осуждено и повѣшено въ мартѣ мѣсяцѣ....

Семьдесятъ лѣтъ спустя, во время Революціи, о Сэнъ-Медаръ вспомнила группа патріотовъ Секціи Пантеона и реквизировала церковь, превративъ ее въ «Храмъ Труда».

Карманьолы патріотовъ скоро смѣнились черными рясами. Святые отцы, вновь вступившіе во владѣніе націонализированнымъ имуществомъ,

убѣдились, что кладбище совершенно разрушено и приведено въ ужасное состояніе... За ненадобностью, монахи сдали его въ аренду гражданину Оріо, кузнецу, за невысокую плату.

Кварталъ Ботаническаго Сада.

Тюрьма Сэнтъ Пелажи. Руже де Лилль. Госпожа Роланъ. Улица Сензье, Сантерръ. Шарлотта Робеспьеръ

Рядомъ съ Жардэнъ де Плантъ за послѣдніе два десятка лѣтъ выросъ новый кварталъ. Большіе, комфортабельные дома замѣнили покосившіеся темные отели, блестящій асфальтъ залилъ мостовую, еще недавно вымощенную грубымъ булыжникомъ и случайный прохожій, пробирающійся по рю Ласепедъ и не подозрѣваетъ, что еще въ прошломъ столѣтіи мѣсто это слыло однимъ изъ самыхъ угрюмыхъ уголковъ Парижа.

Запоздалые буржуа предпочитали сдѣлать порядочный крюкъ, нежели пройти въ полночь по плохо освѣщенной улицѣ, мимо тюрьмы Сэнтъ Пелажи и госпиталя Питіе. Мѣсто было непривѣтли-

вое: темныя высокія стѣны и мѣрный шагъ часовыхъ внушали мрачныя мысли... Госпиталь предназначался для тѣлеснаго исцѣленія; тюрьма заботилась о спасеніи душъ. Умиравшіе въ Питіе рвались къ жизни, — здоровымъ изъ Сэнтъ Пелажи было отказано въ этомъ утѣшеніи... Въ концѣ концовъ, оба зданія были разрушены. Госпиталь сильно устарѣлъ и тюрьма оказалась совсѣмъ непригодной.

Это была, дѣйствительно, скверная тюрьма. Въ 1834 году отсюда бѣжала группа арестантовъ, подземнымъ ходомъ, въ садъ одного изъ сосѣднихъ отелей...

Бѣдная госпожа Де-Мирамiонъ, основательница монастыря Сэнтъ Пелажи, вѣроятно и не подозрѣвала, что во время Революціи ея дѣтище пріобрѣтетъ зловѣщую извѣстность... Съ 1790 года множество людей перебывало въ этомъ зданіи. Былъ здѣсь и Виро Де-Сомрэй, комендантъ Инвалидовъ, и его дочь, прекрасная и легкомысленная Жозефина Богарнэ, будущая любовница Барраса и супруга Наполеона I...

Въ массѣ заключенныхъ находился и молодой капитанъ, съ жаромъ примкнувшій къ революціи. Офицеръ былъ мечтателемъ и большимъ энтузіастомъ, писалъ патріотическіе стихи, и перелагалъ

на нихъ музыку.... Капитана звали Руже Де-Лилль. Авторъ «Марсельезы» былъ въ это время мало кому извѣстенъ.

Вечеромъ 24 іюня была доставлена на улицу Ласепедъ госпожа Роланъ, вторично арестованная по обвиненію въ «заговорѣ противъ единой и нераздѣльной Республики, свободы и безопасности французскаго народа».

...Наступали долгіе мѣсяцы ожиданія суда и гильотины... Въ тѣсной, душной камерѣ можно было задохнуться отъ іюльской жары; листы газетной бумаги, прикрывавшіе рѣшечатое окно, не спасали отъ солнечныхъ лучей. По ночамъ окно оставалось открытымъ, — свѣжій вѣтерокъ проникалъ въ камеру и сдувалъ лепестки цвѣтовъ, принесенныхъ утромъ изъ Жардэнъ де Плантъ старымъ, вѣрнымъ другомъ Боскомъ.

Она была очень несчастна, бѣдная Манонъ Флипонъ, съ Кэ де Люнеттъ, маленькая честолюбивая женщина, ставшая госпожей Роланъ, женой министра, достигшая всего и всего разомъ лишавшаяся! Ея единственнымъ утѣшеніемъ были воспоминанія о прошлой, счастливой жизни, полной надеждъ и мечтаній и возможность плакать долгими часами.

Гдѣ-то, въ лѣсу Монморанси, загнаннымъ звѣремъ скрывался старый, нелюбимый мужъ... У чу-

жихъ людей, подъ чужимъ именемъ — прятали крошечную Эдору, нѣжную дочурку... Далекъ былъ и Бюзо, «человѣкъ, который могъ бы быть ея любовникомъ»... Г-жа Роланъ всю жизнь жаждала „jouer un rôle“.

Роль была сыграна и ей предстояло умереть.

Туманнымъ, сѣрымъ днемъ восьмого ноября, она поднялась въ фургонъ палача... Ее везли старыми, знакомыми улицами, потомъ по кэ Межиссери, къ Площади Революціи. Госпожа Роланъ стояла со связанными за спиной руками, прислушиваясь къ крикамъ женщинъ, посылавшихъ ей проклятья,съ тоской всматриваясь въ любимые берега Сены... Иногда фургонъ сильно подбрасывало, и тогда взглядъ ея падалъ на вѣрнаго друга Боска, шедшаго за ней въ толпѣ до самой площади ci-devant Louis XV.

Въ домѣ номеръ 17, по улицѣ Сензіе, сосѣдней съ монастыремъ Сэнтъ-Пелажи, проживалъ счастливый обладатель секрета приготовленія краснаго пива, хозяинъ «Брассери Магдалины», отецъ знаменитаго Сантерра. Въ 1752 году постоянные по-

сѣтители брассери узнали, что у пивовара родился сынъ.

Если бы кто-нибудь могъ предсказать родителямъ новорожденнаго судьбу молодого Сантерра, владѣльца «Гортензіи» въ Сэнтъ - Антуанскомъ предмѣстьи, прихотью толпы ставшаго національнымъ героемъ, идоломъ Парижа, революціоннымъ генераломъ...

День тріумфа никогда не слѣдуетъ переживать: Сантерръ не понялъ этой истины и вошелъ въ исторію подъ видомъ неудачнаго полководца и нелѣпаго человѣка. Надо было стушеваться на слѣдующій день послѣ взятія Бастиліи, когда имя «добродѣтельнаго Сантерра» было у всѣхъ на устахъ. Онъ пережилъ свою славу на двадцать лѣтъ, и изъ «отца фобура» превратился послѣдовательно въ «безчестнаго Сантерра», генерала въ отставкѣ, парализованнаго старика, всѣми забытаго, кромѣ своихъ кредиторовъ, умирающаго въ маленькой квартиркѣ на рю де Петитъ-з-Екюри...

Вечеромъ перваго августа 1834 года, обитатели квартала Жардэнъ де Плантъ узнали, что Мадемуазель Карро, проживающая по рю де ла Фонтэнъ (теперь 3, рю де ла Питіе) умерла около четырехъ часовъ пополудни.

Смерть старушки никого не удивила и прошла бы незамѣченной, но нѣкій Фише,лавочникъ съ улицы Муфтаръ, и Луи Журдэнъ, торговецъ картинами, направились къ нотаріусу и торжественно засвидѣтельствовали, что мадемуазель Карро — никто иная, какъ родная сестра Максимиліана Робеспьера.

Сорокъ лѣтъ прошло со дня ея ареста, на улицѣ Фуръ Онорэ.

Шарлотту Робеспьеръ доставили сначала въ Секцію Соціальнаго Контракта, потомъ въ тюрьму.

Надо было спасать свою жизнь... «Робеспьеръ хотѣлъ погубить ее», и этого оказалось достаточно, чтобы быть выпущенной на свободу... Термидоріанцы любили театральные жесты: «добродѣтель въ лицѣ сестры конспиратора» была вознаграждена и Шарлотта получила небольшую пенсію, — 6.000 ливровъ, — позволившую ей измѣнить ненавистное имя и поселиться въ этомъ тихомъ кварталѣ, вдали отъ тревогъ и политическихъ бурь...

Она мало выходила и никого не принимала. Временами вспоминался ей старый родительскій домъ въ Аррасѣ, братъ Максимиліанъ, семейство Дюплэ, съ улицы Сэнтъ-Онорэ, женихъ Фуше, назначавшій ей свиданія въ Палэ де л-Эгалитэ, ставшій всесильнымъ министромъ, молодой генералъ Буонапарте, ухаживавшій за ней когда-то въ Ниццѣ... Жизнь проходила какъ сонъ, уходили люди и мѣнялись режимы, «мадемуазель» превращалась въ старую, сѣдовласую женщину, бѣдную, суровую и замкнутую, «сильную своей добродѣтелью»...

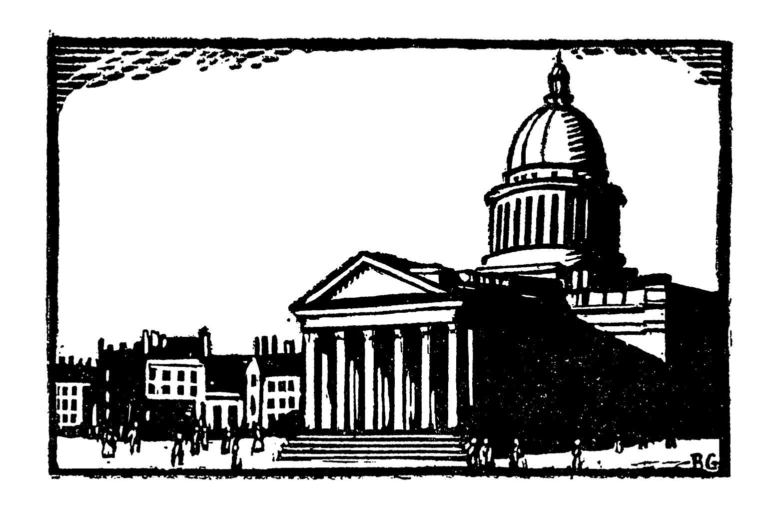
Шарлотта Робеспьеръ пережила брата на сорокъ лѣтъ. Она умерла твердо, какъ истинная патріотка, не причастившись и не пожелавъ остаться наединѣ съ священникомъ... Послѣ покойницы осталось кое-какое добро — всего на 328 франковъ...

Портретъ Максимиліана Робеспьера былъ оцѣненъ въ сорокъ су.

Пантеонъ

Улица Монтань Сэнтъ-Женевьевъ: Екатерина Сіенская. Пантеонъ: Жанъ-Жакъ Руссо. Мирабо. Маратъ. Вольтеръ.

Какъ-то солнечнымъ днемъ, мы пробирались узенькой рю де ла Монтань Сэнтъ Женевьевъ. Прогулка была предпринята безъ опредѣленнаго плана, — къ центру Латинскаго Квартала... Одинъ изъ старыхъ домовъ на мгновенье привлекъ наше вниманіе. Сотню лѣтъ тому назадъ, въ стѣнной нишѣ этого отеля находилась статуэтка Святой Женевьевы, покровительницы города Парижа.

Революція надѣла фригійскіе колпаки на головы каменныхъ святыхъ и королей. Екатерина Сіенская, во дворѣ якобинскаго клуба, на улицѣ Сэнтъ-Онорэ, не считалась врагомъ народа, — но граждане сочли нужнымъ — во имя цивизма — наградить и ее этимъ аттрибутомъ доброй патріотки. Секці-

онеры Пантеона поступили со Святой Женевьевой гораздо мягче, нежели ихъ товарищи по якобинскому клубу: на статуѣ было просто написано:

„A la ci-devant Geneviève. Rendez-vous des sans-culottes“.

Внизу, въ самомъ концѣ улицы Суффло, виднѣлись зеленѣющія деревья Люксембурга... Солнечные лучи дрожали въ стеклахъ библіотеки Святой Женевьевы и розовымъ пламенемъ ложились въ темныя стѣны Сэнтъ-Этьенъ-дю-Монъ... Мы медленно поднялись по ступенькамъ Пантеона, тѣмъ самымъ, на которыхъ въ 1830 году солдаты братались съ народомъ. Эти же ступеньки, сорокъ лѣтъ спустя, въ кровавую недѣлю Парижской Коммуны, послужили эшафотомъ, на которомъ солдаты и коммунары сводили свои послѣдніе счеты.

У входа, группа англичанъ и американцевъ терпѣливо ждала гида, чтобы спуститься внизъ, въ подземелье. Скоро подошелъ и старый гардіенъ, съ медалями на груди и широкими, театральными жестами; гардіенъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Внизу, у запертыхъ дверей, онъ остановился, — торжественно снялъ фуражку, — всѣ послѣдовали его примѣру, — и вновь надѣлъ ее, разрѣшивъ намъ сдѣлать то же самое. Въ подземельи, дѣйствительно, было очень холодно.

Старикъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ шелъ по прямымъ, сводчатымъ корридорамъ; у какой-то рѣшетки онъ остановился и громко, слегка нараспѣвъ, провозгласилъ:

— Жанъ-Жакъ Руссо, великій французскій философъ, рожденъ въ Женевѣ въ 1712 году. Умеръ въ Эрменонвилѣ въ 1778...

Онъ добавилъ еще два-три старыхъ, заученныхъ слова, потомъ помолчалъ и бросилъ величественно:

„Avançons, Messieurs-Dames“.

183 года прошло съ того дня, когда бѣдный сынъ женевскаго часовщика отправился въ Парижъ, полный смутныхъ надеждъ и плановъ — испытать судьбу... Онъ былъ почти счастливъ и почти богатъ: ему не было 30-ти лѣтъ; въ его карманѣ — огромная сумма — цѣлыхъ 15 луидоровъ!

Долгіе годы бродяжнической жизни, неудачи и лишенія, отсутствіе собственнаго угла, метаніе изъ страны въ страну... Начиналась трагическая, неизлѣчимая болѣзнь: «полипъ въ сердцѣ», воображаемый таинственный заговоръ, всюду преслѣдующій его, боязнь людей и всего живого, уходъ отъ друзей — страшная манія преслѣдованія.

...Старый, одинокій, усталый, блѣдный и худой, часто плачущій безъ видимой къ тому причины, *) такимъ нашелъ его господинъ де Жирардэнъ, пріютившій философа въ Эрменонвилѣ...На мгновенье, умирающій Руссо ожилъ: ему нравилась тишина полей, простая и спокойная жизнь на лонѣ природы... Онъ вновь грезилъ о своемъ старомъ девизѣ: «vitam impendere vero» — посвятить свою жизнь истинѣ... Шесть недѣль спустя бѣдный философъ умеръ.

20-го Вандемера III года Республики тѣло его было перевезено въ Пантеонъ.

Два предшественника Жанъ-Жака Руссо, удостоившихся почестей Пантеона, были Мирабо и Жанъ-Поль Маратъ. Одинъ былъ другомъ короля. Другой — считалъ себя другомъ народа.

29 марта, въ театрѣ, Мирабо почувствовалъ себя очень скверно и съ трудомъ спустился къ выходу. Экипажа не оказалось и онъ пошелъ пѣшкомъ, на улицу Шоссэ д-Антэнъ.

На слѣдующее утро вѣсть о болѣзни трибуна распространилась по городу. Секціи и клубы отправляли къ дому Мирабо делегаціи, король, Марія

---

*) «J'étais pâle comme un mort et maigre comme un scelette... Les pleurs que je versais souvent sans raison de pleurer...» *J. J. Rousseau.*

Антуанетта и всѣ придворные съ тревогой справлялись о его здоровьи.

Въ день его смерти, въ засѣданіи Учредительнаго Собранія, делегація 48 секцій требовала «общественнаго траура для краснорѣчиваго и добродѣльнаго гражданина». Революція лишилась своего оратора, престолъ — единственнаго человѣка, способнаго защитить его, народъ — любимаго трибуна. 400.000 человѣкъ участвовало въ погребальной процессіи, направившейся къ церкви Сэнтъ-Этьенъ-дю-Монъ... Выдался чудесный, солнечный день, настоящій весенній праздникъ, но... Мирабо умеръ — и добрые парижане оплакивали его смерть!

Черезъ два года, тѣ, кто «орошали слезами улицы, по которымъ проносили великаго трибуна», уже съ негодованіемъ говорили о «великой измѣнѣ Мирабо»... Революція «углублялась» выдвигая новыхъ героевъ и новыя жертвы... Народъ говорилъ о добродѣтельномъ «другѣ народа», журналистѣ Маратѣ и клялся отомстить за его смерть.

Онъ былъ хорошимъ врачемъ. Изъ него вышелъ бы недурной ученый. Марату предлагали мѣсто въ мадридской академіи наукъ. Онъ предпочелъ остаться журналистомъ — въ Парижѣ.

13 іюля 1793 года, въ 7 часовъ вечера, Шарлотта Кордэ, «въ высокой шляпѣ съ черной кокардой и вѣеромъ въ рукѣ», постучала въ домъ ном. 20, по улицѣ Кордельеровъ...

Годъ спустя, тѣло Марата, живописно покрытое тканями, окрашенными въ цвѣтъ крови, торжественно везли черезъ весь Парижъ, къ Пантеону.

Черезъ три мѣсяца, та же толпа, которая когда то несла его съ тріумфомъ на своихъ плечахъ, отъ зданія суда къ Конвенту — оскорбляла память «кровожаднаго злодѣя»... Для того, чтобы «депантеинизировать» Мирабо, понадобилась «великая измѣна» и два страшныхъ, революціонныхъ года. Съ Маратомъ расправились гораздо скорѣй: разложившійся трупъ друга народа былъ извлеченъ изъ Пантеона и выброшенъ на сосѣднее кладбище Сэнтъ-Этьенъ-дю-Монъ — три мѣсяца спустя послѣ національныхъ похоронъ.

— Франсуа-Мари Аруэ, извѣстный подъ именемъ Вольтера. Рожденъ...

... Жизнь мало измѣнила Вольтера. Онъ остался такимъ же, какъ и въ дни своей молодости; насмѣшливымъ скептикомъ, ярымъ полемистомъ, живымъ и порывистымъ, любезнымъ со всѣми, галантнымъ съ дамами.

По утрамъ, онъ часто хандрилъ и сквозь обычную, слегка насмѣшливую улыбку проглядывалъ безпокойный и скучный видъ. Послѣ завтрака старикъ оживлялся, говорилъ остроумныя вещи, гулялъ по саду или игралъ въ шашки съ приглашенными гостями.

Передъ смертью — старому философу вновь захотѣлось повидать Парижъ — въ послѣдній разъ. Столица встрѣтила его, какъ полубога. Французская комедія вѣнчала его лавровымъ вѣнкомъ...

Voltaire, reçois la couronne
Que l'on vient de te présenter.
Il est beau de la mériter
Quand c'est la France qui la donne.

Это былъ послѣдній тріумфъ Вольтера... онъ умеръ молча, ночью 30 мая, на берегу Сены, въ домѣ маркиза де Виллета. Слабый, въ дни своей болѣзни — онъ нашелъ въ себѣ силы въ смертный часъ — умереть не примирившись съ церковью и не давъ письменнаго покаянія „En réparation du Scandale“.

13 лѣтъ спустя, подъ проливнымъ дождемъ, Парижъ торжественно проводилъ его останки въ Пантеонъ безсмертія. *)

---

*) Въ Библіотекѣ Св. Женевьевы хранится рѣдкая гравюра, изображающая погребальную процессію Вольтера. Интересны изображенія депутаціи отъ «Клуба Друзей Конституціи», отъ Національной Гвардіи, отъ предмѣстья Сэнтъ-Антуанъ, несущая портреты Франклина, Руссо, Мирабо и камень

На площади Пантеона — яркій, солнечный день и веселой гурьбой спускаются студенты къ бульвару Сэнъ-Мишель. ....Въ сосѣднемъ лицеѣ Сэнтъ-Барбъ глухо бьетъ барабанъ. Потомъ колокола играютъ четыре четверти и ровно и спокойно отбиваютъ пять ударовъ.

Бастиліи, съ выгравированнымъ на немъ протоколомъ Ассамблеи 1789 г., статуя Вольтера, въ креслѣ, « portée par des hommes vétus en costume Romain, élevant dans les airs des trophées à sa gloire»и т. д. Гравюра эта «mis au jour le 26 juillet 1791 à Paris, chez Basset, rue St-Jacques au coin de celle des Mathurins. Il tient Fabrique de Papiers peints».

Сэнъ-Сюльписъ

Ярмарка Аббатства Сэнъ Жермэнъ. Улица Феру: архитекторъ Лекомбъ. Улица Сервандони: Кондорсэ. Сэнъ-Сюльписъ: банкетъ генерала Буонапарте; свадьба Камилла Демулена

Ежегодно, въ началѣ мая, площадь Сэнъ-Сюльписъ превращается въ старинный многобашенный городокъ, съ зубчатыми стѣнами и мрачными, сводчатыми воротами; городокъ заполняется веселымъ торговымъ людомъ громко выкликающимъ свои товары, разряженнымъ въ пестрые костюмы средневѣковья. Знаменитая ярмарка аббатства Сэнъ-Жерменъ воскресаетъ на три недѣли и становится излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ парижанъ.

Къ концу пятнадцатаго столѣтія, дѣла аббатства Сэнъ-Жермэнъ были очень плохи. Крестовые походы закончились давно — при благочестивомъ королѣ Людовикѣ IX... Варѳоломеевская ночь еще не грезилась даже самымъ ревностнымъ католикамъ. Имущество казненныхъ еретиковъ, философовъ и колдуновъ поступало въ королевскую казну... Необходимо было найти новый источникъ доходовъ.

Монахи Сэнъ-Дени уже давно вышли изъ этого непріятнаго положенія, устраивая ежегодную ярмарку, доходы съ которой поступали въ пользу церкви. Исхлопотать подобное разрѣшеніе у Людовика XI было нетрудно, и 3-го февраля 1486 года, лейтенантъ королевской полиціи въ сопровожденіи офицеровъ Шатлэ, торжественно пригласилъ торговцевъ, собравшихся въ большомъ числѣ между Люксембургомъ и улицей Старой Голубятни (церкви Сэнъ-Сюлписъ въ это время еще не было, и площадь была очень велика) — открыть ихъ бараки.

140 торговыхъ «ложъ» 86 года разрослись въ громадный рынокъ, посѣщавшійся къ концу столѣтія множествомъ купцовъ и праздныхъ парижанъ, желавшихъ весело провести время.

Въ торговыхъ рядахъ помѣщался ярмарочный театръ подъ открытымъ небомъ, многочисленныя танцовальныя залы, въ которыхъ законы общественной нравственности соблюдались не особенно строго, первыя кафэ, начинавшія тогда только по-

являться въ Парижѣ... Духъ непринужденнаго веселья царилъ въ толпѣ; впрочемъ, по временамъ ярмарка становилась сценой серьезныхъ безчинствъ, занимавшихъ весь Парижъ.

7-го февраля 1595 года, передаетъ современникъ, ожидался прiѣздъ короля...

„on disoit que le Roy s'y tronveroit; mais il n'y alla poin. Le Duc de Guise et Vitry coururent les rues avec dix mille insolences".

Пять дней спустя Де-Немуръ, со своими друзьями, успѣшно повторилъ „mille insolences" — какой то адвокатъ былъ избитъ и ярмарочный людъ былъ снова взбудораженъ.

Черезъ нѣсколько дней ярмарку посѣтилъ король: часто останавливался около торговцевъ, сильно торговался, но ничего не купилъ, находя цѣны очень высокими; все же, во дворецъ онъ уѣхалъ весьма довольный всѣмъ видѣннымъ... Особенно охотно Людовикъ посѣщалъ многочисленныя «академiи» — подавалъ совѣты, похаживалъ у игорныхъ столовъ, зачастую рискуя своей честью и благосостоянiемъ своихъ подданныхъ... Нравы были простые и короли не гнушались случайныхъ, ярмарочныхъ партнеровъ.

Изъ года въ годъ, на протяженiи трехсотъ лѣтъ, ранней весной начиналась ярмарка. Въ послѣднiй разъ она была открыта 3-го февраля 1789 года, — на этотъ разъ — безъ успѣха. Вниманiе парижанъ было привлечено къ галлереямъ Палэ-Рояля...

Да и самимъ священникамъ Сэнъ-Жермэнъ было пора подумать объ иныхъ вещахъ... Десятаго августа тюрьмы были набиты людьми въ черныхъ рясахъ... Ночью второго сентября по улицамъ, ведущимъ къ Сенѣ, текли кровавые ручьи; крики избиваемыхъ во дворѣ аббатства нагоняли ужасъ на испуганныхъ прохожихъ и колокола Сэнъ-Жермэнъ тщетно взывали къ глухому городу.

Пока толпа шумитъ и тѣснится у бараковъ, боковыми воротами можно выйти къ маленькимъ, запутаннымъ уличкамъ вокругъ Сэнъ-Сюльписъ.

Улица Феру... У углового дома, сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ найденъ былъ мертвый архитекторъ Лекомбъ съ ножемъ въ затылкѣ...

Бѣдняга очень неудачно женился: его жена была красивой женщиной. Къ тому же, господинъ архитекторъ оказался обременительнымъ супругомъ. Кто то третій убилъ его ночью, на улицѣ Феру.

Этого третьяго, постановленіемъ Королевскаго Суда, **разорвали** 31-го декабря 1754 года на площади Круа Ружъ. Невѣрную жену — повѣсили. Въ день ея смерти всѣ окна, выходящія на Гревскую площадь, брались съ боя за особенно высокую цѣну. Башни собора Парижской Богоматери были усѣяны народомъ и толпа демонстративно апплодировала при проходѣ осужденной.

Въ домѣ номеръ 21, по улицѣ Могильщиковъ (теперь — номеръ 15, ул. Сервандони) долгіе мѣсяцы скрывался жирондистъ Кондорсэ, извѣстный ученый, другъ Бриссо, предсѣдатель Законодательнаго Собранія, объявленный внѣ закона.

Въ ожиданіи гильотины Кондорсэ короталъ время за чтеніемъ латинскихъ стиховъ и работой надъ очеркомъ «О прогрессѣ человѣческаго Разума». 24 марта 1794 года, госпожа Кондорсэ принесла тревожное извѣстіе: убѣжище взято подъ подозрѣніе и съ минуты на минуту могутъ нагрянуть съ обыскомъ патріоты изъ секціи...

Съ наступленіемъ ночи, изъ воротъ дома вышелъ человѣкъ въ рабочемъ костюмѣ, съ краснымъ фланелевымъ колпакомъ на головѣ и книгой стиховъ Горація въ карманѣ.

...Томительно протекала ночь въ пустыхъ и холодныхъ каменоломняхъ Кламара. Утромъ человѣкъ въ фригійскомъ колпакѣ зашелъ въ первый попавшійся кабачекъ и спросилъ поѣсть... За сосѣднимъ столомъ группа гражданъ подозрительно косилась на рабочаго, читающаго латинскіе стихи, принимая его за конспиратора, агента Питта.

Кондонрсэ арестовали... Ночью, въ камерѣ тюрьмы Буръ-Ля-Рэнъ, философъ понялъ, что прогрессъ человѣческаго разума — самая нелѣпая вещь въ мірѣ и отравился; кромѣ стиховъ Горація онъ захватилъ изъ дому и пузырекъ съ ядомъ, пригодившійся ему въ послѣднюю минуту.

...Начинаетъ накрапывать мелкій, весенній дождь. Единственное убѣжище — церковь Сэнъ-Сюльписъ. Нѣсколько свѣчей мерцаетъ вдали: темныя фигуры молящихся застыли по угламъ — неровныя тѣни мелькаютъ и бѣгутъ вдоль холодныхъ стѣнъ.

18 брюмэра VIII года Республики, подъ этими сводами чествовали банкетомъ молодого республиканскаго генерала Буонапарте. Были произнесены рѣчи.

Нѣсколькими годами раньше, въ среду, 29-го декабря 1790 года, въ этой же церкви происходило необычайное вѣнчаніе... Весь кварталъ желалъ во что бы то ни стало увидѣть «маленькую Люсиль Дюплесси», выходящую замужъ за журналиста и адвоката Камилла Демулэна.

Свидѣтелями были: Мерсье, Силлери, Петіонъ, Робеспьеръ.

Кварталъ Бюси

Карфуръ: Сентябрь 1789. Улица Старой Комедіи. Докторъ Гильотенъ. Приказъ объ арестѣ Марата. Улица Мазаринъ: «Королевскіе Комедіанты». Мольеръ. Кафэ Прокопъ

Когда то, лѣвобережнымъ центромъ Парижа былъ Карфуръ - Бюси, шумный и бурлящій перекрестокъ пяти старинныхъ улицъ, расположенныхъ между тихими набережными Сены и бульваромъ Сэнъ-Жермэнъ-де-Прэ.

200-300 лѣтъ тому назадъ здѣсь часто собирались обитатели квартала: поглазѣть на позорный столбъ, съ привязаннымъ къ нему осужденнымъ, на преступника, направляющагося къ Гревской площади, на религіозныя процессіи монаховъ ордена Сэнъ-Бенуа... Революція принесла сюда волну энтузіазма; при первыхъ извѣстіяхъ объ опасности, которой подвергается свобода и безопасность націи, добрые патріоты спѣшатъ къ трибунѣ, воз-

двигнутой на перекресткѣ, у которой толпятся молодые волонтеры, съ жаромъ клянущіеся «жить свободными, или умереть!»..

Въ воскресенье, 2 сентября 1789 года, послѣ обѣда, на улицѣ Бюси собираются подонки парижскихъ предмѣстій, бѣснующіяся женщины и потерявшіе головы агитаторы клубовъ. Отъ маленькой площади толпа движется по улицѣ Сэнтъ Маргеритъ, по направленію къ аббатству. Часъ спустя, крики несчастныхъ, избиваемыхъ жертвъ разносятся по всему кварталу... *)

---

*) «Зажатая, бурная, ревущая, разогрѣтая толпа вливалась изъ улицы Бюси...

...И вдругъ, разомъ, толпа остановилась и замолчала; пушечный выстрѣлъ послышался вдали; послышался второй, потомъ третій, совсѣмъ близкій... Въ томленіи всѣ головы поникли и въ настороженной тишинѣ слышенъ былъ частый звонъ набата въ церквахъ, чистые и тонкіе звоны колоколенъ аббатства Сэнъ Жермэнъ де Прэ и медленные и тяжелые Сэнъ Сюльписъ.

Виденъ былъ большой мужчина, одѣтый въ комнатный бѣлый костюмъ, высунувшійся изъ одного фіакра: онъ простеръ къ толпѣ руки; его голова была обнажена и въ черныхъ волосахъ были видны голубоватые слѣды тонсуры. Онъ, казалось, колебался, повернулъ голову направо и налѣво и закричалъ: «Пощады! Пощады!... Простите!»

Эти слова пробудили чернь, снова начавшую ревѣть; вокругъ фіакра поднялась толкотня; десять сабель опустились на священника; длинный, кровавый слѣдъ вырисовался на его бѣлой одеждѣ и онъ безсильно упалъ во фіакръ, въ которомъ виднѣлись другіе священники, скученные, блѣдные и молчаливые отъ ужаса». — Ж. Ленотръ: «Революціонный Парижъ».

Революціонеры тридцатаго и сорокъ восьмого годовъ воздвигаютъ здѣсь свои баррикады, готовясь дать должный отпоръ правительственнымъ войскамъ.

Уходятъ люди и мѣняются событія; Карфуръ Бюси остается неизмѣнно бурливымъ, шумнымъ, безпокойнымъ, — кучкой пороха, всегда готовой воспламениться.

От перекрестка Бюси къ бульвару Сэнъ-Жермэнъ-де-Прэ ведетъ рю де л-Ансьень Комеди.

Въ домѣ 21, по этой улицѣ, жилъ докторъ Гильотенъ, добрый гражданинъ и членъ Учредительнаго Собранія. Гильотенъ былъ гуманистомъ. Старый способъ обезглавливанія, существовавшій при тиранахъ, казался ему слишкомъ большимъ варварствомъ. Врачъ предложилъ казнить осужденныхъ при помощи машины, уже извѣстной въ Германіи и, слѣдовательно, съ успѣхомъ могущей быть примѣненной во Франціи... Бѣдняга не изобрѣлъ гильотины, и даже не усовершенствовалъ ее, (этимъ пріятнымъ дѣломъ было поручено заняться доктору Луи, въ честь котораго гильотина сначала называлась Луизеттой), но одного предложенія было достаточно, чтобы обезсмертить его имя.

— Этой машиной я отхвачу вамъ голову однимъ махомъ, такъ что вы не почувствуете ни ма-

лѣйшей боли! — Собраніе много смѣялось надъ простодушнымъ ораторомъ... Однако, подвергнуться опыту никто не пожелалъ. *) Три года спустя, немало голосовавшихъ за предложеніе доктора и весело смѣявшихся во время его выступленія, на себѣ лично убѣдились въ превосходствѣ гильотины надъ старымъ способомъ обезглавленія... Да и самъ Гильотенъ, въ концѣ концовъ, попавшій въ тюрьму и вышедшій изъ нея только послѣ паденія Робеспьера, едва не испробовалъ на собственной головѣ несомнѣнныя качества орудія, носящаго его имя.

22 января 1789 года, съ ранняго утра рю де л-Ансьень Комеди въ сильномъ волненіи. Толпа заполняетъ улицу и злобно угрожаетъ всѣмъ, кто осмѣлится тронуть «Друга Народа», публициста Марата, обвиняемаго въ «призывахъ къ неповиновенію, въ зажигательныхъ и развращающихъ выраженіяхъ». Маратъ жилъ по сосѣдству съ докторомъ Гильотеномъ, въ домѣ ном. 22.

---

*) Объектъ для опыта былъ вскорѣ найденъ. 21 августа 1792 г., въ десять часовъ вечера, при свѣтѣ факеловъ и большомъ стеченіи народа, гильотина была впервые пущена въ ходъ. Казненъ былъ Луи Давидъ Коллено д-Агремонъ, аристократъ, обвиненный въ томъ, что въ день возстанія десятаго августа былъ на сторонѣ враговъ народа.

Скоро появляются пристава Шатлэ, въ сопровожденіи солдатъ... Толпа бѣснуется, осыпаетъ ихъ оскорбленіями, угрожаетъ... Испуганные, сбитые съ толку пристава благоразумно ретируются и вновь возвращаются, на этотъ разъ съ солиднымъ конвоемъ... Пока въ домѣ идетъ обыскъ и улица рветъ и мечетъ, какіе то агитаторы,среди которыхъ выдѣляется нѣкій адвокатъ Дантонъ, еще мало кому извѣстный, призываютъ фобуръ къ возстанію.

Изъ всѣхъ зрителей этого спектакля, спокойнѣе всѣхъ самъ Маратъ. Въ замочную скважину сосѣдняго дома онъ слѣдитъ за движеніемъ на улицѣ, видитъ солдатъ, уходящихъ на его старую квартиру, на рю дю Вье Коломбье... Наконецъ, Другъ Народа спускается на улицу и узнаетъ, что отданъ приказъ объ его арестѣ.

Путемъ многочисленныхъ жалобъ, монахи янсениты добились закрытія театра Генего, на улицѣ Мазаринъ... Бѣдные «Королевскіе Комедіанты» остались безъ пристанища и безъ особыхъ надеждъ найти его въ другомъ мѣстѣ... Послѣ долгихъ поисковъ и колебаній, на улицѣ Фоссэ де Сэнъ Жермэнъ-де-Прэ (рю де л-Ансьенъ Комеди) за 200.000 ливровъ былъ купленъ залъ для игры въ мячъ.

Манежъ перестраивается, и 18 апрѣля 1689 года, — 225 лѣтъ тому назадъ, Французскій Театръ

даетъ свое первое представленіе. Въ день открытія господинъ Мольеръ, директоръ, ставитъ «Федру» и «Доктора поневолѣ». Цѣны сравнительно высоки: пять су въ партерѣ, и десять су въ ложѣ; театръ быстро входитъ въ моду. Съ 1699 года плата слегка повышается. Вводится налогъ въ пользу бѣдныхъ, тотъ самый, противъ котораго антрепренеры тщетно протестуютъ уже около 200 лѣтъ.

Валовые сборы невелики и артисты порядкомъ нуждаются. Во время поѣздокъ въ Сэнъ Жермэнъ, для представленія «Тартюфа» въ Шато Нэфъ, Мольеръ получаетъ по шести ливровъ въ сутки — сумма не особенно большая по нынѣшнимъ временамъ.

Французская Комедія остается въ этомъ домѣ семьдесятъ лѣтъ. Слава „Hôtel des Comédiens du Roy entretenus par Sa Majesté“ растетъ съ каждымъ днемъ.

Теперь отъ театра осталась лишь прекрасная статуя Минервы — въ стѣнѣ, да пожелтѣвшая мраморная доска, напоминающая прошлое этого дома. Прохожіе рѣдко замѣчаютъ ее.

Въ годъ открытія Французской Комедіи, предпріимчивый итальянецъ, Прокопіо Кюльтелли основалъ противъ театра первое парижское кафэ... О Прокопіо давно успѣли позабыть, старое кафэ превратилось въ дешевенькій ресторанъ «Прокопъ», но

за двѣсти лѣтъ за его столиками побывали почти всѣ великіе люди Франціи.

Здѣсь создался литературный и политическій центръ Парижа. Изъ «Прокопа» выходили ѣдкія эпиграммы Руссо и политическія сатиры Вольтера; за стаканомъ пива обсуждались событія и критиковались новыя пьесы; въ кружкѣ друзей Пиронъ читалъ свои фривольные стихи; отсюда расходились каламбуры маркиза Де Бьевра, съ восторгомъ повторявшіеся всѣмъ Парижемъ... Приходили сюда Мерсье, Сэнтъ Фуа, Ламоттъ... Изъ сосѣдняго клуба Кордельеровъ заглядывали Гебертъ, Дантонъ, жившій въ двухъ шагахъ отъ кафэ, въ Пассажъ дю Коммерсъ, Робеспьеръ, Талейранъ... Маратъ приносилъ сюда свѣжіе номера «Друга Народа»... Позже, бывалъ здѣсь и генералъ Бонапартъ.

На смѣну политикамъ пришли писатели и поэты: Жоржъ Зандъ, Альфредъ де Мюссэ, Гюго, Теофилъ Готье, Верлэнъ...

Во времена Второй Имперіи кафэ часто посѣщалъ редакторъ журнала «Мондо». Господинъ Кокій любилъ здѣсь просиживать часами. Временами, покой его нарушалъ какой-то молодой человѣкъ частенько заходившій къ «Прокопу», всегда окруженный друзьями, жарко спорящій, разбивающій на-голову противниковъ и увлекающій своимъ энтузіазмомъ всѣхъ окружающихъ... Много позже, редакторъ узналъ, что молодого человѣка звали Гамбеттой.

Послѣдними пришли къ «Прокопу» русскіе... Три года тому назадъ, въ одной изъ залъ Н. Д. Авксентьевъ критиковалъ брошюру Пѣшехонова — «Почему я не эмигрировалъ»... Арбитромъ въ спорѣ выступилъ П. Н. Милюковъ, и потомъ вечера три подрядъ его политическіе друзья ожесточенно спорили о томъ, кто можетъ считать себя эмигрантомъ, и кто не имѣетъ на это права... Впрочемъ, къ исторіи стараго Парижа это прямого отношенія не имѣетъ.

Улица Висконти

Ночь Св. Варѳоломея. Жанъ Расинъ. Адріенна Лекуврёръ. Бальзакъ. Луи Алибо

Кварталъ Сэнъ Жермэнъ де Прэ медленно, вѣками — разрушается.

Исчезаютъ маленькія, узкія улички и вмѣстѣ съ ними уходятъ послѣдніе свидѣтели былой жизни Парижа — старинные отели.

Улица Висконти — счастливое исключеніе изъ общаго правила. Она осталась такой же, какъ и триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ... Угрюмо глядятъ на рѣдкихъ прохожихъ рѣшетчатыя окна отелей, звонко бьютъ копыта по мокрой,скользкой мостовой, тяжелыя дубовыя двери всегда наглухо заперты...

Издавна — здѣсь поселились гугеноты. 23 августа 1572 года, въ ночь Св. Варѳоломея, обитатели улицы Марэ де Сэнъ Жермэнъ — (такъ до 1864 года называлась улица Висконти) — провели безъ сна, съ тревогой прислушиваясь къ крикамъ и шуму, долетавшему со стороны Лувра. Съ правой стороны рѣки слышны были колокола Сэнъ Жермэнъ Л-Оксеруа, бившіе набатъ, небо было окрашено заревомъ пожаровъ и добрые католики рыскали по городу, въ поискахъ послѣдователей Кальвина.

О трагедіи гугенотовъ, переживших ночь Св. Варѳоломея давно позабыли, но старинные отели навсегда сохранили суровый обликъ, рѣшетчатыя окна и хорошо защищенныя ворота.

Въ домѣ номеръ 13, одинокій и всѣми покинутый, оклеветанный друзьями и забытый королемъ, въ 1699 году, умиралъ Жанъ Расинъ.

Бѣдный священникъ сосѣдняго прихода присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ и далъ ему отпущеніе... Расинъ умеръ на разсвѣтѣ, около четырехъ часовъ утра. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти ему исполнилось пятьдесятъ девять лѣтъ.

Темной ночью 21 марта 1730 года, изъ номера 21 выѣхало два экипажа. Экипажи проѣхали рю де Пети-з-Огюстэнъ (ул. Бонапарта), свернули къ Се-

нѣ и быстро покатили по набережной. На углу улицы Бургонь лошади остановились. Изъ передней повозки вышелъ господинъ Де-Лобиньеръ; изъ задней, три человѣка вынесли темный предметъ продолговатой формы.

Наскоро, при свѣтѣ фонарей, въ землѣ была вырыта неглубокая яма — въ нее бережно опустили Адріенну Лекуврэръ, изъ Французской Комедіи...

Вокругъ этой женщины быстро создалась легенда: счастливая соперница отравила ее букетомъ ядовитыхъ розъ...

Она умерла не причастившись и аббатъ Лангэ, изъ церкви Санъ Сюльписъ, отказался предоставить ей могилу на кладбищѣ.

...Вольтеръ посвящалъ ей стихи. Маршалъ Морицъ Саксонскій былъ ея возлюбленнымъ... Весь Парижъ преклонялся передъ Лекуврэръ и засыпалъ ее цвѣтами.

Ночью 21 марта, у наскоро вырытой могилы былъ только одинъ вѣрный другъ — господинъ Де-Лобиньеръ. Любимые цвѣты остались въ комнатахъ Адріены, на улицѣ Марэ де Сэнъ Жермэнъ. *)

---

*) Изъ письма Вольтера отъ 1-го іюня 1720 года: «Стихи эти исполнены справедливымъ горемъ, которое я еще испытываю отъ ея потери, и негодованіемъ, быть можетъ слишкомъ рѣзкимъ — въ связи съ ея погребеніемъ, но негодованіемъ простительнымъ человѣку, который былъ ея поклонникомъ, ея другомъ, ея возлюбленнымъ».

Въ сосѣднемъ одноэтажномъ домѣ Бальзакъ основалъ свою злополучную типографію въ 1825 году.

Авторъ «Шагреневой кожи» былъ большимъ неудачникомъ всю свою жизнь. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него нотаріуса — и такъ и не добился своей цѣли. Молодой Бальзакъ попытался стать драматургомъ — его «Кромвель» оказался никуда негодной трагедіей. Онъ мечталъ о славѣ романиста, вынужденный долгіе годы писать вещи, за которыя издатели неохотно платили нѣсколько сотъ франковъ. Онъ бредилъ богатствомъ — и всю свою жизнь скрывался отъ кредиторовъ. Въ отчаяніи Бальзакъ сдѣлался типографомъ; типографія окончательно разорила его.

...Домъ Бальзака совсѣмъ не измѣнился. Тѣ же широкія окна ателье, выходящія на улицу, тотъ же грязный входъ, запачканный краской, заваленный ящиками и бумагой... Дѣла фабриканта ученическихъ тетрадей и банковскихъ регистровъ, замѣстителя Бальзака, видимо, процвѣтаютъ. Правда, господинъ Германнъ, новый владѣлецъ, никогда не пробовалъ стать романистомъ. Можетъ быть, это спасло типографа отъ разоренія.

26-го іюня 1836 года, Луи Филиппъ, выѣхалъ изъ Тюльери, направляясь въ Нэйи. Вмѣстѣ съ нимъ была королева и госпожа Аделаида.

Экипажъ поворачивалъ къ улицѣ Риволи; неизвѣстный молодой человѣкъ приблизился къ нему и выстрѣлилъ въ направленіи короля.

Пуля никого не задѣла. Покушавшагося **режисида** звали Луи Алибо. Онъ далъ свой адресъ: 3, улица Марэ де Сэнъ-Жермэнъ.

Въ убогомъ отелѣ, сохранившемся до нашихъ дней, былъ сдѣланъ обыскъ, не давшій никакихъ результатовъ. Въ комнатѣ Алибо нашли нѣсколько книгъ страннаго содержанія. На столѣ лежала книга Шатобріана и «Эвръ де Сэнъ-Жюстъ».

За часъ до покушенія, Алибо зашелъ въ сосѣднее кафэ и сыгралъ двѣ партіи на билліардѣ. На предложеніе «сдѣлать» третью — рѣшительную — онъ отвѣтилъ отказомъ, отговариваясь недостаткомъ времени.

Режисидъ Алибо былъ казненъ 11-го августа, въ пять часовъ утра, на площади Сэнъ-Жакъ.

Улица Висконти слишкомъ коротка: ее проходишь быстро, не успѣвъ подумать ни объ отелѣ Ларошфуко (ном. 14), ни о Луи Бланѣ, жившемъ здѣсь когда то, ни о мадемуазель Клейронъ, поселившейся въ домѣ, «въ которомъ умеръ Расинъ», ни о многихъ другихъ...

...Иногда, по утрамъ, по улицѣ Висконти проходитъ нищій музыкантъ, играющій на флейтѣ старинный, давно всѣми позабытый мотивъ.

Изрѣдка, къ его ногамъ падаютъ со звономъ мѣдныя монеты, обернутыя въ обрывки бумаги. Старикъ прекращаетъ музыку, бросаетъ вверхъ къ мансардамъ благодарный взглядъ и, склонясь къ землѣ, шаритъ дрожащими руками упавшую монету.

Потомъ онъ медленно выпрямляется, подноситъ къ губамъ вѣрную флейту и снова тянетъ старинную, давно всѣми позабытую мелодію...

Дворъ Дракона

«Королевская Академія Жантійомовъ». Госпожа Шампань.
Улица Дракона: Викторъ Гюго

Въ самомъ концѣ улицы Реннъ, въ двухъ шагахъ отъ Сэнъ Жермэнъ де Прэ расположенъ входъ въ Куръ дю Драгонъ.

Прохожіе невольно задерживаются передъ монументальными воротами, увѣнчанными огнедышащимъ дракономъ, давно потерявшими свою первоначальную окраску; дожди покрыли ржавчиной тяжелый чугунный брусокъ, будившій когда-то ночного сторожа — дворъ на ночь наглухо запирался; объ остальномъ позаботилась улица, покрывшая все несмываемымъ слоемъ пыли и грязи...

Въ открытыя ворота, подъ темнымъ проходомъ, виденъ мрачный, узкій дворъ, вымощенный грубымъ булыжникомъ; посреди въ ложбинкѣ, протекаетъ зловонный ручеекъ. Стѣны домовъ поко-

сились отъ времени и стали грязно сѣраго цвѣта. Двѣ башенки — въ самомъ концѣ — образуютъ выходъ въ сторону улицы Дракона.

Ровными линіями вытянулся бульваръ Сэнъ Жерменъ и рю де Реннъ, всегда бурлящіе, запруженные автомобилями и тяжелыми повозками, автобусами и трамваями, а дворъ Дракона остался такимъ же, какъ и сотню лѣтъ тому назадъ: хмурый, тихій, немного провинціальный, чуждый новому, шумному Парижу, чудомъ сохранившійся осколокъ стараго города, не признающій современнаго уклада жизни.

Нижнія окна домовъ скрыты ржавыми, желѣзными прутьями. Въ окнахъ верхнихъ этажей — ящики и горшки съ простыми, бѣдными цвѣтами и птичьими клѣтками, купленными когда-то воскреснымъ утромъ на правомъ берегу Сены, противъ Кэ де Флеръ... По утрамъ, старухи въ чепцахъ высовываются наружу и раскладываютъ по карнизамъ кусочки мокраго хлѣба, оставшіеся со вчерашняго дня, заботливо сбереженные для птицъ... Въ одной изъ стѣнъ — маленькая ниша, въ нишѣ статуя Дѣвы Маріи и букеты простыхъ полевыхъ цвѣтовъ.

Лѣтними вечерами, заходящее солнце на мгновенье бросаетъ нѣсколько лучей на пыльныя стекла мансардъ, отражается въ нихъ расплавленнымъ золотомъ и быстро гаснетъ... Во дворѣ Дракона ночь наступаетъ быстро. Въ темнотѣ кто-то проходитъ вдоль стѣнъ и зажигаетъ старые, тусклые фонари.

Глядя на бѣдныя жилища и на хмурыхъ людей, населяющихъ ихъ, трудно представить, что на этомъ мѣстѣ когда былъ отель Тараннъ, въ которомъ жили казначеи Валуа, со временъ Карла VI.

Въ 1652 году здѣсь помѣщался манежъ, превращенный къ концу столѣтія въ «Королевскую Академію Жантійомовъ».

О молодыхъ джентельменахъ давно позабыли обитатели этого двора. Къ моменту Революціи — онъ былъ населенъ подозрительнымъ людомъ, перекупщиками ношеннаго платья, тряпичниками, торговцами старымъ желѣзомъ, мебелью и предметами темнаго происхожденія...

Жоржъ Кэнъ, хранитель Музея Карнавалэ, нашелъ въ Національныхъ Архивахъ интересный документъ, относящійся къ революціонной эпохѣ. Изъ протокола комиссаровъ Секціи Четырехъ Націй явствуетъ, что нѣкой женщинѣ Шампань, проживающей во дворѣ Дракона продана съ торговъ за 375 ливровъ 10 соль одежда убитыхъ въ аббатствѣ Сэнъ Жермэнъ, въ кровавые дни сентябрьской рѣзни. Одежда эта, по свидѣтельству протокола, «въ очень плохомъ состояніи, разорвана»... Госпожа Шампань отличалась недурнымъ коммерческимъ чутьемъ и за очень незначительную плату — 76 ливровъ 5 соль, скупила и обувь, снятую съ мертвецовъ. *) Жизнь дорожала съ каждымъ днемъ и эта

*) ...d'adjudicaton des vêtements des morts à l'abbaye en très mauvais état et mutilés, à la femme

покупка, по тѣмъ временамъ, могла считаться очень удачной...

Въ іюльскіе дни 1830 года, бѣдные торговцы старымъ желѣзомъ увидѣли большую часть своихъ товаровъ — пики и желѣзные прутья, — реквизированными инсургентами Сэнъ Жермэнскаго предмѣстья, явившимися во Дворъ Дракона за оружіемъ. Это былъ послѣдній тревожный день въ жизни спокойнаго уголка Парижа, съ тихими, провинціальными нравами... Съ тѣхъ поръ, ворота больше никогда не запирались.

Три фонаря, старинной формы, освѣщаютъ по ночамъ Дворъ Дракона... Впрочемъ, въ мѣсяцъ Дѣвы Маріи, прохожій замѣчаетъ еще нѣсколько огоньковъ; въ нишѣ Богоматери теплятся тоненькія, восковыя свѣчки... Какая-то старуха сказала намъ, что это —традиція, свято соблюдаемая всѣмъ дворомъ...

Если Monsieur желаетъ, онъ, пожалуй, можетъ тоже купить пачку свѣчей... Она охотно обѣщаетъ ставить ихъ по вечерамъ въ маленькой нишѣ, передъ статуей Покровительницы...

Champagne, Cours du Dragon, moyennant 375 livres 10 sols, ainsi que les souliers et bottes des morts pour 76 livres 5 sols ».

Вокругъ Двора Драгона, нѣсколько уличекъ, кривыхъ, переплетающихся, живописныхъ и старинныхъ, случайно уцѣлѣвшихъ въ моментъ постройки бульвара Сэнъ Жермэнъ. Торговцы мѣдной посудой и старинной мебелью. Нѣсколько бѣдныхъ ремесленниковъ...

Если на мгновенье позабыть о Парижѣ и стараться не слышать шума, долетающаго съ бульвара, — легко можно вообразить себя въ маленькомъ, заброшенномъ городкѣ центра Франціи... Тѣ же лавочки и цвѣты во всѣхъ окнахъ, глубокія подворотни, съ болтающими въ нихъ сосѣдками, нѣсколько грязныхъ ребятишекъ, играющихъ въ уличной пыли — кафэ, съ наивными, провинціальными названіями, лоскутки бумаги, прикрѣпленные къ окнамъ, изъ которыхъ узнаешь, что сапожникъ, въ часы своего отсутствія, проситъ обращаться къ консьержкѣ и что въ кафэ «ищутъ дѣвочку 13-14 лѣтъ, для посылокъ... Уплата немедленная».

На улицѣ Драгона, у номера 30 прибита маленькая, съ трудомъ замѣтная доска :«Викторъ Гюго жилъ въ этомъ домѣ въ 1821 году»...

Поэту было девятнадцать лѣтъ; его карманы, за отсутствіемъ денегъ, были набиты стихами.... Мать Гюго умерла; съ отцомъ онъ окончательно порвалъ. Вдвоемъ съ студентомъ Трэбюшэ они жили въ маленькой мансардѣ, на пятомъ этажѣ, съ

балкончикомъ, похожимъ на старую голубятню, доминирующимъ надъ тѣсной уличкой... Въ этомъ убогомъ жилищѣ поэтъ до дна испилъ чашу страданій и лишеній.

Сорокъ лѣтъ спустя, въ пятой книгѣ «Отверженныхъ», сѣдовласый Гюго вновь переживаетъ трагическіе дни своей молодости; бѣдный Маріусъ —стыдящійся своей нищеты, дырявыхъ башмаковъ, старой шляпы, выходящій изъ комнаты только по ночамъ, чтобы не обращать на себя вниманія насмѣшливыхъ сосѣдокъ; въ лучшіе дни завтракающій на четырѣ су; обѣдающій на шестнадцать; въ худшіе дни — живущій котлетой за 6-7 су, купленной у сосѣдняго мясника... «Этой котлетой, которую онъ самъ жарилъ, онъ жилъ три дня. Въ первый день, онъ ѣлъ мясо, во второй — жиръ. Въ третій, онъ глодалъ кость»...

Наконецъ, путемъ долгихъ лишеній, Гюго собралъ немного денегъ и купилъ великолѣпный фіолетовый костюмъ — очень модный, съ золочеными пуговицами. Отнынѣ онъ могъ спокойно показываться гдѣ угодно, не краснѣя за свой убогій видъ...

Бѣдный Маріусъ, ожесточенно карабкающійся на пятый этажъ въ свою маленькую тѣсную мансарду, нищій девятнадцатилѣтній Гюго, мечтающій о славѣ всѣми признаннаго поэта, бродящій

въ раздумьи по улицѣ Сабо, никому невѣдомый и жаждущій осчастливить человѣчество, — все это вспоминается при видѣ скромной мраморной доски, прибитой къ дому, на улицѣ Дракона...

Герцогиня Де-Турзэль

Въ Парижѣ много вниманія удѣляется зданію Россійскаго Посольства на улицѣ Гренель, построенному когда-то первымъ королевскимъ архитекторомъ Коттомъ, ученикомъ и зятемъ Мансарда, для герцогини д-Эстре. Описывается исторія отеля, — довольно несложная, перечисляются имена его прежнихъ владѣльцевъ, — мало чѣмъ выдающихся и давно всѣми позабытыхъ.

Впрочемъ, одна изъ обитательницъ отеля д-Аркуръ сыграла нѣкоторую роль во время Французской Революціи и тѣсно связала свою судьбу съ участью гибнущей монархіи; много лѣтъ спустя, вѣрная роялистка съ ужасомъ припоминала въ своихъ «Мемуарахъ» волнующія картины этихъ лѣтъ.

Исторія отнеслась несправедливо къ маркизѣ: о ней написано мало, почти ничего... А между тѣмъ, госпожа де-Турзель оставила потомству примѣръ исключительной твердости и вѣрности «своему Королю» — немного наивной, — даже для ея времени, но исполненной очаровательнаго романтизма и энтузіазма эпохи.

Ея мужъ умеръ за три года до Революціи, при трагическихъ обстоятельствахъ: на охотѣ въ Фонтенебло лошадь налетѣла на дерево и отъ страшнаго толчка охотникъ свалился на землю; недѣлю спустя онъ скончался, оставивъ неутѣшную вдову и Короля, опечаленнаго потерей вѣрнаго слуги и добраго дворянина.

О вдовѣ Людовикъ XVI вспомнилъ на слѣдующій день послѣ взятія Бастиліи. Воспитательница Дофина — госпожа Полиньякъ предусмотрительно эмигрировала; на ея мѣсто была назначена маркиза де-Турзель. Съ этого дня и во всю свою долгую жизнь она вѣрно будетъ служить королевской семьѣ, дѣля съ ней всѣ невзгоды и лишенія.

Перваго октября она сопровождаетъ Марію Антуанетту на обѣдъ, данный въ Театральномъ Залѣ дворца королевской стражей, въ честь офицеровъ Фландрскаго Полка; за обѣдомъ выпито слишкомъ много, и разгоряченные солдаты сры-

ваютъ національныя кокарды, обѣщая умереть за «добраго Короля» и его наслѣдника.

Клятва забывается довольно скоро: пять дней спустя, торжествующія торговки Центральнаго Рынка безпрепятственно увлекутъ за собой королевскую семью въ Парижъ, осыпая ее по пути оскорбленіями... Изъ всѣхъ участниковъ памятнаго банкета съ достоинствомъ смогутъ умереть только шестеро дворцовыхъ стражей.

Лѣтомъ 91 года маркиза была серьезно больна. Марія Антуанетта часто навѣщала свою вѣрную компаньонку; во время одного изъ визитовъ она подѣлилась съ ней планами о бѣгствѣ короля... Несмотря на недомоганіе, де-Турзель съ радостью согласилась сопровождать королевскую семью и способствовать осуществленію задуманнаго освобожденія.

Въ понедѣльникъ 20-го іюня королева вышла погулять въ Тюльери вмѣстѣ съ дѣтьми. Какъ всегда, госпожа де-Турзель сопровождала ее. Къ ужину гулявшіе вернулись; Марія Антуанетта неторопливо направилась въ свои аппартаменты. Маркиза заказала на слѣдующій день ванну, отпустила слугъ и ушла въ свою очередь.

Утомленный долгой прогулкой Дофинъ скоро уснулъ. Воспитательница разбудила его и шепнула

на ухо, что его повезутъ на войну, гдѣ онъ будетъ командовать своимъ полкомъ. Ребенокъ вскочилъ съ кровати и заторопилъ ее; будущій полководецъ ничуть не удивился, когда его одѣли въ женское платье и за руку вывели на улицу. Графъ Ферзенъ ждалъ ихъ на козлахъ стараго экипажа, переодѣвшись кучеромъ.

Экипажъ медленно проѣхалъ вдоль набережныхъ, потомъ свернулъ обратно, по улицѣ Сэнтъ Онорэ и остановился противъ отеля Гейярбуа.

Прошло долгихъ, томительныхъ три четверти часа... Никто не показывался. Де-Турзель начинала волноваться: что, если все открылось и ее съ дѣтьми арестуютъ?!... Одинъ Ферзенъ вошелъ въ свою роль и, казалось, чувствовалъ себя превосходно; онъ посвистывалъ, переговаривался съ проѣзжавшими кучерами...

Мимо прошли Лафайеттъ и Бальи, возвращавшіея изъ дворца послѣ церемоніи отхода короля ко сну. У обоихъ былъ спокойный видъ людей, окончившихъ долгій и хлопотливый день и возвращающихся домой. Ни одинъ изъ нихъ, конечно, не подумалъ заглянуть въ экипажъ...

...Около полуночи тяжелыя берлины съ грохотомъ катились по пыльной дорогѣ, въ сторону Шалона.

Въ передней сидѣла госпожа де-Турзель, путешествовавшая подъ видомъ баронессы Корфъ; за ней слѣдовала коляска слугъ... Ночь была теплая, слегка душная. Въ повозкахъ никто не могъ заснуть: всѣ возбужденно переговаривались другъ съ другомъ.

Особенно возбужденъ былъ толстый слуга баронессы. Онъ говорилъ, что его скоро нельзя будетъ узнать: онъ быстро возстановитъ въ странѣ порядокъ и заставитъ уважать короля. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана и вслухъ прочелъ записку, оставленную въ Парижѣ, во дворцѣ... Кто-то пробовалъ смѣяться надъ Лафайеттомъ, воображая его удивленіе и испугъ; говорили также о срокѣ возвращенія въ Парижъ.

Іюньская ночь прошла незамѣтно. Утромъ, толстый слуга, съ которымъ всѣ окружающіе обращались очень почтительно, — расправилъ ноги, затекшія отъ неудобнаго положенія и взглянулъ на циферблатъ: было восемь часовъ... Тяжелая берлина безостановочно катила подъ гору, утопая въ облакахъ пыли.

Госпожа де-Турзель мало удѣляетъ себѣ вниманія на страницахъ замѣчательныхъ «Мемуаровъ». Скромность не позволяла ей писать о самой себѣ — рядомъ со священными для нея именами. Но въ долгіе дни, въ большомъ отелѣ на улицѣ Гренель, доживая свои послѣдніе годы, она не могла не вспоминать и не переживать вновь трагедію, отбросившую большую тѣнь — на всю ея жизнь.

Временами вспоминался ей разсвѣтъ десятаго августа, — душный и горячій, послѣ безсонной ночи... Съ вечера, въ залахъ и на лѣстницахъ Тюльери безтолково метались слуги и безпомощно, съ выраженіемъ героической готовности толпились жантійомы, жаждущіе умереть за короля и Бѣлыя Лиліи.

Маркиза де-Турзель не выходила изъ спальни Дофина, прислушиваясь къ смутному и безпокойному шуму, долетавшему до нея. Ребенокъ ничего не понималъ и, въ концѣ концовъ, преспокойно заснулъ... Пока онъ спалъ, въ предмѣстьяхъ рѣшалась судьба монархіи и большой колоколъ монастыря Кордельеровъ билъ набатъ.

Утромъ, на площади Карусель король сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ... Какъ и всѣ, онъ почти не спалъ.

Людовикъ шелъ вдоль хмураго фронта; люди были недовольны и утомлены. Онъ думалъ о чемъ-

то постороннемъ, спотыкаясь и «тяжело ставя ногу». У него было усталое лицо и парикъ былъ одѣтъ неровно; одна сторона была смята и ненапудрена.

Два часа спустя все было кончено. Черезъ Тюльери королевская семья направилась въ сторону Собранія... Маркиза де-Турзель вела за руку Дофина... «Ребенокъ разбрасывалъ ногой опавшіе листья, уже покрывавшіе аллеи»... «Какъ рано они падаютъ въ этомъ году», удивленно замѣтилъ король.

До самаго конца маркиза была вѣрна монархіи. Двери Тампля закрылись за ней одновременно съ королевской семьей; недѣлю спустя ее перевели въ тюрьму Форсъ, гдѣ она ждала суда и гильотины.

Случай и тайный другъ спасли ее; де-Турзель съ дочерью Полиной удалилась въ Венсенъ, терпѣливо поджидая конца террора... Девятое Термидора не спасло ее отъ политическихъ преслѣдованій: Директорія и, позже, Наполеонъ, всюду видѣвшіе заговоры роялистовъ, недоброжелательно относились къ ней... Фуше арестовалъ де-Турзель и выслалъ ее; четыре года спустя она вернулась обратно, для того, чтобы снова попасть подъ надзоръ министра полиціи.

Реставрація застала ее на улицѣ Гренель, въ

роскошномъ отелѣ, ставшемъ впослѣдствіи русскимъ посольствомъ... Все рѣзко измѣнилось вокругъ... Знатные обитатели предмѣстья, которыхъ когда-то знала маркиза — исчезли...

Старыя гнѣзда были разорены, вѣрные друзья и покровители умерли или погибли; вокругъ нарождалась новая знать, новый дворъ, новые, неизвѣстно откуда пришедшіе люди. Маркиза жила замкнуто, мало выѣзжала и почти никого не принимала... Ея жизнь кончилась давно, и ея мысли были въ прошломъ. Послѣ Версаля и блеска пріемовъ въ Тюльери новая знать казалась алчной, а новый дворъ — тусклымъ и нищимъ...

Судьба, все же, не была особенно жестока къ этой женщинѣ. Вѣрная роялистка, пережившая казнь Людовика и Маріи Антуанетты, таинственную смерть маленькаго Дофина, сама бывшая на краю гибели, — въ концѣ концовъ увидѣла возвращеніе того строя, которому она оставалась вѣрна всю свою жизнь... Людовикъ XVIII обласкалъ ее и возвелъ въ титулъ герцогини. Герцогиня де-Турзель умерла 84 лѣтъ отъ роду.

Сэнтъ Андрэ де-з-Аръ

Улица Сэнтъ Андрэ де-з-Аръ: Бильо Вареннъ. Анжелика Дуа. Куръ де Роанъ: маркизъ Сэнтъ Юрюгъ. Куръ дю Коммерсъ: типографія «Друга Народа». Опыты доктора Гильотена. Габріель Шарпантье. Луиза Желли. Дантонъ

Съ каждымъ годомъ, неуклонно, одна за другой, разрушаются улицы стараго Парижа. Сейчасъ начаты работы по уничтоженію рю де л-Отель де Вилль — остатка среднѣвокового еврейскаго гетто; скоро, вѣроятно, наступитъ очередь и улицы Сэнтъ Андрэ де-з-Аръ, на которой когда-то помѣщались большія мастерскія «братьевъ, принадлежащихъ къ корпораціи сапожниковъ».

Площадь Сэнтъ-Андрэ де-з-Аръ разрушена уже давно, во времена Первой Имперіи. Снесена была при этомъ старинная церковь, построенная въ 1210 году, въ которой были похоронены Жакъ Куатье,

прославленный медикъ Людовика XI; президентъ парламента де Броссъ; де Тонъ со своими двумя женами и много другихъ благородныхъ дворянъ.

Въ 1694 году здѣсь былъ крещенъ Вольтеръ. Сто лѣтъ послѣ его крещенія, церковь была превращена въ «Храмъ Революціи» и это было первымъ сигналомъ къ ея разрушенію; пятнадцать лѣтъ спустя ее срыли съ лица земли.

Странно подумать, что цѣлое поколѣніе французскихъ королей избрало эту уличку своимъ мѣстопребываніемъ. Впрочемъ, властители королевства не отличались особенной требовательностью, и въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, были въ достаточной мѣрѣ равнодушны къ выбору своего мѣстожительства.

Достаточно напомнить о «Маломъ Дворцѣ» Орлеановъ, бывшемъ когда-то въ концѣ улицы Муфтаръ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ помѣщаются казармы республиканской гвардіи, и ютится вся парижская нищета.

Правда, видъ парижскихъ улицъ сильно измѣнился за нѣсколько сотъ лѣтъ. Отъ рю де ла Юшеттъ и до Нельскихъ воротъ шли сплошные зеленые виноградники, спускавшіеся къ Сенѣ... На мѣстѣ двухъ уродливыхъ зданій, носящихъ номера 47 и 49, находился большой отель — чудо сред-

невѣковой архитектуры, въ которомъ прожила одиннадцать лѣтъ Изабелла Французская, дочь Короля - Солнца; Бланшъ д-Артуа, королева Наварская, умершая здѣсь въ 1302 году; Жанна Наварская, супруга Филиппа Красиваго; позже, до вступленія своего на тронъ, жилъ здѣсь и Людовикъ XII, король Франціи и Наварры.

Многое въ Парижѣ безслѣдно теряется и разрушается. И, пожалуй, съ исчезновеніемъ королевскаго отеля, мѣсто это было бы предано забвенію, если бы чья-то заботливая рука не прибавила къ фасаду двухъ мраморныхъ плитъ, разомъ воскрешающихъ въ памяти забытую частицу стараго Парижа.

Улица Сэнтъ Андрэ де з-Аръ богата воспоминаніями.

Въ сентябрѣ 1786 года, въ домѣ ном. 45, въ которомъ нынѣ помѣщается первый въ Парижѣ женскій лицей Фенелонъ, поселилась небогатая молодая чета. Супруга была добродѣтельна и очень миловидна. Мужъ — адвокатъ безъ денегъ и безъ практики.

Бильо Вареннъ порядкомъ нуждался; никто не поручалъ ему веденія дѣлъ... Молодоженамъ пришлось очень плохо; на помощь родителей не приходилось разсчитывать. Анжелика Дуа не принесла

мужу никакого приданнаго, и отецъ Бильо, жившій въ Ля Рошель, не имѣлъ возможности посылать сыну болѣе или менѣе значительныя субсидіи...

Адвокатъ попробовалъ стать драматургомъ, и его пьеса была освистана; потомъ — засѣлъ за писаніе либретто къ оперѣ «Альзира» — съ тѣмъ же успѣхомъ; наконецъ, выпустилъ нѣсколько политическихъ брошюръ — очень умѣреннаго характера и брошюры окончательно разорили его, поглотивъ всѣ скудныя сбереженія.

Наконецъ, кто-то познакомилъ его съ адвокатомъ Королевскаго Совѣта Дантономъ, пригласившимъ Бильо въ качествѣ секретаря. Три года спустя услужливый секретарь отправилъ Дантона на гильотину.

Бильо шелъ всюду за Дантономъ: революція открывала широкія перспективы. Замкнутый, молчаливый человѣкъ, съ волосами «тщательно прилизанными на вискахъ», въ желтомъ парикѣ, — молча слѣдовалъ за своимъ могущественнымъ патрономъ, гремѣвшимъ на весь Парижъ.

Путь, избранный Бильо, оказался правильнымъ. Неудавшійся драматургъ становится послѣдовательно прокуроромъ Коммуны, предсѣдателемъ Конвента, клуба Якобинцевъ, членомъ Комитета Общественнаго Спасенія... Есть отъ чего по-

терять голову! Но Бильо Вареннъ остается по прежнему холоденъ и неприступенъ: какъ аккуратный чиновникъ, съ утра является въ Комитетъ и разбирается въ дѣлахъ, подписываетъ смертные приговоры и вечеромъ, къ обѣду, спокойно возвращается на улицу Сэнтъ Андрэ де з-Аръ, гдѣ съ ненетерпѣніемъ ждетъ его любящая Анжелика.

Провинція залита кровью. Въ Парижѣ гильотина работаетъ, какъ заведенная. Казненъ Дантонъ, въ тѣни котораго выросъ Бильо. Гильотинированъ Робеспьеръ. У воротъ Якобинскаго клуба толпа сжигаетъ чучело Бильо Варенна.

Наконецъ, наступаетъ очередь безработнаго адвоката.

Второго апрѣля 1795 года рю Сэнтъ Андрэ де з-Аръ въ необычайномъ волненіи. Народъ сбѣгается къ дому ненавистнаго якобинца. Скоро въ узкой улицѣ нельзя сдѣлать и двухъ шаговъ. У воротъ отеля, зажатый толпой экипажъ Комитета Общественной Безопасности, жандармы, комиссары съ трехцвѣтными кокардами...

Черезъ часъ, въ воротахъ отеля появляется арестованный Бильо, осужденный на вѣчное изгнаніе. Народъ волнуется, требуетъ смерти, гильотины.

Наконецъ, толпа раздается, экипажъ трогается, доѣзжаетъ до рю де ла Либертэ (ci-devant Monsieur

le Prince) и, къ всеобщему изумленію, поворачиваетъ не въ сторону площади Революціи — къ эшафоту, а на большую Орлеанскую Дорогу... Экипажъ задержанъ, и осужденный, подъ градомъ оскорбленій и проклятій, доставляется во дворъ Комитета Общественной Безопасности.

...Въ пустой квартирѣ четвертаго этажа забыта одинокая женщина, ничего не понимающая, агонизирующая въ ужасѣ и тоскѣ, вѣрная жена Бильо, любящая Анжелика.

Въ сосѣднемъ Куръ де Коммерсъ почти всѣ дома хранятъ очарованіе далекой старины.

Въ кузницѣ еще можно видѣть остатки стѣны, которой Филиппъ Августъ окружилъ Парижъ, заботясь объ его безопасности. Въ домѣ ном. 8 помѣщалась типографія «Друга Народа». Ежедневно сюда приходилъ Маратъ, жившій въ нѣсколькихъ шагахъ на улицѣ Старой Комедіи, — исправлять корректуру. Типографія помѣщается здѣсь и сейчасъ; правда, болѣе мирнаго и болѣе коммерческаго характера.

Тамъ же вдова казненнаго жирондиста Бриссо организовала читальню, просуществовавшую довольно долго — нѣсколько десятковъ лѣтъ.

У дома, расположеннаго напротивъ типографіи «Друга Народа» чудаковатый докторъ Гиль-

отенъ, мечтавшій осчастливить человѣчество, производилъ свои первые опыты гильотинированія надъ ни въ чемъ неповинными баранами.

Въ сосѣднемъ Куръ де Роанъ, все сохранилось въ томъ видѣ, какъ было сотни лѣтъ тому назадъ. Я. Е. Поволоцкій, живущій здѣсь, любезно показываетъ намъ старый отель, построенный Генрихомъ II для Діаны Пуатье. Теперь стѣны отеля потемнѣли и покрылись ползучими растеніями... Терасса случайно забравшагося сюда фотографа выстроена на остаткахъ укрѣпленія Филиппа Августа... У самыхъ дверей сторожки — „pas de mule" — подножка, на которую становились всадники, чтобы ловчѣе сѣсть въ сѣдло. Въ углу — забытъ старый колодезь, съ желѣзнымъ блокомъ для подъема воды...

Въ Куръ де Роанъ жилъ маркизъ Сэнтъ Юрюгъ, игравшій видную роль въ первый періодъ Революціи.

За два дня до взятія Бастиліи, кавалерія разогнала манифестацію въ честь герцога Орлеанскаго и отставленнаго Неккера. Тѣмъ не менѣе, авторитетъ герцога все больше и больше возрасталъ: журналисты посвящали ему статьи, Палэ Рояль былъ полонъ агитаторовъ, разжигавшихъ толпу...

Особенно выдѣлялся маркизъ де Сэнтъ Юрюгъ, громившій враговъ герцога; злые языки утверждали, что маркизъ произносилъ свои рѣчи далеко не безвозмездно и не изъ однихъ только патріотическихъ побужденій. «Однако, — пишетъ

современникъ, — впечатлѣніе, производимое его словами, было огромно: слышавшіе его люди, даже наименѣе расположенные заниматься злобой дня, разомъ зажигались и присоединялись къ бурлящей толпѣ». *)

При постройкѣ бульвара Сэнъ Жермэнъ часть Коммерчскаго двора была безжалостно разрушена Снесенъ былъ и домъ Дантона, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь муниципалитетъ воздвигнулъ ему памятникъ.

Въ этомъ большомъ, высокомъ и довольно мрачномъ на видъ отелѣ Дантонъ пережилъ, безъ сомнѣнія, самые трагическіе часы своего существованія.

Здѣсь поселился онъ со своей первой женой — простой и доброй Габріэлль Шарпантье... Этажемъ ниже жили молодые супруги Демулэны, и обѣ четы часто бывали другъ у друга. Женщины

*) «Его высокій ростъ, мускулистость, его сильный и звонкій голосъ — дѣлали его замѣчательно подходящимъ къ роли, которая была ему назначена. Онъ бродилъ по кафэ, по книжнымъ лавкамъ, всюду разглагольствуя и всюду выслушиваемый благосклонно. Табуретъ въ кофейнѣ, тумба, каменная садовая скамейка, — все служило для него трибуной».

(Мемуары Фуше-Бореля, тайнаго агента Людовика XVIII, т. 1).

говорили о хозяйствѣ, мужчины спорили о политикѣ...

Въ страшный день Десятаго Августа, всѣ сошлись на квартирѣ Дантона. Бѣдная, влюбленная Люсиль плакала, и Демулэнъ утѣшалъ ее, говоря, что онъ будетъ все время вмѣстѣ съ Дантономъ... Дантонъ крѣпко спалъ.

Наконецъ, оба ушли, — въ ночь — въ сторону Городской Ратуши. Время тянулось безконечно медленно. У кордельеровъ все время колоколъ билъ набатъ, взывая къ бравымъ патріотамъ; подъ окнами толпа кричала: «Да здравствуетъ Нація».

Ночь проходитъ. Люсиль Демулэнъ, вся въ слезахъ, и полумертвая Габріэлль ждутъ вѣстей. Проходитъ еще одинъ томительный день. Утромъ двѣнадцатаго Габріэлль Шарпантье, бывшая кассирша изъ «Кафэ Парнасса» на кэ де л-Эколь, узнаетъ, что Жоржъ Дантонъ назначенъ министромъ юстиціи.

Революція идетъ быстрѣе человѣческой жизни.

Холоднымъ мартовскимъ вечеромъ, передъ домомъ Дантона останавливается патруль и шумно поднимается по лѣстницѣ.

Окна сосѣднихъ домовъ раскрываются. Люди съ испуганными, недоумѣвающими лицами слѣ-

дятъ за происходящимъ на улицѣ, тревожно переговариваясь между собой.

Наконецъ выводятъ Дантона... Послѣдній взглядъ на освѣщенныя окна, въ которыхъ виднѣется силуэтъ маленькой Луизы Желли, двадцатилѣтней жены, прижимающей къ груди ребенка. Потомъ Дантонъ поворачивается и, блѣдный отъ гнѣва, сжимая кулаки, крупными шагами идетъ къ выходу изъ Пассажа, окруженный вооруженными людьми.

Патруль заворачиваетъ за уголъ, и шаги его затихаютъ. Скоро ежащіеся отъ холода люди закрываютъ окна, и свѣтъ гаснетъ во всѣхъ домахъ.

Въ темнотѣ ярко свѣтятъ окна въ квартирѣ Дантона: маленькая Луиза ждетъ до утра своего мужа.

Набережная Малакэ

Отель Буйонъ. Отель Ломени де Бріенна. Фуше. Морицъ Саксонскій. Анна Іоанновна. Бюзо

До 1632 года, парижане, желавшіе перебраться съ праваго берега Сены въ сторону аббатства Сэнъ Жерменъ де Прэ должны были уплатить 6 серебрянниковъ за мѣсто на баркѣ, отходившей отъ Лувра и высаживавшей своихъ пассажировъ на набережной Малакэ, едва только начавшей отстраиваться.

На мѣстѣ обширныхъ садовъ Аббатства, спускавшихся когда-то къ Сенѣ, стали появляться первые отели; около 1670 года, набережная была вымощена и къ концу столѣтія здѣсь поселилось много дворянъ и лицъ знатнаго происхожденія.

Съ кэ Малакэ открывался чудесный видъ. На противоположномъ берегу широко раскинулся Лувръ, рядомъ, на мѣстѣ Института, у самой воды

стояла Нельская Башня; вдали, въ голубоватомъ туманѣ выростала Нотръ Дамъ, острый шпицъ Святой Капеллы, колокольня церкви Сэнъ Жервэ, башня Сэнъ Жакъ... Внизу, у ногъ, широкой лентой протекала Сена, покрытая барками, судами и лодками, еще не зажатая въ гранитныя стѣны пристаней и не изрѣзанная горбатыми, темными мостами...

За триста лѣтъ много домовъ разрушено и безслѣдно исчезло. Чудомъ уцѣлѣлъ отель Буйонъ, построенный Мансардомъ, въ которомъ когда то жила вдова Карла I и гдѣ въ 1730 году, по случаю рожденія Дофина, испанскіе Экстраординарные Посланники давали праздникъ, на который собрался глазѣть весь лѣвобережный Парижъ.

Зато безслѣдно исчезъ отель Ломени де Бріенна, государственнаго секретаря Людовика XIV, унося съ собой въ небытіе частицу исторіи Первой Имперіи. Въ теченіе десяти лѣтъ, — съ 1804 по 1814 годъ, регулярно, изо дня въ день, подъ вечеръ — Фуше отправлялъ отсюда донесенія императору, на двадцати листахъ плотной бумаги, исписанной мелкимъ, угловатымъ почеркомъ. Донесенія составлялись очень обстоятельно: планы и дѣйствія конспираторовъ, эмигрантовъ, сенаторовъ и политиковъ, настроенія въ Парижѣ, заграничная пресса, уличныя драки и финансовыя банкротства... Бонапартъ любилъ быть въ курсѣ дѣлъ и бывшій конспираторъ Фуше, всюду имѣвшій вѣрныхъ людей

и прочныя связи, доставлялъ ему хорошую информацію.

Перваго августа 1799 года, — день, въ который Фуше впервые появился въ мрачномъ министерствѣ полиціи на Кэ Малакэ, бывшій якобинецъ, организаторъ ліонской бойни, съ неумолимой жестокостью подписывавшій смертные приговоры; другъ жирондистовъ, ушедшій къ монтаньярамъ, чтобы измѣнить имъ ради термидоріанцевъ, — разомъ почувствовалъ себя вторымъ персонажемъ Республики.

Старыя конспиративныя связи пришли на помощь Фуше: у него всюду есть освѣдомители; стая наблюдателей, ищеекъ и шпіоновъ разсыпана по всей странѣ и просачивается въ толщу Парижа, проникаетъ въ подозрительные кабачки и рестораны бульваровъ и Палэ Рояля, въ клубы и свѣтскіе салоны, кулуары парламента и редакціи газетъ, въ театральныя кулисы и императорскіе дворцы...

Подозрительный и недовѣрчивый, какъ и всѣ тираны, Бонапартъ начинаетъ чувствовать надъ самимъ собой око всесильнаго министра... Жандармъ, знающій слишкомъ многое, становится опасенъ. Его награждаютъ по царски и «отпускаютъ на покой».

Отставленный Фуше, не рѣшаясь уйти отъ своего любимаго дѣтища, поселяется совсѣмъ близко, въ благопріобрѣтенномъ отелѣ на рю дю Бакъ... Бывшій начальникъ полиціи продолжаетъ заниматься розыскомъ, за свой страхъ и рискъ, — изъ любви къ искусству. Въ отелѣ на улицѣ Бакъ извѣстно многое, о чемъ жаждутъ узнать въ Тюльери... Сюда приходятъ наблюдатели и развѣдчики съ обширными докладами и сенсаціонными разоблаченіями; здѣсь распутываются сложнѣйшія политическія интриги и раскрываются заговоры шуановъ, все болѣе и болѣе учащаюшіеся.

Во всей Имперіи есть только одинъ человѣкъ, способный внушить страхъ конспираторамъ. И Фуше снова появляется на Кэ Малакэ и снова подъ вечеръ во дворецъ отправляются объемистые доклады о положеніи въ столицѣ... Сухой, холодный человѣкъ безнаказанно и безконтрольно распоряжается судьбами государства, — всего достигаетъ, — и разомъ срывается, не удержавшись; уходитъ, — съ тѣмъ, чтобы вновь появиться на горизонтѣ, — на этотъ разъ министромъ Людовика XVIII. Бывшій **режисидъ,** вотировавшій казнь «послѣдняго Капета» переходитъ на сторону режима, на борьбу съ которымъ онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни, и служитъ — кажется очень добросовѣстно — своему новому господину... Старыя знакомства и связи — во всѣхъ лагеряхъ — продолжаютъ поддерживаться, — на всякій случай.

...Жизнь совершаетъ полный кругъ и замыкается глухимъ кольцомъ: отъ клуба якобинцевъ на рю Сэнтъ Онорэ, черезъ термидоръ и 18 брюмера, къ геніальному диктатору и бездарному королю...

„Le Ministre de la Police est un homme qui doit se mêler de ce qui le regarde — et surtout de ce qui ne le regarde pas".

Фуше былъ тѣмъ министромъ полиціи, о которомъ думалъ Таллейранъ, произнося эти слова.

Въ сосѣднемъ домѣ ном. 5 долгіе годы жилъ Морицъ Саксонскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни маршалъ сильно усталъ; женщины надоѣли ему; воевать — не позволяла болѣзнь. Французская Академія, питающая большое пристрастіе къ маршаламъ, предложила ему вакантное кресло; Морицъ Саксонскій отвѣтилъ лаконичной запиской:

„Ils veule me fere de la cademie; cela m'iret come une bage à un chas".

Бои подъ Ригой и польскія кампаніи, рекрутство въ Курляндіи и славное отступленіе подъ Крашицомъ, взятіе Праги и охоты въ Шантіи; ужины въ Палэ Роялѣ и свиданья въ Тюльери; все это помѣшало кандидату въ Академію осилить французскую грамматику...

Какъ то, послѣ спектакля, въ кулисахъ его познакомили съ Адріенной Лекуврeръ, — одной изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ никто не называетъ красивыми, но чьи лица никогда не забываются.

...Временами судьба жестоко шутитъ своимъ баловнемъ: толстая курляндская принцесса влюбляется въ 29-тилѣтняго Морица, имѣющаго въ прошломъ изрядное количество скандальныхъ исторій и неоплаченныхъ долговъ... Неудовлетворенная любовница тщетно мечтаетъ о бракѣ. Послѣ мадемуазель фонъ Лэбенъ маршалъ далъ слово не жениться; слово сдерживается твердо.

Опытный тактикъ ошибается и проигрываетъ жестоко. Игрой случая глупая нѣмка превращается въ Императрицу Всероссійскую... Мѣсто Морица Саксонскаго занимаетъ Биронъ; мѣсто Императрицы Всероссійской занимаетъ актриса Французской Комедіи.

Утромъ второго іюня 1793 года, молодой депутатъ Бюзо, жирондистъ и другъ Верньо, Бриссо и Петіона, вышелъ изъ своего дома на Кэ Малакэ, чтобы направиться въ Конвентъ. Обратно ему не было суждено вернуться.

Возстаніе въ Нормандіи провалилось; страна осталась равнодушна къ призывамъ депутатовъ, объявленныхъ внѣ закона; надо было думать о

спасеніи своей жизни, скрываться, искать убѣжища и начать тяжкій путь, годъ спустя приведшій къ лѣсной опушкѣ у Кастеліона.

...Группа народныхъ избранниковъ бродитъ по пустымъ дорогамъ, страшась человѣческаго жилья, ночуя въ полѣ, на пустыряхъ, въ каменоломняхъ и заброшенныхъ садахъ; безъ хлѣба, безъ платья и обуви, раздирая ноги въ кровь... Въ подземельяхъ дома Терезы Букей, гдѣ нельзя развести огонь, на чердакѣ парикмахера Трокара, гдѣ весь день приходится молчать, изъ боязни быть услышанными внизу, — остается только одно: писать о прошломъ и готовиться къ будущему.

Холоднымъ ноябрьскимъ днемъ они узнали о казни Верньо и его друзей... Въ полутемномъ сыромъ подвалѣ время тянулось безконечно медленно... Бюзо страдалъ невыносимо: госпожа Ролланъ, любимая Манонъ — была въ Консьержери и онъ никому не смѣлъ выдать своихъ душевныхъ мукъ и страданій.

Какъ далеки были отъ него друзья — одни — на кладбищѣ Мадленъ, другіе — здѣсь же, рядомъ, такъ же какъ и онъ страдающіе въ добровольной тюрьмѣ! Далекъ былъ отель на Кэ Малакэ, на берегу Сены и домъ Роллана на рю де ла Арпъ, куда столько разъ онъ приходилъ съ тайнымъ душевнымъ волненіемъ...

Въ концѣ іюня 1793 года, случайный прохожій близъ Кастеліона, услышалъ въ хлѣбахъ грызню собакъ. Человѣкъ приблизился и замѣтилъ два разодранныхъ трупа; времена были тревожны и подобныя находки никого не удивляли.

Крестьяне приняли самоубійцъ за бѣглыхъ эмигрантовъ и похоронили ихъ здѣсь же, въ полѣ... Въ тотъ же день группой сознательныхъ санкюлотовъ было отправлено въ Конвентъ обращеніе:

«Граждане представители, наши поиски не были тщетными, такъ же какъ и наши обѣщанія. Объявляя Вамъ о взятіи злодѣя Барбару, мы осмѣлились увѣрить Васъ, что живыми или мертвыми, его вѣроломные соучастники — Петіонъ и Бюзо — будутъ скоро въ нашей власти.

«Въ дѣйствительности, они въ нашей власти, или, вѣрнѣе, ихъ уже больше не существуетъ.

«Пытка, которую законъ готовилъ предателямъ была слишкомъ мягка; и человѣческая справедливость приготовила болѣе достойную ихъ злодѣяній. Ихъ гнусные трупы найдены обезображенными, наполовину съѣденными червями; ихъ разодранныя части тѣла сдѣлались добычей обжорливыхъ собакъ, ихъ кровавыя сердца, — пищей дикихъ животныхъ. Таковъ ужасный конецъ еще болѣе ужасной жизни. Народъ! Смотри на эту чудовищную пытку, страшный памятникъ мести.

«Предатели! Пусть эта низкая смерть, пусть эта гнусная память,заставитъ васъ отшатнуться въ ужа-

сѣ и дрожать отъ страха. Такова отвратительная участь, рано или поздно ждущая васъ». *)

Человѣческая ненависть не имѣетъ предѣловъ; домъ Бюзо въ Эврэ былъ срытъ и на немъ долгое время виднѣлась надпись:

„Içi fut l'Asile du Scelerat Buzot".

Историческій отель на Кэ Малакэ должна была постигнуть та же участь; Девятое Термидора спасло его отъ разрушенія.

*) « Mémoires Inédits de Petion et Mémoires de Buzot et de Barbaroux », par C. A. Dauban (page 504).

Набережная Конти

Генріетта Клевъ. Маргарита Бургондская. «Нѣкая знатная Дама». Коллежъ Четырехъ Націй. Отель Генего: артиллерійскій офицеръ Буонапарте

Въ октябрѣ воды Сены темнѣютъ, становятся холодными и прозрачными; вдоль пустыхъ набережныхъ, на каменныхъ плитахъ, подгоняемые вѣтромъ шуршатъ золотые, сухіе листья.

Въ солнечные дни приходятъ сюда старые букинисты, — долгими часами простаиваютъ у ржавыхъ ящиковъ, наполненныхъ книгами въ кожанныхъ переплетахъ, медленно перелистываютъ страницы и дряхлыми слабѣющими глазами всматриваются въ желтый пергаментъ и титульные листы: "Avec approbation et privilège du Roy".

Кто только не роется въ пыльныхъ ящикахъ букинистовъ!

Встрѣчаются здѣсь и профессора Сорбонны, и писатели, и художники, и студенты, спускающіе по

дешевкѣ послѣднія книги... Еще совсѣмъ недавно, на берегахъ Сены часто появлялся сѣдовласый старикъ, медленными шагами проходившій мимо торговцевъ книгъ и эстамповъ. Старика звали Анатолемъ Франсомъ. Авторъ «Таисъ» кое съ кѣмъ заговаривалъ, вѣжливо отвѣчалъ на поклоны и былъ хорошо извѣстенъ завсегдатаямъ набережныхъ. *)

Въ 1661 году, исполнители воли покойнаго кардинала Мазарини порѣшили купить обширное мѣсто, недалеко отъ Нельскихъ Воротъ, противъ Лувра.

На пріобрѣтенной площади былъ построенъ Колледжъ Четырехъ Націй, предназначенный для шестидесяти бѣдныхъ **жантійомовъ** и дѣтей несо-

---

*) «Позвольте мнѣ Вамъ сказать, что я никогда не прохожу по этимъ набережнымъ безъ нѣкотораго волненія, полнаго радости и грусти, потому что здѣсь я родился, потому что здѣсь я провелъ свое дѣтство и потому что привычныя лица, которыя я здѣсь когда-то встрѣчалъ, уже навсегда исчезли.

...Я былъ воспитанъ на этой набережной, среди книгъ, воспитанъ скромными и простыми людьми, воспоминанія о которыхъ храню только я одинъ. Когда я перестану существовать, будетъ такъ, какъ будто бы ихъ никогда не было. Моя душа вся полна ихъ реликвіями.

...Память о нихъ внушаетъ мнѣ радость отреченія и любовь къ покою. И только одинъ изъ свидѣтелей моего дѣтства влачитъ еще на набережной свою жалкую жизнь. Онъ

стоятельныхъ буржуа... Снесена была при этомъ Нельская башня, одна изъ четырехъ, построенныхъ Филиппомъ Августомъ для защиты Парижа со стороны рѣки... Съ ея исчезновеніемъ забыто много легендъ и таинственныхъ разсказовъ, пользовавшихся когда то большимъ успѣхомъ у парижанъ.

Генріета Клевъ, жена Людовика Гонзаго, герцога Наварскаго, долгіе годы прятала здѣсь голову своего любовника Коконаса... Бѣднягу казнили на Гревской Площади; отрубленная голова была выставлена на всеобщее обозрѣніе и похищена темной ночью — неизвѣстно кѣмъ... Легенда утверждаетъ, что какимъ то образомъ она была доставлена Генріетѣ Клевъ и была спрятана въ одной изъ потайныхъ комнатъ Башни, въ желѣзномъ ларцѣ...

не былъ ни изъ самыхъ близкихъ, ни изъ самыхъ любимыхъ. И тѣмъ не менѣе, я вижу его всегда съ удовольствіемъ. Это вотъ тотъ бѣдный букинистъ, который грѣется передъ своими ящиками на яркомъ весеннемъ солнцѣ. Съ лѣтами онъ сталъ совсѣмъ маленькимъ. Съ каждымъ годомъ онъ все больше уменьшается, и его жалкая выставка также съ каждымъ годомъ дѣлается все тоньше и все легче. Если, еще на нѣкоторое время, смерть забудетъ моего стараго друга, то въ одинъ прекрасный день порывъ вѣтра унесетъ его вмѣстѣ съ послѣдними листками книжекъ и зернами овса, которыя вылетаютъ изъ сѣрыхъ торбъ стоящихъ рядомъ съ нимъ извозчичьихъ лошадей. Пока что, онъ почти доволенъ. Если онъ боленъ, то онъ объ этомъ не думаетъ. Онъ не продаетъ своихъ книгъ, онъ ихъ читаетъ. Онъ художникъ и философъ (Анатоль Франсъ «Книги и люди», стр. 54-55).

Молодымъ людямъ, связывавшимъ свою судьбу съ прекрасными обитательницами Нельской башни — порядкомъ не везло: шестьдесятъ восемь лѣтъ спустя былъ казненъ Сенкъ Маръ, любовникъ Мари Луизъ Де Гонзаго, — жившей тамъ же... Много поговаривали парижане и объ оргіяхъ Маргариты Бургонской, жены короля... Подлинность этихъ разсказовъ остается подъ большимъ сомнѣніемъ; неоспоримо лишь то, что владѣлица Башни была придушена, — по приказу своего коронованнаго супруга.

Значительно позже, мемуаристъ Брантонъ иллюстрируетъ свою замѣчательную главу „Discours sur le sujet, qui contente le plus en amours, ou le toucher, ou la vue, ou la parole“ исторіей «нѣкой знатной дамы» (благоразумно не называя ея имени), поселившейся въ Нельской Башнѣ, „faisant le guet aux passans et ceux qui luy revenoyent et agréoient le plus de quelques sortes de gens que ce fussent, les faisoit appeler et venir à soy; et, après avoir tiré ce qu'elle en vouloit, les faisoit précépiter du haut de la tour, qui paroist encóres, en bas, en l'eau, et les faisoit noyer“. *)

При желаніи Брантомъ могъ бы, вѣроятно, разсказать еще кое что о Прекрасной Дамѣ, сбрасывающей въ воду предварительно использованныхъ ею мужчинъ... Мемуаристъ зналъ многое, но о

*) «Œuvres complètes de Pierre de Bourdeilles, seigneur de Brantôme », t. IX, p. 244.

многомъ разсказывалъ въ десяти строкахъ... Александръ Дюма не зналъ ровно ничего, — и все же умудрился написать на этотъ сюжетъ большую трагедію, восполнивъ недостатокъ историческаго матеріала фантазіей драматурга.

Революція принесла «чистку» Колледжу Четырехъ Націй; шестьдесятъ жантійомовъ были изгнаны, а самъ колледжъ — за ненадобностью — упраздненъ... Во дворцѣ бывшаго Кардинала помѣщается грозный Комитетъ Общественнаго Спасенія, устраивающій здѣсь же свои засѣданія...

Въ 1795 году, декретомъ Конвента сюда переводится Институтъ, помѣщавшійся въ Луврѣ, въ залѣ Каріатидъ. Съ этихъ поръ на Кэ Конти наступаютъ спокойныя времена... Изрѣдка, въ дни торжественныхъ засѣданій, дворы Института наполняются покойными каретами; почтенные старички во фракахъ и цилиндрахъ à la Président Жюль Греви, дамы въ бальныхъ туалетахъ, старые академики въ треуголкахъ и мундирахъ, шитыхъ золотомъ, поддерживая игрушечныя шпаги на-боку, гордо поднимаются по заплеснѣлымъ ступенькамъ, ведущимъ «подъ куполъ»...

«Когда я еще теперь прохожу по Кэ Конти, я не могу удержаться, чтобы не посмотрѣть на мансарду лѣваго угла дома, на третьемъ этажѣ. Тамъ жилъ Наполеонъ всякій разъ, какъ онъ бывалъ у моихъ родителей. Эта маленькая комнатка была очень красива. Рядомъ съ ней находилась комната моего брата». *)

Въ сентябрѣ 1784 года молодой Буонапарте вышелъ изъ Бріенской Школы; годъ спустя онъ прибылъ въ Парижъ—безъ средствъ, безъ связей, полонъ несбыточныхъ надеждъ и грандіозныхъ плановъ.

Дядя герцогини д-Абрантесъ встрѣтилъ его на улицѣ, въ то время, какъ длинноволосый, худой юноша вылѣзалъ изъ почтовой кибитки... «Воистину, у него былъ видъ пріѣзжаго... Я встрѣтилъ его въ Палэ Роялѣ, гдѣ онъ ротозѣйничалъ, осматриваясь во всѣ стороны, задравъ носъ въ воздухъ и имѣя видъ людей, которыхъ обкрадываютъ мазурики на ихъ же собственныхъ глазахъ, если у нихъ есть еще что украсть» (тамъ же, стр. 53, т. 1)

Герцогъ спросилъ молодого человѣка, гдѣ онъ завтракаетъ. Буонапарте смутился отъ неожиданнаго вопроса и смѣшался, не зная, что отвѣтить; выборъ офицера, видимо, не былъ сдѣланъ...

---

*) „Mémoires de Madame la duchesse d'Abrantès, ou souvenir sur Napoléon, la Révolution, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration“ (1833, T. I., p. 64).

Быть можетъ, онъ собирался направиться «къ Жюста, на улицу Малыхъ Отцовъ, гдѣ порція стоила шесть су». *)

Завтракъ состоялся, но Наполеонъ былъ все время очень угрюмъ и сдержанъ. Роскошь отеля раздражала непомѣрно; корсиканецъ тщательно старался скрыть свою нужду, что, впрочемъ, плохо ему удавалось.

Съ этого дня Буонапарте сдѣлался частымъ посѣтителемъ отеля Генего, на набережной Конти... Какъ то, вскорѣ послѣ окончанія школы, счастливый подпоручикъ явился къ д-Абрантесамъ въ новой, только что сшитой формѣ — блестящимъ артиллерійскомъ мундирѣ. Мундиръ сидѣлъ недурно, но сапоги были непомѣрно велики и болтались на его худыхъ ногахъ. Старшіе хвалили, находя, что форма ему къ лицу, но маленькая двѣнадцатилѣтняя д-Абрантесъ испортила эффектъ, безапеляціонно заявивъ, что Наполеонъ похожъ на «Кота въ сапогахъ»... Будущій императоръ долго не могъ простить ей этой дерзости.

...На закатѣ надъ городомъ поднимается легкій голубой туманъ и стелется вдоль маленькихъ узкихъ уличекъ, ведущихъ къ Сенѣ. День кончается.

---

*) Saint-Hilaire. „Habitations napoléoniennes“ page, 65.

Въ сумеркахъ съ трудомъ можно различить мѣсто, гдѣ когда-то находилось первое Англійское Кафэ въ Парижѣ, — на углу улицы Дофинъ... Во времена Людовика XV здѣсь собирались англійскіе писатели.

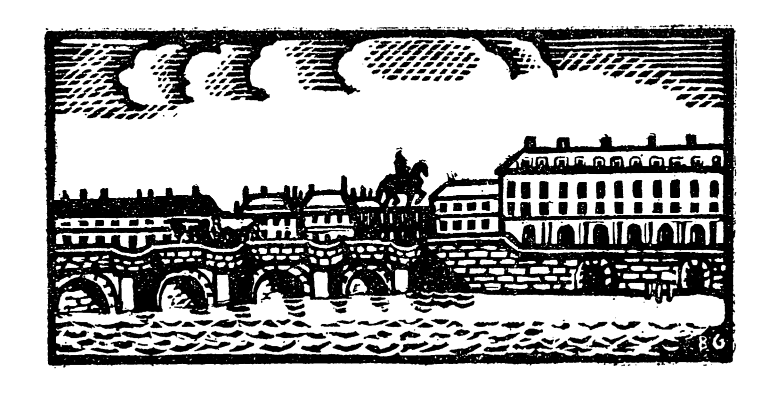
Нѣсколько дальше, неясной грудой чернѣютъ дома, построенные на мѣстѣ разрушеннаго монастыря ордена Св. Августина... Отъ домовъ тянетъ сыростью: дождь шелъ всю ночь.

Въ темнотѣ на Кэ Конти кто то зажигаетъ газовые фонари; и протягивается алмазное ожерелье вдоль пустыхъ, гранитныхъ набережныхъ Сены.

Новый Мостъ

«Нищіе Христовы Воины». Нудачливый режисидъ. Ирландскіе бандиты. Первый салонъ. Домъ Манонъ Флипонъ

Что можетъ быть интереснѣе прогулки въ солнечный, осенній день по Новому Мосту, площади Дофинъ и тихой, спокойной набережной Часовщиковъ? Темная, свинцовая вода Сены слегка поблескиваетъ и рябится подъ солнцемъ; вдали четко вырисовываются башни Палэ де Жюстисъ, бурыя отъ вѣтра и дождей, и изломанныя линіи гранитныхъ набережныхъ Сены. Обликъ стараго Парижа сохранился здѣсь въ неприкосновенности.

Зима 1305 года была неныносима для парижанъ. Бѣдный людъ вымиралъ отъ холода... Къ веснѣ пришло новое бѣдствіе — разливъ Сены. Вода поднялась на небывалую высоту, залила берега, снесла мосты и затопила низкія части города... Наступилъ голодъ и броженіе въ народѣ. Въ тотъ день, когда хлѣба не хватило, вооруженные люди бросились ко дворцу; король благоразумно перебрался въ монастырь тампліеровъ, хорошо защищенный, являвшійся убѣжищемъ всѣхъ преслѣдуемыхъ. Недѣлю спустя все было улажено; вода спала, хлѣбъ былъ подвезенъ и 28 зачинщиковъ повѣшены на городскихъ укрѣпленіяхъ... Филиппъ Красивый могъ вновь вернуться во дворецъ, — куда менѣе комфортабельный, нежели монастырь, въ которомъ онъ нашелъ пріютъ. Мысль о богатыхъ монахахъ не давала покоя бѣдному королю... Быть можетъ вспомнились ему «Нищіе Христовы Воины» — пришедшіе во Францію при Людовикѣ Толстомъ, — разбогатѣвшіе въ короткій срокъ и ставшіе видными и вліятельными людьми королевства.

Чѣмъ затруднительнѣе бывало положеніе государственной казны, тѣмъ чаще Филиппъ думалъ о сокровищахъ, накопленныхъ тампліерами. Наконецъ, въ Парижъ былъ вызванъ Великій Мастеръ Ордена - Жакъ де- -Молей. Король ласково принялъ его, избравъ гостя крестнымъ отцомъ своихъ дѣтей.

Пока за Жакомъ де-Молей ухаживали во дворцѣ, — Филиппъ Красивый велъ переговоры съ Па-

пой Климентомъ V, выпрашивая у него разрѣшеніе расправиться съ «Христовыми Воинами»... Папа согласился — вѣроятно, изъ чувства монаршей солидарности.

Въ четвергъ, 12-го ноября, въ Парижѣ хоронили Екатерину Валуа. Народъ толпился, любуясь процессіей; Жакъ де-Молей, во главѣ своихъ рыцарей шелъ за гробомъ... На слѣдующій день Великій Мастеръ тампліеровъ вмѣстѣ съ рыцарями былъ арестованъ; событіе вызвало много толковъ. Недоумѣнію былъ скоро положенъ конецъ: съ перекрестковъ улицъ герольды возвѣстили, что тампліеры не вѣрятъ въ Бога и оскверняютъ святой крестъ, поклоняются деревянному идолу Бафомету, продаютъ христіанъ въ рабство невѣрнымъ, предаются разврату, душатъ новорожденныхъ младенцевъ и поджариваютъ ихъ въ угоду кровожадному Бафомету, — съѣдаютъ на кладбищахъ прахъ мертвецовъ. Обвиненіе содержало 127 пунктовъ, каждаго изъ которыхъ было достаточно, чтобы отправить всѣхъ членовъ ордена въ темницы, предварительно заковавъ ихъ въ цѣпи.

Въ видѣ реванша за содѣянные грѣхи, королевская инквизиція пытала еретиковъ самыми разнообразными способами: вырывала имъ зубы, поджаривала на медленномъ огнѣ, обугливая и обнажая нервы, выворачивая суставы, дробила кости, и, въ исключительныхъ случаяхъ, — заживо погребала. Тридцать шесть тампліеровъ умерло «естествен-

ной смертью», не выдержавъ производившихся экспериментовъ; пятьдесятъ шесть были наскоро сожжены въ Венсеннъ... Остальные были забыты въ темницахъ — на долгіе годы.

Въ мартѣ 1313 года, благочестивый король вспомнилъ двоихъ изъ нихъ. На Коровьемъ Островѣ, неподалеку отъ Новаго Моста было разведено два костра. Жакъ де-Молей и Гюи д-Овернь были привязаны къ столбамъ и сожжены — съ большимъ торжествомъ и въ присутствіи Филиппа Красиваго. Крики сжигаемыхъ разносились по всему острову, вмѣстѣ съ клубами густого дыма. До послѣдней минуты Жакъ де-Молей призывалъ папу и короля предстать передъ судомъ Бога, предвѣщая имъ скорую смерть.

Предсказаніе тампліера оправдалось: Климентъ V умеръ нѣсколько недѣль спустя. Филиппъ Красивый послѣдовалъ за нимъ черезъ годъ.

Открытіе Новаго Моста ознаменовалось большой паникой и давкой, во время которой многіе буржуа сорвались и утонули. Три года спустя Генрихъ IV, «Отецъ Народа» весело возвращался съ охоты. На Понъ Нефъ къ нему приблизился какой-то человѣкъ и, схвативъ короля за шиворотъ, принялся трясти его, укоряя, что онъ плохо управляетъ

королевствомъ. Нападавшаго схватили и направили въ тюрьму, откуда онъ могъ выйти только для того, чтобы въ рубахѣ пытаемыхъ направиться на Гревскую Площадь, — къ помосту палача; къ счастью, медики признали неудачливаго «режисида» умалишеннымъ и король помиловалъ его... Дѣло возбудило много толковъ и обратило вниманіе на опасность, которой подвергаются лица знатнаго происхожденія, попадающія въ кварталъ Дофинъ.

Нападенія на Новомъ Мосту повторялись довольно часто.. Года за четыре до описаннаго событія — большая и прекрасно организованная банда ирландскихъ нищихъ и грабителей избрала аркі моста и Коровій Островъ мѣстомъ своихъ похожденій. Днемъ шайка нищенствовала; по ночамъ бандиты расходились въ разныя стороны и подкарауливали запоздалыхъ прохожихъ; грабежъ и убійство были въ эту эпоху самымъ зауряднымъ явленіемъ.

«Нежелательные иностранцы» были изловлены королевской полиціей и въ субботу, 2-го мая 1606 года усажены на судно и репатріированы, — къ большой радости и облегченію всѣхъ обитателей квартала...

Сторожа по прежнему стали обходить ночнымъ дозоромъ пустынныя набережныя, покрикивая вре-

мя отъ времени, — «Спите, буржуа. Спите спокойно!». Добрые буржуа, дѣйствительно, нѣсколько успокоились, не забывая, однако, предусмотрительно провѣрить рѣшетки на окнахъ и засовы на дверяхъ, — прежде чѣмъ отойти ко сну.

Ирландскіе грабители не даромъ избрали мостъ мѣстомъ своихъ похожденій; мѣстность вполнѣ удовлетворяла требованіямъ ихъ ремесла... Триста лѣтъ тому назадъ лѣвый берегъ Сены — вокругъ отеля Генего, начавшаго только отстраиваться и старой Нельской Башни — былъ изрѣзанъ маленькими уличками, плохо освѣщенными тусклыми фонарями... и это былъ центръ Парижа!

Генрихъ IV, много заботившійся объ украшеніи столицы, рѣшилъ построить на Коровьемъ островѣ площадь — въ формѣ треугольника, составленную изъ домовъ одинаковой архитектуры.

Незадолго до приведенія этого плана въ исполненіе — будущая площадь Дофинъ послужила мѣстомъ встрѣчи двухъ жантійомовъ Виллемо и де Фонтеня, поссорившихся изъ за спорнаго удара ракеты, во время игры въ мячъ. Поводъ показался настолько серьезнымъ,что оба дворянина предложили другъ другу разрѣшить споръ при помощи шпагъ. Встрѣча состоялась на слѣдующее утро. Виллемо первый прибылъ на мѣсто поединка; нѣсколько минутъ спустя, верхомъ на лошади подъѣхалъ де-Фонтень. Противники пожелали другъ другу доб-

раго утра и скрестили шпаги. Оба были убиты почти одновременно.

Часъ былъ ранній и на площади не было никого. Только у моста прятался единственный свидѣтель, съ любопытствомъ слѣдившій за всѣми перипетіями боя. Удостовѣрившись, что оба противника мертвы, онъ бросился бѣжать безъ оглядки — боясь быть захваченнымъ на мѣстѣ поединка.

Старые, покосившіеся дома площади Дофинъ многое видѣли на своемъ вѣку. До революціи, ежегодно, въ день Спаса, молодые художники, не принадлежащіе къ Королевской Академіи — выставляли здѣсь свои произведенія; суета начиналась съ разсвѣта. Приходили друзья, модели, академики, наконецъ — «весь Парижъ»... Выставка всегда привлекала всеобщее вниманіе... На площади Дофинъ выставлялись и были «открыты» Буше, Шарденъ, Грезъ и Фрагонаръ, — молодые и неизвѣстные. Таковъ былъ первый парижскій салонъ.

Революція уничтожила эту прекрасную традицію. Времена были суровы и о живописи не приходилось думать... На пласъ Дофинъ, переименованной въ Тіонвильскую площадь, возвышался «Престолъ Отечества» — трибуна, задрапированная

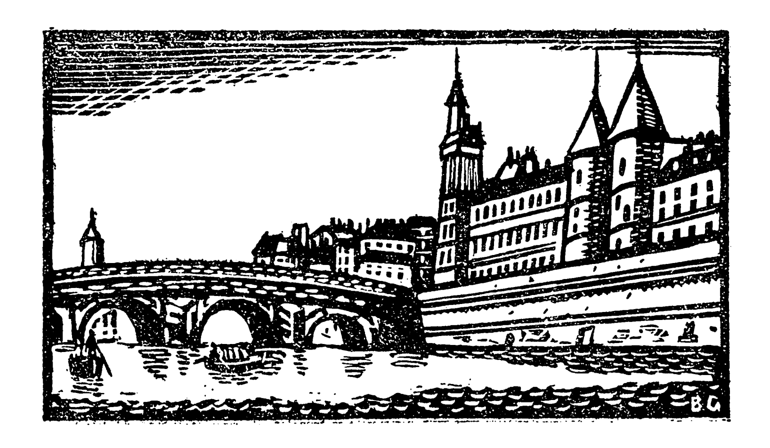
трехцвѣтными флагами, на которой революціонные магистраты — въ шарфахъ и въ шляпахъ съ перьями, принимали запись въ Національную Армію. Республика была въ опасности; у статуи Генриха IV стояла бронзовая пушка и часто мирные граждане слышали дробь барабановъ, бившихъ тревогу на Новомъ Мосту.

Площадь Дофинъ дала революціи одну изъ самыхъ яркихъ ея фигуръ: въ угловомъ домѣ ном. 28 выросла маленькая Манонъ Флипонъ — будущая госпожа Роланъ, дочь скромнаго часовщика съ Кэ де Люнетъ.

Дѣвичья комната Манонъ была расположена въ сѣверной части дома; въ окно видна была Сена, мосты, небо, «мѣняющее свои цвѣта», и старыя деревья Двора Королевы... Какъ часто у этого раскрытаго окна Манонъ Флипонъ мечтала о госпожѣ Роланъ, о своей будущей жизни, рисовавшейся такой радужной и прекрасной!... Ей было четырнадцать лѣтъ; она прочла Плутарха, Вольтера и Жанъ-Жака.

Если бы маленькая мечтательница хоть на мгновеніе могла увидѣть свою судьбу: стараго, добродѣтельнаго Ролана, министерскій дворецъ, отель на улицѣ Арфы, молодого влюбленнаго Бюзо, тюрьму Сэнтъ-Пелажи, Консьержери, и холодный туманный день восьмого ноября, въ который она въ послѣдній разъ увидѣла любимыя набережныя и старый родительскій домъ!

Стоя въ телѣгѣ палача — она все еще искала небо, милое, знакомое небо и «его прекрасный, лазурный куполъ». Небо было сѣрое; въ этотъ день надъ Парижемъ опускался туманъ и слегка моросило.

Площадь Конкордъ

Побѣдитель Фонтенуа. Бракосочетаніе Дофина. Людовикъ XVI. Шарлотта Кордэ. Госпожа Роланъ. Смерть Дантона. Робеспьеръ. Луи Филиппъ. 21 мая 71 года

Добрые парижане прогуливающіеся на Елисейскихъ поляхъ и по площади Конкордъ врядъ-ли повѣрятъ, что 200 лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ, занимаемомъ сейчасъ отелемъ Крійонъ, ихъ прадѣды разводили огороды, мирно разсаживали картофель и капусту, по праздникамъ выѣзжали за городъ и отдыхали „en pleine campagne“ на зеленыхъ лужайкахъ, на которыхъ впослѣдствіи, былъ выстроенъ Большой Дворецъ; охотились на аллеяхъ Булонскаго лѣса, и еще лѣтомъ 1788 года затравили молодого оленя, случайно забѣжавшаго среди бѣла дня на рю Рояль.

Въ эпоху, предшествовавшую Революціи, мѣсто казалось дикимъ, пустыннымъ, и заброшеннымъ. Берега Сены были завалены мусоромъ, густая трава покрывала землю, и легко можно понять изумленіе парижанъ, когда Людовикъ XV разрѣшилъ при жизни поставить себѣ статую, «между рвомъ, которымъ заканчивается садъ Нашего Тюльерійскаго Дворца, старыми воротами предмѣстья Сантъ - Онорэ, и пристанью, со стороны рѣки».

Памятникъ долженъ былъ изображать «побѣдителя Фонтенуа, благородно сидящаго на лошади, съ выраженіемъ доброты и милосердія, свойственнымъ обожаемому Королю», окруженнаго «не побѣжденными народами, а Добродѣтелями (Vertus), при помощи которыхъ онъ управляетъ нашими сердцами»... Отливка статуи нѣсколько затянулась; репутація Людовика къ этому времени составилась довольно прочно, — къ сожалѣнію, не совсѣмъ во пользу «добраго Короля»... Вотъ почему, на слѣдующій же день послѣ открытія памятника, какой то шутникъ написалъ на пьедесталѣ стихи. доставившіе въ свое время много удовольствія парижанамъ:

Ah, la belle Statue! Ah le beau piédestal!
Les Vertus sont à pied et le vice à cheval *)

---

*) « Paris à travers de Siècles », Gourdon de Genouillac, t. III, p. 232.

30-го мая 1770 года, въ честь бракосочетанія молодого дофина и Маріи-Антуанетты, на пласъ де Луи XV устраивается народное гулянье и фейерверкъ. Весь Парижъ спѣшитъ на площадь, еще далеко не законченную, любуется великолѣпнымъ памятникомъ, наблюдаетъ за приготовленіями пиротехниковъ...

Плохо направленныя петарды падаютъ на головы зрителей, начинается пожаръ, и многотысячная толпа въ паникѣ бросается въ разныя стороны, черезъ камни и овраги, къ рѣкѣ, въ сторону улицы Рояль... Обезумѣвшіе люди топчутъ другъ друга, падаютъ въ открытые рвы, и на утро молодому новобрачному докладываютъ результаты парижской Ходынки: 133 трупа подобрано на площади и во рвахъ и столько же — умирающихъ въ госпиталяхъ.

Людовикъ XVI счелъ это дурнымъ предзнаменованіемъ. Предчувствіе не обмануло короля: мѣсто это сыграло роковую роль въ его жизни... 22 года спустя, холоднымъ январьскимъ утромъ, подъ грохотъ барабановъ, заглушающихъ послѣднія слова, усталый и апатичный, ничего не понимающій, «Послѣдній Капетъ» поднялся по крутымъ ступенькамъ эшафота, впервые воздвигнутаго на площади Революціи.

Подъ вечеръ 19-го іюля 1793 года надъ городомъ разразилась гроза. Дождь скоро пересталъ, и любопытные молча толпились на Понъ Нефъ и вдоль улицы Сэнтъ Онорэ. Около семи часовъ вечера фургонъ палача медленно переправился на правый берегъ Сены и также медленно двинулся къ площади Революціи. Рядомъ съ Сансономъ, на виду всѣхъ стояла осужденная Шарлотта Кордэ.

Часъ спустя она увидѣла толпу, тѣснящуюся вокругъ гильотины, двойную цѣпь жандармовъ, площадь, залитую яркими солнечными лучами и зеленыя верхушки деревьевъ Елисейскихъ Полей.

День восьмого ноября выдался холодный, дождливый и туманный. Продрогнувшая толпа нетерпѣливо ждала на площади Революціи прибытія госпожи Роланъ.

Деревья Елисейскихъ Полей обмокли, выглядѣли по осеннему, чернѣли въ туманѣ оголенными стволами... Подъ вечеръ, почти въ темнотѣ — было пять съ половиной часовъ, — госпожа Роланъ, суровая, спокойная, остановилась у подножія гигантской статуи Свободы. Потомъ она медленно поднялась на эшафотъ, тотъ самый, на которомъ восемь дней назадъ умерли ея друзья — жирондисты.

3-го Жерминаля разъяренный, неукротимый Дантонъ защищался весь день. Четвертаго — ему зажали ротъ. Пятаго, онъ долженъ былъ умереть.

...Наступалъ вечеръ. Солнце садилось въ дали, и небо было красно, какъ отъ крови... Страшный, громадный, Дантонъ стоялъ на краю эшафота и глядѣлъ на молчаливую, притихшую толпу... Онъ видѣлъ предъ собой домъ, на улицѣ Сэнтъ Онорэ, домъ Робеспьера, съ наглухо закрытыми окнами, слышалъ свой страшный, рыкающій голосъ, еще вчера заставлявшій трепетать весь Парижъ: «Я веду за собой Робеспьера, Робеспьеръ послѣдуетъ за мной!»

Робеспьеръ послѣдовалъ за нимъ Десятаго Термидора.

Дантонъ умеръ въ зловѣщемъ молчаніи; Робеспьеръ подъ ножомъ слышалъ проклятье Парижа. Дантона казнили два десятка фанатиковъ; Робеспьера гильотинировалъ народъ. Вчера весь міръ трепеталъ передъ **Неподкупнымъ;** сегодня — подонки Парижа осыпали его издѣвательствами.

Задыхающійся отъ зноя народъ высыпалъ по пути слѣдованія палача. Робеспьеръ молчалъ, слышалъ голоса, требовавшіе его крови, видѣлъ искаженныя отъ злобы лица... Палачъ сорвалъ повязку, поддерживавшую его раздробленную челюсть. Ро-

беспьеръ испустилъ страшный крикъ. Минуту спустя, его окровавленная голова была показана толпѣ.

Къ вечеру жара немного спала; на террасѣ Тюльери, въ «Кабарэ Гильотины» толпилось много людей, съ оживленными, довольными лицами. Всѣ столики были заняты.

Утромъ, ихъ судили въ Трибуналѣ. Послѣ полудня — пріѣзжалъ фургонъ палача. Вечеромъ — ихъ везли на пласъ де ла Революсіонъ.

Король. Марія-Антуанетта. Шарлотта Кордэ. Гебертисты. Демулэнъ. Дантонъ. Бриссо, Верньо. Госпожа Роланъ. Дю Барри. Герцогъ Орлеанскій. Фабръ Эглантинъ. Санъ Жюстъ. Кутонъ. Робеспьеръ... Двѣ тысячи восемьсотъ головъ за два года сорокъ дней.

Въ іюльскіе дни 1830 года Луи Филиппъ, сынъ Филиппа Эгалитэ, получилъ корону изъ рукъ народа. Восемнадцать лѣтъ спустя народъ потребовалъ ее обратно.

Съ утра — Тюльери въ смятеньи. Кабинетъ короля полонъ чужихъ, никому неизвѣстныхъ людей,

уговаривающихъ, торопящихъ.... Кто-то совѣтуетъ отреченье. Король колеблется одно мгновенье; изъ дворцовыхъ оконъ видна площадь: растерянная, недоумѣвающая гвардія, угрожающее море головъ...

Къ полудню все кончено. Въ статскомъ платьи, по главной аллеѣ Тюльери, Луи Филиппъ выходитъ на площадь, направляясь къ Обелиску. Толпа надвигается, сжимается въ проходѣ. Наконецъ прибываютъ два жалкихъ, уличныхъ фіакра, посланныхъ герцогомъ де-Немуромъ. Король облегченно вздыхаетъ, усаживаетъ въ нихъ семью, взбирается самъ. Гвардейцы расчищаютъ путь; пока экипажи плетутся по дорогѣ въ Сэнъ-Клу, на улицахъ Парижа рождается Вторая Республика.

21-го мая 71 года — въ Кровавую Недѣлю Парижской Коммуны — забаррикадированная пласъ де ла Конкордъ и рю де Риволи превращаются въ поле сраженія. Колонна версальцевъ наступаетъ со стороны Тріумфальной Арки, на которой еще наканунѣ вечеромъ былъ расположенъ наблюдательный пунктъ коммунаровъ... Вторая колонна движется со стороны Оперы, пройдя баррикады Вандомской площади.

Къ вечеру приходитъ извѣстіе о взятіи Монмартра и смерти Домбровскаго. Коммунары отхо-

дятъ къ зданію Городской Ратуши, зажигая по пути — Тюльери, Государственный Совѣтъ, Отель Почетнаго Легіона.

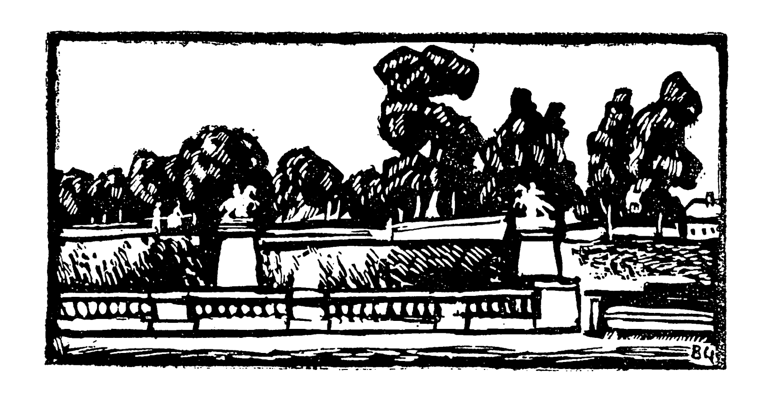
Вѣтеръ гонитъ клубы густого, чернаго дыма къ западной части города.

Съ площади Конкордъ видно огромное, багровое зарево. Къ утру кажется, что горитъ весь Парижъ...

Елисейскія Поля

Большое авеню Елисейскихъ Полей: Ужинъ у Ледуана. Возвращеніе изъ Вареннъ. Аллея Вдовъ: хижина Терезы Кабаррюсъ. Салонъ госпожи Тальенъ. Конецъ Тальена

На планахъ королевскаго топографа Деарма, изданныхъ въ 1763 году, Елисейскія Поля значатся внѣ Парижа; за двадцать лѣтъ до Революціи городъ заканчивался Площадью Людовика Пятнадцатаго. Дальше начиналась „pleine campagne„ . Желавшіе подышать свѣжимъ воздухомъ полей проходили улицу Сэнтъ Онорэ, — до нынѣшней пласъ де ла Конкордъ, пересѣкали большое авеню Елисейскихъ Полей, въ рытвинахъ и ухабахъ, и передъ ихъ глазами открывалось обширное пространство, заросшее кустарникомъ, покрытое садами, огородами и виноградниками.

Въ будни Елисейскія Поля пустовали. Изрѣдка, по дорогѣ въ Нельи проѣзжала случайная карета, или гремѣла крестьянская бричка. Зато по

праздничнымъ днямъ все оживало: въ живописныхъ уголкахъ, въ травѣ располагались горожане, пріѣхавшіе отдохнуть отъ уличнаго шума и жары.

Добрые буржуа оставались въ тѣни деревьевъ, дѣти играли въ мячъ или серсо; молодежь уходила въ лѣсъ, или въ сторону большой дороги: на террасѣ маленькаго «Кафэ Посланниковъ» стояли столы и скамьи, и всѣ танцовали подъ звуки простой, деревенской музыки.

Революція мало измѣнила мирный обликъ Елисейскихъ Полей. Правда, на сосѣдней Площади Людовика XV казнили ежедневно, но это почти никого не касалось. «Списокъ лицъ, выигравшихъ въ лоттереѣ Святой Гильотины» со вниманіемъ читался только арестованными и родственниками тѣхъ, чья очередь должна была наступить со дня на день. Вообще же, политикой интересовались мало и въ ней плохо разбирались.

Если погода была хороша и съ осужденными покончивали быстро — зрители разбредались въ разныя стороны. Кое кто шелъ домой — перекусить, чтобы потомъ пораньше пойти въ клубъ или на засѣданіе — въ Секцію. Нѣкоторые оставались на террасѣ Фейлановъ, въ кафэ Гильотины и любовались солнечнымъ закатомъ... Предпочитавшіе уединеніе и любители природы направлялись въ

сторону Булонскаго лѣса или сворачивали на уединенную Аллею Вдовъ.

Революціонная гроза прошла краемъ надъ Парижемъ. Гдѣ то, далеко, на границахъ умирали волонтеры, поклявшіеся «жить свободными, или умереть». Въ Конвентѣ обвиняли въ предательствѣ и объявляли внѣ закона. Въ трибуналѣ — приговаривали къ гильотинѣ. Въ предмѣстьяхъ волновались, голодали и проклинали враговъ Республики и Отечества... На Елисейскихъ Поляхъ всегда царила полная тишина.

Свѣжій воздухъ полей умиротворялъ, смягчалъ души и успокаивалъ страсти... Кто бы могъ узнать Максимиліана Робеспьера въ молодомъ адвокатѣ, въ бѣломъ, тщательно напудренномъ парикѣ, мирно, объ руку прогуливающемся вдоль береговъ Сены, съ Элеонорой Дюплей? **Неподкупный** не былъ чуждъ земныхъ слабостей и дочь столяра съ улицы Сэнтъ Онорэ нравилась ему.

Подъ вечеръ 7 Термидора, наканунѣ рѣшительнаго дня, оба Робеспьера, Сэнъ Жюстъ и Леба ужинали въ небольшомъ загородномъ ресторанѣ Ледуана, на Елисейкихъ Поляхъ.

Случай привелъ къ Ледуану Барраса, Фрелона и Тальена.

Робеспьеристы и Термидоріанцы смущенно сидѣли за сосѣдними столами, всѣми силами стараясь придать себѣ видъ беззаботныхъ и отдыхающихъ людей. Оживленно обсуждалась программа **цивическаго** праздника, назначеннаго на 10 Термидора, въ честь Жозефа Бара и Віала. Утромъ, въ Коммунѣ программа была оглашена и должна была появиться на слѣдующій день въ «Мониторѣ» вмѣстѣ съ патріотическими стихами гражданина Андріена, посвященными молодымъ героямъ, и новымъ гимномъ «Верховному Существу».

Вечеръ, проведенный у Ледуана былъ послѣднимъ спокойнымъ въ жизни робеспьеристовъ.

Два дня спустя, въ день цивическаго праздника, часть ужинавшихъ постигла большая непріятность; гражданинъ Сансонъ доставилъ ихъ на площадь Революціи въ фургонѣ палача... Праздникъ пришлось отмѣнить, хотя къ нему были сдѣланы большія приготовленія, и балерины Оперы прибыли къ Пантеону въ назначенный часъ въ балетныхъ платьяхъ.

Мирный обликъ Елисейскихъ Полей былъ нарушенъ только однажды. Днемъ 25 іюня, вдоль главной аллеи съ ранняго утра тѣснились молчаливыя массы людей.

Къ тремъ часамъ, подъ палящимъ солнцемъ, на дорогѣ показались двѣ запыленныя повозки... Въ первой изъ нихъ сидѣлъ Людовикъ XVI; голова его была обнажена и онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя. Въ окно кареты видны были сумрачныя лица людей, молча глядѣвшихъ изъ подъ шляпъ, надвинутыхъ на глаза.

За городомъ толпа осыпала короля оскорбленіями; на Елисейскихъ Поляхъ она хранила гробовое молчаніе. Утромъ на стѣнахъ былъ расклеенъ анонимный приказъ: «Кто станетъ апплодировать королю — будетъ избитъ; кто оскорбитъ его — будетъ повѣшенъ»... Народъ не могъ апплодировать и не смѣлъ оскорблять: тѣ, кто надѣялись встрѣтить короля — видѣли передъ собой только гражданина Луи Капета, обливающагося потомъ, страдающаго отъ тѣсноты и духоты и безпомощно оглядывавшагося по сторонамъ. Изъ всѣхъ участниковъ Варенской трагедіи одинъ онъ ничего не понималъ во всемъ происшедшемъ.

Въ эпоху Революціи, въ самомъ концѣ Аллеи Вдовъ, у береговъ Сены прятался въ группѣ деревьевъ небольшой деревянный домикъ... На слѣдующій день послѣ Девятаго Термидора, здѣсь поселилась Тереза Кабаррюсъ, подруга Тальена, самая очаровательная женщина Директоріи.

Прекрасная Тереза царитъ на Аллеѣ Вдовъ, и ея **хижина** становится излюбленнымъ салономъ оживающаго Парижа.

Зимой, подъ снѣгомъ и дождемъ, въ любую погоду, черезъ пустынныя и мокрыя Елисейскія Поля, подъ пронизывающимъ холоднымъ вѣтромъ — сюда собираются очаровательныя Merveilleuses и щеголеватые Incroyables.

Парижъ спѣшитъ вознаградить себя за годы лишеній; въ **хижинѣ** завязываются любовныя интриги, здѣсь дѣлаютъ политику, ужинаютъ, танцуютъ, назначаютъ свиданія... Въ салонѣ госпожи Тальенъ собираются Баррасъ, Сейесъ, Мегуль, Вернье и молодой генералъ Буонапарте... Мужчины обсуждаютъ политическіе вопросы; дамы говорятъ о модахъ, о балахъ и нарядахъ... Легкомысленная Жозефина Богарне — подруга Барраса и будущая супруга Наполеона — кружитъ головы молодымъ **дэнди** — въ длинныхъ фракахъ съ металлическими пуговицами, короткихъ жилетахъ, съ огромными лорнетами и завитыми волосами, искусно закрывающими лобъ и часть лица.

...Никогда не слѣдуетъ думать о прошломъ. Дни террора и смерти позабыты давно. Далека страшная тюрьма診Кармъ, на улицѣ Вожираръ. Забыта надпись, выцарапанная на стѣнѣ измученной женщиной 6 августа 1794 года — «Свобода, когда же перестанешь ты быть пустымъ словомъ?! 17 дней мы заперты здѣсь, намъ говорятъ, что мы выйдемъ завтра, но не тщетна ли эта надежда?»...

День долгожданной свободы, наконецъ, наступаетъ. Три очаровательныя плѣнницы — д-Айгемонъ, Тереза Кабаррюсъ и Жозефина Богарнэ встрѣчаются вновь — на этотъ разъ въ живописномъ деревенскомъ домикѣ, на берегу Сены.

Двадцать пять лѣтъ спустя, въ теплые солнечные дни, на Аллеѣ Вдовъ можно было часто встрѣтить Тальена, опиравшагося на палку и съ трудомъ передвигавшаго ноги. Старикъ подходилъ къ Сенѣ — это была конечная цѣль его прогулки. Въ двухъ шагахъ, совсѣмъ рядомъ стояла **хижина** — постарѣвшая, какъ и онъ самъ — сильно измѣнившая свой внѣшній обликъ. Отъ славнаго прошлаго не оставалось ничего; домикъ превратился въ кабачекъ съ вывѣской «Акація»... Старикъ долгими часами простаивалъ передъ этимъ клочкомъ своей прошлой жизни, погруженный въ воспоминанія.

...Прошла Директорія, умерла Имперія, наступила Монархія. Двадцать пять лѣтъ безжалостно превратили Диктатора и «Спасителя отечества» въ безчестнаго **Режисида** — умирающаго съ голоду и распродающаго свои послѣднія книги.

Тальенъ часто приходилъ сюда; Режисидъ молча смотрѣлъ на кокетливую «хижину», на вывѣску «Акація», на группу деревьевъ, видѣвшихъ все это, и потомъ медленно, опираясь на палку, возвращался въ свое убогое жилище на улицу Шабанэ.

Сентъ-Антуанъ

Улица Сэнтъ-Антуанъ: Луиза Мишель. Лицей Шарлеманъ. Перъ Лашезъ. Церковь Св. Людовика. Отель Сюлли. Вольтеръ. Отель де ла Майеннь. Діана Пуатье

Улица Сэнтъ Антуанъ, ведущая къ площади Бастиліи можетъ, по справедливости, считаться одной изъ самыхъ старыхъ во всемъ кварталѣ Марэ.

Проѣзжалъ ли мимо король, направляясь въ Турнельскій Дворецъ, принимались ли иноземные посланники, провозили ли попросту осужденныхъ на Гревскую площадь, — окна всѣхъ домовъ немедленно превращались въ театральныя ложи, изъ которыхъ любопытные наблюдали за происходившимъ на улицѣ.

Обитатели предмѣстья никогда не упускали случая изъ простыхъ зрителей обратиться въ дѣйствующихъ лицъ; 14-го іюля 1789 года, комендантъ Де Лоннэ, поднявшись на одну изъ башенъ Бастиліи съ трепетомъ наблюдалъ за движеніемъ

вдоль извилистой улицы, черной отъ народа... Три часа спустя тюремный дворъ, выходящій въ сторону Сэнтъ Антуанъ былъ запруженъ патріотами и къ вечеру голова коменданта, грозившаго взорвать все предмѣстье, съ острія пики остеклѣвшими глазами взирала на толпу, запрудившую Гревскую площадь.

Въ жаркіе дни тридцатаго и сорокъ восьмого года здѣсь происходили жестокія столкновенія между войсками и инсургентами. Въ кровавую недѣлю Парижской Коммуны забаррикадированная улица вновь послужила ареной кровопролитнаго боя: коммунары отстрѣливались у каждаго дома, отступая въ сторону Перъ Лашеза.

Владѣлецъ мебельнаго магазина «О Бюшеронъ» (№ 117) любитъ сообщать посѣтителямъ, что въ его домѣ, долгое время бывшемъ танцовальнымъ заломъ, въ 71 году помѣщался политическій клубъ.

Время отъ времени на собранія являлась довольно некрасивая женщина лѣтъ тридцати, произносила горячія рѣчи, увлекая своимъ энтузіазмомъ всѣхъ присутствовавшихъ. Знавшіе ее съ удивленіемъ разсказывали, что раньше, чѣмъ стать предсѣдательницей «Клуба Революціи», засѣдав-

шаго въ церкви «Сэнъ Бернаръ», Луиза Мишель была скромной учительницей въ Багатель.

Увлеченіе ею продолжалось недолго: «Клубъ Революціи» былъ закрытъ, удобное помѣщеніе отобрано и сама предсѣдательница, захваченная на послѣднихъ баррикадахъ осуждена и сослана въ Новую Каледонію...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого историческаго дома, рядомъ съ церковью Сэнъ Поль и Сэнъ Луи, созданной по планамъ Собора Св. Петра въ Римѣ, между церковной стѣной и сосѣднимъ зданіемъ, зажата старая, покосившаяся рѣшетка лицея Шарлемань.

...Давно забыты іезуиты, владѣвшіе когда-то этимъ отелемъ; ничто не напоминаетъ объ отцѣ Лашезѣ, умершемъ здѣсь въ 1709 году, бывшемъ королевскомъ исповѣдникѣ, боровшемся съ могущественной госпожей де Монтеспанъ, не соглашавшемся на бракъ короля съ мадамъ де Мэнтенонъ и, въ концѣ концовъ, тайно обвѣнчавшемъ ихъ...

Къ концу своей жизни старикъ порядкомъ утомился; за городомъ, къ сѣверо - западу отъ Парижа, на цвѣтущихъ холмахъ былъ построенъ небольшой домъ — «Монлуи», въ которомъ отецъ Лашезъ любилъ отдыхать отъ мірскихъ суетъ.

Въ 1804 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, была создана библіотека и молодые лицеисты — Эдмонъ Абу, Теофиль Готье, Тьеръ, Мишле, Викторъ Гюго и многіе другіе, — работали въ ней долгими годами... А еще два года спустя, на холмахъ, вокругъ «Монлуи» появились первыя могилы... Такъ создалось прекрасное старинное кладбище Перъ Лашезъ.

Въ 1627 году, на мѣстѣ маленькой капеллы Сэнъ Луи, король заложилъ первый камень большой церкви, въ честь своего патрона и покровителя — Св. Людовика.

Четырнадцать лѣтъ понадобилось для постройки храма и 9 мая 1641 года кардиналъ Ришелье освятилъ его. Быть можетъ, церковь на вѣки вѣчные осталась бы въ рукахъ благочестивыхъ монаховъ, если бы Третье Сословіе не собралось здѣсь 21-го апрѣля 1789 г. для составленія наказа выборщиковъ въ Генеральные Штаты.

За два революціонныхъ года внутренность храма измѣнилась до неузнаваемости; вмѣсто торжественной мессы подъ куполомъ звучали горячія рѣчи членовъ «Общества Друзей Монархической Конституціи», вмѣсто благозвучныхъ псалмовъ въ честь Дѣвы Маріи церковные органы гремѣли „Ça ira“ и

начавшую входить въ моду пѣснь марсельскихъ волонтеровъ.

...«Возвращается вѣтеръ на круги своя»... Вернулись сюда и монахи и къ своей великой радости убѣдились, что церковь, превращенная въ книжный складъ, нисколько не пострадала... Это, конечно, стоило доброй мессы и многочисленныхъ «Те Деумъ»...

Контролеръ Финансовъ Галле, проигравшійся въ карты, не долго наслаждался своимъ великолѣпнымъ отелемъ на рю Сэнтъ Антуанъ. Впрочемъ, со времени его постройки, — 1624 годъ — за десять лѣтъ отель перемѣнилъ четырехъ владѣльцевъ и, въ концѣ концовъ, былъ купленъ Сюлли, всесильнымъ министромъ и другомъ Генриха IV.

Отель Сюлли, — едва ли не самый послѣдній въ Парижѣ, видѣлъ блескъ умирающаго феодализма, большія повозки, — кароссы, съ зеркальными стеклами, съ грохотомъ въѣзжавшія въ квадратъ мощеннаго двора, безчисленное количество слугъ, пажей, военныхъ, швейцарцевъ, придворныхъ дамъ, таинственные ужины, съ неизвѣстными закутанными посѣтительницами, тщательно прячущими лица отъ нескромныхъ взглядовъ, старающимися незамѣтно проскользнуть въ подъѣздъ, при обманчивомъ свѣтѣ зажженныхъ факеловъ...

Въ 1725 году передъ воротами отеля разыгралась сцена, заставившая много говорить о себѣ въ парижскихъ салонахъ. Группа слугъ де-Рогана, «Жантійома, погрязшаго въ долгахъ и дебошахъ», набросилась на какого-то молодого человѣка и порядкомъ избила его. Молодой человѣкъ, имѣвшій неосторожность оскорбить де-Рогана, оказался Вольтеромъ... Помимо непріятности, случившейся съ нимъ въ этотъ памятный день, бѣднаго философа посадили на шесть мѣсяцевъ въ Бастилію и, для большаго вразумленія, выслали въ Англію. Урокъ, впрочемъ, пропалъ даромъ и Вольтера нисколько не исправилъ.

Рядомъ съ переулкомъ Гимене, въ которомъ въ серединѣ 17-го столѣтія былъ основанъ монастырь, служившій мѣстомъ заточенія легкомысленныхъ женъ и романтически настроенныхъ дѣвицъ, находится старый отель де-ля-Майеннь, съ именемъ котораго связано немало любопытныхъ вещей.

Историки долго спорили относительно первыхъ обитателей отеля. Всѣ, однако, сошлись на томъ, что Діана Пуатье, знаменитая фаворитка Генриха II поселилась здѣсь около 1560 года.

Діана Пуатье!... Въ сорокъ семь лѣтъ она начала мечтать о жизни, въ шестьдесятъ — ее боготворилъ король.

Девятнадцатилѣтній дофинъ бредитъ прекрасной **деессой** (деесса старше своего поклонника почти на двадцать лѣтъ) дрожитъ отъ волненія при звукѣ ея голоса, повинуется ея малѣйшему капризу, выполняетъ всѣ ея прихоти и желанія... Бѣдный король, еще не познавшій цѣну женской любви, больше всего увлекающійся религіозными процессіями, лошадьми и блестящими турнирами, — страсть, за которую онъ впослѣдствіи поплатится жизнью — неожиданно становится нѣжнымъ поэтомъ и посвящаетъ пламенные стихи своей Дамѣ:

« Hélas, mon Dyeu, combyen j'ai regretté
Le temps que j'ai perdu en ma jeunesse !
Combyen de fois je me suis soueté
Avoyr Dyane pour ma seule maytresse. »

Страсть къ писанію стиховъ, кажется, прошла довольно скоро... Серьезнѣе дѣло обстояло съ самой **деессой,** чувствовавшей въ себѣ приливъ молодости, все болѣе и болѣе увеличивавшійся съ годами... Шестой десятокъ мало отразился на Діанѣ: какъ и раньше, — съ утра — въ сѣдлѣ и къ вечеру — на балу; попрежнему, охоты и турниры остаются ея любимыми развлеченіями.

Романъ короля продолжался двадцать пять лѣтъ. Ребенокъ успѣлъ стать мужемъ, дофинъ — королемъ. Мечтатель, въ девятнадцать лѣтъ кающійся въ грѣхахъ своей молодости, — безумцемъ, бросающимъ къ ногамъ куртизанки честь королевства.

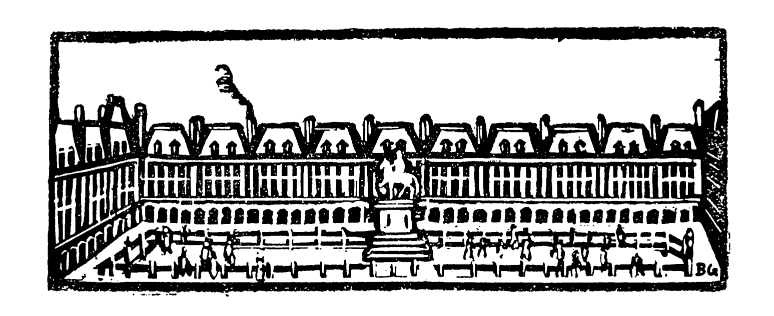
Надо полагать, романъ длился бы еще долго... Діана все еще была обольстительна и Генрихъ пылалъ къ ней нѣжными чувствами... 5-го іюня, въ третій день большого турнира передъ отелемъ Турнелль, на мѣстѣ нынѣшней пласъ де Вожъ, бѣдный влюбленный, защищавшій цвѣта своей Дамы былъ выброшенъ изъ сѣдла неосторожнымъ противникомъ Монгомери и пять дней спустя умеръ, — не то отъ огорченія, не то отъ полученной раны...

...Семь долгихъ, пустыхъ лѣтъ прошло со дня кончины влюбленнаго короля. Окна отеля де ла Майеннь оставались наглухо закрытыми. Діана Пуатье умирала, какъ это ни странно, — отъ старости, въ далекомъ Шато д-Анетъ.

Брантомъ видѣлъ ее за шесть мѣсяцевъ до смерти. Деесса была попрежнему прекрасна; въ удивительныхъ чертахъ ея лица сорокалѣтній знатокъ женской красоты узналъ ту Діану Пуатье, которую ничто не могло состарить: ни одиночество, ни смерть любимаго короля, ни даже собственныя шестьдесятъ семь лѣтъ.

Площадь Вожъ

Отель Турнель. Генрихъ II. Королевская площадь. Графъ Буттевиль. Площадь Вожъ. Домъ Виктора Гюго

„ Le cinquiesme jour d'oust mil six cent cinq " Генрихъ IV приказалъ построить площадь на мѣстѣ разрушеннаго королевскаго отеля Турнель, неподалеку отъ улицы Сэнтъ-Антуанъ, — «для удобства и украшенія добраго города Парижа». *) Ука-

*) Ayant délibéré, pour la commodité et ornement de notre bonne ville de Paris, d'y faire une grande place bastye des quatre costez, laquelle puisse estre propre pour ayder à establir les manufactures des draps de soye et loger les ouvriers que nous voullons rer en ce royaume le plus qu'il se pourra et par mesme moyen puisse servir de promenoir aux habitants de nostre ville, lesquells sont fort pressez en leurs maisons, à cause de la multitude du peuple qui y afflue de tous costez, comme aussy aux jours de res-

занное для постройки мѣсто издавна славилось и было извѣстно всѣмъ парижанамъ: 5 іюля 1559 года, въ третій день турнира, Генрихъ II былъ здѣсь смертельно раненъ герцогомъ Монгомери. Сломавшееся копье проткнуло шлемъ и глубоко вошло въ голову; пять дней спустя король умеръ отъ полученной раны.

Съ прекрестковъ улицъ герольды извѣстили всѣхъ подданныхъ королевства объ этомъ печальномъ событіи и вдовствующая Екатерина Медичи немедленно приказала разрушить мрачный дворецъ, напоминавшій ей о неудачномъ турнирѣ... Образовавшійся пустырь долгое время оставался совершенно заброшеннымъ, пока, наконецъ, предпріимчивые обитатели предмѣстья Сэнтъ Антуанъ не превратили его въ Конскій Рынокъ.

Этотъ-то рынокъ и надлежало разрушить, создавъ на его мѣстѣ большую площадь, bastye des quatre costez.

---

jouissances, losqu'il se faict des grandes assemblées et à plusieurs autres occasions qui se rencontre auxquelles telles places sont du tout nécessaires, nous avons résolu en nostre conseil, auquel estoient plusieurs princes, officiers de nostre couronne et autres de nostre dict conseil, de destiner à cest effect, le lieu à présent appelé le marché aux chevaux, anciennement le parc des Tournelles, et que nous voullons estre doresnavant nommé la place Royale... » Gourdon de Genouillac, « Paris à travers des siècles », t. I., p. 268.

Въ апрѣлѣ 1612 года великолѣпная пласъ Роялъ была закончена.

Ровный квадратъ красныхъ, кирпичныхъ зданій, съ глубокими подъѣздами и тяжелыми, сводчатыми колоннадами, окружалъ ее со всѣхъ сторонъ, «Площадь», — такъ сокращенно называла ее госпожа де-Севиньи, — быстро вошла въ моду, ставъ мѣстомъ прогулокъ всего галантнаго Парижа. Конде встрѣчался здѣсь съ «бономомъ Корнелемъ», часто приходилъ сюда кардиналъ Ришелье, Сэнъ Венсенъ дю Поль, Ларошфуко... Въ салонахъ госпожи де Лонгевилль можно было увидѣть «ординарнаго королевскаго комедіанта» — господина Мольера... Здѣсь разсказывались послѣднія новости, завязывались придворныя интриги, назначались свиданія, передавались записочки, вызывали на дуэль и, зачастую, здѣсь же, посреди площади, благородные дворяне кровью смывали нанесенныя оскорбленія.

Семнадцатый вѣкъ создалъ культъ дуэлей и довольно своеобразное представленіе о чувствѣ собственнаго достоинства... Тридцатилѣтній шевалье Андріе хвалился, что за свою недолгую жизнь онъ уложилъ 72 противника, и, по тѣмъ временамъ, цифра эта никому не казалась особенно преувеличенной... Вызывали за небрежный поклонъ, насмѣшливую улыбку, слишкомъ пристальный взглядъ, неловко оброненное слово или невинную дружескую шутку.

Въ концѣ концовъ король вмѣшался въ придворныя распри, грозившія перевести въ лучшій міръ всѣхъ дворянъ Французскаго Королевства. Поединки были воспрещены и нарушители суроваго приказа карались смертной казнью.

Впрочемъ, мѣры эти мало охладили пылъ воинственныхъ жантійомовъ.

Въ Свѣтлое Воскресенье 1624 года баронъ Шанталь, — будущій отецъ госпожи де-Севиньи, — какъ подобаетъ доброму католику, слушалъ торжественную мессу въ церкви Сэнъ Поль, когда за нимъ неожиданно прибылъ посланный графа Буттевиль. Графъ долженъ былъ драться на дуэли противъ двухъ благородныхъ дворянъ и любезно приглашалъ Шанталя взять на себя второго противника.

Торжественную мессу баронъ такъ и не дослушалъ; поединокъ, впрочемъ, вышелъ неудачнымъ — королевская полиція явилась къ мѣсту дуэли и противники, забывъ вражду, поспѣшно ретировались, не желая испытать на себѣ силу королевскаго гнѣва.

Опальный графъ три года прожилъ за-границей, ожидая «амнистіи», порядкомъ соскучился и, наконецъ, совершенно отчаявшись, поклялся, что въ

пику всему двору онъ «будетъ драться среди бѣла дня, въ центрѣ Пласъ Рояль».

Дуэлянтъ сдержалъ свое слово, вернулся въ Парижъ и 12-го мая 1627 года, въ подъѣздѣ отеля Куланжъ состоялась новая встрѣча, — на этотъ разъ болѣе серьезная по своимъ послѣдствіямъ. Два противника были убиты, два другихъ — де-Шаппель и самъ Буттевиль — арестованы и позорно казнены на Гревской площади, несмотря на всеобщее возбужденіе, вызванное этимъ дѣломъ. Бѣдный баронъ Шанталь, въ домѣ котораго былъ арестованъ Буттевиль, бѣжалъ на островъ Рей; пять мѣсяцевъ спустя добрый дворянинъ и вѣрный слуга короля палъ въ бою съ англичанами, сраженный тридцатью-семью ударами.

За три столѣтія Королевская площадь успѣла нѣсколько разъ перемѣнить данное ей имя.

Революція бурнымъ потокомъ вливалась изъ сосѣдняго предмѣстья Сэнтъ Антуанъ; обитатели старыхъ, кирпичныхъ отелей бѣжали давно, — еще при первыхъ предвѣстникахъ приближавшейся грозы. Въ Англіи, въ Германіи, въ далекомъ Санктъ-Петербургѣ, въ иностранныхъ арміяхъ и при чужихъ дворахъ, обѣднѣвшіе маркизы и принцы съ тоской вспоминали о Пласъ Рояль и объ удобныхъ, комфортабельныхъ, **своихъ** отеляхъ... Въ ожида-

нiи лучшихъ временъ нацiонализированные дворцы переходили въ чужiя руки... Пласъ Рояль стала называться площадью Нераздѣльности и, наконецъ, въ честь департамента, честно уплатившаго причитавшуюся съ него долю контрибуцiи — Пласъ де Вожъ.

...Умеръ Кардиналъ Ришелье, жившiй въ домѣ номеръ 21, въ ту отдаленную эпоху, когда онъ былъ назначенъ исповѣдникомъ Марiи Медичи; госпожа де Севиньи, родившаяся здѣсь 1-го февраля 1626 года; маршалъ Лавардэнъ, бывшiй въ королевской повозкѣ въ моментъ убiйства Генриха IV Равальякомъ; маркизъ Данго, — совѣтникъ Людовика XIV...

На смѣну старымъ обитателямъ пришли новые люди, чуждые духу Пласъ де Вожъ... Въ домѣ номеръ 8 поселился Теофилъ Готье. Въ сосѣднемъ отелѣ, нынѣ превращенномъ въ интересный музей, въ теченiе пятнадцати лѣтъ — съ 1833 до 1848 — жилъ Викторъ Гюго... Здѣсь были написаны «Марiя Тюдоръ», «Рюи Блазъ», «Лукрецiя Борджiа», «Осеннiе листья», «Предвечернiя пѣсни»... Нѣсколькими домами дальше (ном. 9) жила маленькая Рашель, дочь бѣдныхъ еврейскихъ ярмарочныхъ торговцевъ, уличная пѣвица, ставшая великой артисткой...

Сколько блестящихъ людей прошло подъ этой колоннадой!

Обойдите всю Пласъ де Вожъ, войдите въ домъ Гюго, по каменной, широкой лѣстницѣ, по которой столько разъ поднимался поэтъ, пройдите высокія, свѣтлыя комнаты второго этажа, поглядите старые, пожелтѣвшіе листы рукописей, блѣдныя, выцвѣтшія фотографіи, письма, простые, суровые рисунки съ острова Жерсей, — все то, чѣмъ жилъ и страдалъ Гюго; потомъ подойдите къ раскрытому окну, поглядите на площадь, залитую яркимъ, лѣтнимъ солнцемъ, пустынную и торжественную, прислушайтесь къ необычной тишинѣ и, можетъ быть, — на мгновенье, вы почувствуете себя далеко отъ Парижа, на старомъ, заброшенномъ кладбищѣ, запущенномъ и заросшемъ густой травой, — и все же хранящемъ неуловимое очарованіе далекой старины.

Петръ Великій въ Парижѣ

Въ апрѣлѣ 1717 года, по ухабистой дорогѣ, ведущей изъ Парижа въ Дюнкеркъ, медленно двигался страннаго вида поѣздъ; впереди королевскія коляски, нѣсколько позади повозки по-проще и, въ самомъ концѣ, тяжелые фургоны, груженные дворцовой мебелью. Поѣздъ предназначался для Петра Великаго, путешествовавшаго по Европѣ и рѣшившаго посѣтить Францію.

Церемоніалъ встрѣчи былъ тщательно расписанъ и всѣ роли давно разучены: щеголеватый маркизъ де Нель выѣхалъ навстрѣчу царю въ Кале и въ ожиданіи его пріѣзда занимался примѣркой своихъ безчисленныхъ костюмовъ; маршалъ Тиссе, большой знатокъ придворнаго этикета, долженъ

былъ ожидать Петра въ Бомонъ... Въ Парижѣ спѣшно готовились огромные аппартаменты Лувра, принадлежавшіе королевѣ - матери; подъ наблюденіемъ Койпеля чистились позолоты и вытирались картины; мадамъ де Мэнтенонъ приказала поставить въ спальнѣ кровать, специально приготовленную для Петра.

Впрочемъ, по совѣту графа Толстого, пріѣхавшаго раньше всѣхъ остальныхъ, было рѣшено припасти болѣе скромное помѣщеніе, на случай, если царь, не любившій роскоши, не пожелаетъ поселиться въ Луврѣ.

Выборъ остановился на великолѣпномъ отелѣ Ледигьеръ, на улицѣ Серизей, въ центрѣ предмѣстья Сэнтъ Антуанъ. Отель принадлежалъ маршалу Виллеруа, жившему въ Тюльери и съ радостью предоставившему свой домъ въ распоряженіе московскихъ гостей.

21 апрѣля, Петръ, путешествовавшій инкогнито, прибылъ въ Дюнкеркъ. Царь потребовалъ, чтобъ его сейчасъ же везли дальше и доставили въ Парижъ въ четыре дня; вещь совершенно невозможная, ибо ординарный королевскій жантійомъ Либуа не припасъ достаточнаго количества лошадей. Кромѣ того, серьезнымъ оказался не только вопросъ о томъ, какъ ѣхать, но и на чемъ.

Князь Куракинъ, здоровый малый, много путешествовавшій, остромуный и заносчивый, единственный изъ всей свиты говорившій по французски, съ презрѣніемъ осмотрѣлъ присланные экипа-

жи и, рѣшительно заявивъ, что «никогда не станетъ ѣздить въ подобныхъ катафалкахъ», потребовалъ берлины. Берлины были доставлены, но видъ ихъ мало удовлетворилъ царя. Для себя Петръ спросилъ двухколесную бричку, такую, къ какой онъ привыкъ въ Санктъ Петербургѣ; брички, понятно, въ Дюнкеркѣ не оказалось... Наконецъ, изъ груды сломанныхъ экипажей, по приказу царя, извлекается старый фаэтонъ; Петръ въ восторгѣ, требуетъ привязать его къ спинамъ лошадей и, не взирая на просьбы окружающихъ, указывающихъ ему на неудобство и рискъ, связанный съ подобнымъ способомъ передвиженія, — пускается въ путь... Свой импровизированный экипажъ Петръ оставляетъ только при проѣздѣ черезъ города. Странный поѣздъ движется медленно, часто останавливается, и съ высоты своихъ носилокъ Петръ наблюдаетъ жизнь бѣдной, порядкомъ опустошенной и разоренной Пикардіи.

Въ Парижъ царь попалъ не черезъ четыре дня: на путешествіе ушло 16 сутокъ.

Запозданіе вышло не только изъ за спора объ экипажахъ и недостатка лошадей. Въ Калэ, по случаю православной Пасхи, свита мертвецки перепилась, а самъ Петръ, еще державшійся на ногахъ, выходилъ **инкогнито** въ сосѣдній кабачекъ, гдѣ

остановились музыканты и пилъ вмѣстѣ съ ними ихъ здоровье. Задержка вышла также и потому, что царь неожиданно перемѣнилъ маршрутъ: вмѣсто того, чтобы ѣхать черезъ Амьенъ, гдѣ ему была приготовлена встрѣча, повернулъ на Бовэ, лежавшій въ сторонѣ.

Впрочемъ, осмотрѣть Бовэ онъ не пожелалъ, приказалъ гнать во всю и остановился на ночлегъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города, въ подозрительномъ кабачкѣ. Ужинъ былъ поданъ скверный; ночевка оказалась отвратительной. Петръ ругался свирѣпо, торговался съ хозяиномъ, дравшимъ, по его мнѣнію, съ проѣзжающихъ безбожно, и въ концѣ концовъ уплатилъ 18 франковъ , — за себя и за своихъ людей.

Къ девяти часамъ вечера 7-го мая царь прибылъ въ Парижъ. Въѣздъ былъ очень торжественный: «каросса», окруженная гвардейцами, подъѣхала къ Лувру, и Петръ поднялся въ аппартаменты, отведенные для него.

Комнаты, ярко освѣщенныя и роскошно убранныя, непріятно поразили царя. Петръ молча и съ видимымъ недоумѣніемъ глядѣлъ на множество слугъ въ ливреяхъ, на блескъ зажженныхъ канделябровъ, богато убранный столъ, уставленный рѣдкими явствами, и неожиданно для всѣхъ потребо-

валъ кусокъ хлѣба и рѣдьки, попробовалъ вина шести сортовъ и вышелъ вонъ, приказавъ предварительно погасить зажженныя свѣчи.

Отель Ледигьеръ, куда отвезли царя, все же показался ему слишкомъ большимъ и слишкомъ роскошнымъ. Однако, дѣлать было нечего, о подысканіи новаго помѣщенія, болѣе скромнаго и отвѣчающаго его вкусамъ, не приходилось и думать... Петръ живо распорядился: изъ фургона, прибывшаго съ царскимъ поѣздомъ, была вынесена походная кровать, съ которой онъ никогда не разставался. Кровать была поставлена не въ спальнѣ, а въ гардеробной, «гдѣ было больше воздуха»...

Бѣдный маршалъ Тиссе, знатокъ придворнаго этикета, въ ужасѣ наблюдалъ за гигантомъ, ни слова не понимавшимъ по французски.*) Царь съ дѣловымъ видомъ прохаживался по комнатамъ,всѣмъ распоряжался, и время отъ времени, когда что нибудь дѣлалось не такъ, разражался громкой бранью, о смыслѣ которой опытный царедворецъ догадывался по выраженію лицъ, окружающихъ его.

Утромъ девятаго мая регентъ явился съ визитомъ. Петръ вышелъ къ нему навстрѣчу и сдѣлалъ ровно столько шаговъ, сколько полагалось, чтобы подчеркнуть разницу мождy собой и регентомъ, небрежно поцѣловалъ его и, повернувъ спину, безце-

---

*) Князь Куракинъ всюду слѣдовалъ за Петромъ въ качествѣ переводчика.

ремонно прошелъ впереди гостя, весьма сконфуженнаго такимъ пріемомъ.

Въ понедѣльникъ днемъ пріѣхалъ въ отель Ледигьеръ Дофинъ. На этотъ разъ царь вышелъ встрѣчать его во дворъ, спустился къ самой коляскѣ и ввелъ маленькаго Людовика въ комнаты. Четверть часа спустя онъ былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ своего новаго друга, «необычайно пріятнаго ребенка», «достаточно умнаго для своего возраста» и, вопреки церемоніалу, неожиданно взялъ на руки и расцѣловалъ его, что, впрочемъ, нисколько не смутило будущаго короля.

На слѣдующій день, царь, отправившійся съ отвѣтнымъ визитомъ, былъ принятъ во дворцѣ съ большими почестями и съ облегченіемъ считалъ оффиціальную часть своей поѣздки законченой.

Отнынѣ онъ совершенно свободенъ, бродитъ по улицамъ, осматриваетъ пласъ Рояль, Вандомъ и и Виктуаръ, заглядываетъ въ лавченки, справляется о цѣнахъ, сильно торгуется и кое-что покупаетъ.

Изъ отеля Ледигьеръ Петръ часто уходитъ, никого не предупредивъ, вмѣсто дворцовыхъ каретъ предпочитаетъ наемный экипажъ, ѣздитъ повсюду, все разглядываетъ и часто вступаетъ въ разговоры съ добрыми буржуа, дивящимися простотѣ царскаго обращенія.

Появленіе на улицѣ этого великана, въ заморскомъ костюмѣ грубой, сѣрой матеріи, безъ галстуха, перчатокъ и манжетъ, безъ кружевъ на рукавахъ, въ коротко обрѣзанномъ парикѣ, никогда не видѣвшемъ пудры, съ огромной кривой саблей на боку — производитъ фуроръ... Царя долго уговариваютъ заказать себѣ новый парикъ. Петръ соглашается, и придворный парикмахеръ приноситъ ему самый лучшій изъ имѣющихся у него, съ длинными локонами, — очень модный и дорогой. Царь примѣряетъ, находитъ его недурнымъ, и тутъ же, потребовавъ ножницы, подрѣзаетъ его коротко, по своему вкусу...

Послѣ долгаго торга за парикъ уплачивается 7 ливровъ 10 соль, и Петръ остается очень доволенъ сдѣланной покупкой, находя ее вполнѣ удачной.

Въ воскресенье 16 царь осматриваетъ Отель Инвалидовъ, заглядываетъ напослѣдокъ на кухню, пробуетъ изъ котла и пьетъ съ солдатами ихъ здоровье.

Посѣщаетъ онъ и Сорбонну и присутствуетъ на диспутѣ о сліяніи церквей, Академію Наукъ и Монетный Дворъ, гдѣ въ его честь выбивается медаль, доставляющая ему большое удовольствіе...

14 мая регентъ везетъ царя въ Оперу, на большое представленіе. Пѣніе мало нравится Петру... Въ ложѣ тѣсновато, жарко, и въ серединѣ представленія Петръ требуетъ пива. Регентъ собственноручно наливаетъ царю стаканъ, встаетъ и подаетъ его съ поклономъ... Петръ пьетъ сидя, потомъ

беретъ салфетку съ подноса регента, все еще стоящаго передъ нимъ и, слегка кивнувъ головой, возвращаетъ ее вмѣстѣ съ стаканомъ... Послѣ четвертаго акта скучающій царь уѣзжаетъ домой — ужинать, упросивъ регента остаться въ ложѣ.

Въ четвергъ 20-го мая обѣдъ, назначенный въ Сэнъ Клу, отмѣняется: Петръ чувствуетъ нѣкоторое недомоганіе... Недомоганіе, повидимому, проходитъ очень скоро; шесть дней спустя Петръ ѣдетъ въ Марли, прекрасно проводитъ тамъ день, много ѣстъ и еще больше пьетъ и, по разсказу одного современника, цитируемаго Валишевскимъ, „C'est cet endroit qu'il a choisy pour s'enfermer avec une maîtresse, qu'il a prise içi et a qui il a fait toutes ses prouesses dans l'appartement de Madame de Maintenon“.

Счастливый объектъ царскаго вниманія удаляется очень скоро, получивъ за труды два экю.

Четыре дня спустя, въ воскресенье 30-го, послѣ охоты въ Фентенебло, царь возобновляетъ свои развлеченія. На обратномъ пути, въ Пти Буръ, двѣ женщины, вытирая испорченную карету, удивляются аппетиту Петра.

Онъ вообще любитъ много ѣсть: обѣдаетъ въ одинадцатомъ часу и ужинаетъ въ седьмомъ. Столъ обильный, но пища простая и скорѣе сытная, нежели изысканная. Все же, противъ воли царя больше всего заботящагося объ экономіи, метръ д-отель Вертонъ съ утра до вечера держитъ столъ на сорокъ кувертовъ; на содержаніе стола уходитъ ежедневно 1.800 ливровъ.

Особое вниманіе удѣляется напиткамъ; за обѣдомъ Петръ обычно выпиваетъ двѣ бутылки вина и бутылку ликера — за дессертомъ. За ужиномъ, — столько же, «не считая пива и лимонада, потребляемаго имъ въ большомъ количествѣ за день и вечеромъ».

Въ пятницу 11-го іюля, царь, вообще непріязненно относившійся къ придворнымъ дамамъ, рѣшаетъ навѣстить мадамъ. де Мэнтенонъ, которая, хладнокровно разсказываетъ Сэнъ Симонъ въ своихъ «Мемуарахъ», узнавъ объ этомъ желаніи, „s'étoit mise au lit, ses rideaux fermés hors un qui ne l'étoit qu'à demi. Le czar entra dans sa chambre, alla ouvrir les rideaux des fenêtres en arrivant puis tout de suite tous ceux du lit, regarda bien Mme de Maintenon tout à son aise, ne lui dit pas un mot, ni elle à lui, et sans lui faire aucune sorte de revérence, s'en alla. Je sus qu'elle en avait été fort étonnée et encore plus mortifiée; mais le feu roi n'étoit plus“ (Saint Simon, „Mémoires“, T. IX, page 234). *)

---

*) «Легла въ кровать, задернувъ всѣ занавѣсочки, за исключеніемъ одной, бывшей затянутой только на половину. Царь вошелъ въ комнату, раскрылъ оконныя занавѣски входя, затѣмъ занавѣски кровати, вдоволь разсмотрѣлъ госпожу Ментенонъ, не сказалъ ей ни одного слова, — ни она ему, — и не извинившись передъ ней — ушелъ. Я узналъ, что она была очень удивлена и еще болѣе напугана; но короля уже не было въ живыхъ» (Сенъ Симонъ, «Мемуары», т. I., стр. 234).

Сама мадамъ де Мэнтенонъ, видимо, не была такъ напугана этимъ визитомъ, какъ передаетъ это знаменитый мемуаристъ. Въ письмѣ, адресованномъ госпожѣ Кайлисъ она разсказываетъ:

«Господинъ Габріель входитъ и говоритъ мнѣ, что г. Беллегардъ увѣдомляетъ меня, будто онъ, — т. е. царь, хочетъ придти ко мнѣ послѣ обѣда, если это мнѣ нравится. Я не осмѣливаюсь возразить и рѣшаюсь ждать его въ кровати. Мнѣ ничего больше не говорятъ. Я не знаю, нужно ли его встрѣтить церемонно, хочетъ ли онъ осматривать домъ, барышень, пойдетъ ли онъ въ хоры; я оставляю все на волю случая. Царь пріѣхалъ въ 7 часовъ. Онъ сѣлъ у изголовья моей кровати и спросилъ, не больна ли я. Я отвѣтила утвердительно. Онъ велѣлъ спросить, что у меня болитъ. Я отвѣтила: «Глубокая старость и довольно слабый темпераментъ». Онъ не зналъ, что мнѣ сказать, и переводчикъ, видимо, не понялъ меня. Его визитъ былъ очень непродолжителенъ. Онъ еще въ домѣ, но я не знаю, гдѣ именно. Онъ поднялъ одѣяло, чтобы меня видѣть. Вы понимаете, что онъ остался удовлетворенъ».

Наступали іюльскія жары и духота. Петръ все успѣлъ осмотрѣть, и многое нравилось ему. Побывалъ онъ и въ мастерскихъ гобленовъ, очень хвалилъ работу и далъ на чай рабочимъ 1 экю. Присут-

ствовалъ на операціи у знаменитаго англійскаго ученаго, доктора Вулюза, удачно удалившаго катарактъ; 19-го іюля побывалъ на торжественномъ засѣданіи парламента.

Пора была подумать объ отъѣздѣ. Путешествіе сильно затянулось и въ субботу 10 іюня царь поѣхалъ къ королю и нѣжно съ нимъ простился. Король подарилъ ему два гоблена, изъ тѣхъ, что особенно понравились ему при осмотрѣ мастерскихъ.

Петръ принялъ ихъ охотно, но отъ шпаги, усыпанной алмазами, наотрѣзъ отказался. Въ свою очередь царь щердо наградилъ свиту, никакъ не ожидавшую подобной милости: 50.000 ливровъ далъ офицерамъ, 30.000 рабочимъ королевскихъ мастерскихъ. Маршалу Тиссе и Вортону, къ которому онъ сильно привязался — свои портреты, въ дорогихъ рамахъ.

Наконецъ все было готово: 20 іюля, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія во Франціи, царь двинулся въ Спа, гдѣ уже давно съ нетерпѣніемъ ждала его будущая императрица всероссійская, — «Катеринушка, другъ сердешненькій».

Четырнадцатое Іюля

Предмѣстье Сэнтъ Антуанъ. Жакъ Франсуа де Виттъ. Таверна Гортензія. Сантерръ

Въ темной листвѣ деревьевъ весело горятъ многоцвѣтными огнями бумажные фонарики, на маленькихъ эстрадахъ любители - музыканты всю ночь дудятъ въ мѣдныя трубы, бьютъ въ барабаны и пестрая толпа въ карнавальныхъ колпакахъ пляшетъ на улицѣ, подъ открытымъ небомъ... Старая, бойкая полька смѣняется танго; модный фоксъ-троттъ, уонъ-стэппомъ и нетребовательная публика пляшетъ все время, безъ передышки, въ давкѣ, въ толкотнѣ...

Столики кафэ на терассахъ, на троттуарахъ, на мостовыхъ; толпа запрудила бульвары, остановила

автобусы и трамваи и движется медленной, широкой лавиной, вливаясь на площади, задерживаясь на перекресткахъ: трибуны съ музыкантами на каждомъ углу; надо задержаться на мгновенье, поглядѣть, потанцовать, выпить холоднаго, прозрачнаго пива и идти дальше, къ Бастиліи и Отель де Вилль, по празднично бурлящимъ улицамъ.

...Душной ночью тринадцатаго іюля 1789 года, никто изъ обитателей Сэнтъ Антуанскаго предмѣстья не сомкнулъ глазъ. Задыхавшіеся отъ зноя парижане, распахнули всѣ окна; широкими полосами свѣтъ падалъ наружу.

Иногда, изъ темнаго, неосвѣщеннаго пространства вступали въ полосу свѣта группы гражданъ, кое-какъ вооруженныхъ старыми пистолетами и выкованными за день пиками, задыхающихся отъ духоты, съ національными кокардами на шляпахъ.

Патрули гулко проходили по каменнымъ плитамъ троттуаровъ, куда то въ темноту, въ сторону Городской Ратуши и далекаго Палэ-Рояля.

Люди въ домахъ ждали набата; набата не было. Колокола ровно и размѣренно, каждый часъ, отбивали положенное число ударовъ.

Разсвѣтъ всталъ надъ городомъ, — душный, пыльный, слегка туманный. Съ девяти утра солнце жгло немилосердно. На аллеяхъ Палэ-Рояля, подъ колоннадой, у кафэ дю Фуа, въ секціи Сэнъ-Рокъ и на улицѣ Сэнтъ-Онорэ царило необычайное возбужденіе.

Говорили, что швейцарцы двинуты съ Марсова Поля на Парижъ: къ вечеру всѣ патріоты будутъ перерѣзаны; Де Лоннэ разрушитъ предмѣстье Сэнтъ-Антуанъ и взорветъ весь фобуръ; городской голова прячетъ оружіе и тайно ведетъ переговоры съ комендантомъ Бастиліи; говорили еще о многомъ и многому вѣрили.

Къ вечеру, со стороны Гревской площади въ кафэ дю Фуа прибѣжало нѣсколько усталыхъ, запыленныхъ и обожженныхъ порохомъ людей. Черезъ нѣсколько минутъ Палэ-Рояль узналъ о взятіи Бастиліи.

Тринадцатаго — о Бастиліи никто не думалъ. Четырнадцатаго вечеромъ она была въ рукахъ народа и окровавленная голова де Лоннэ на остріѣ пики прогуливалась по торжествующему предмѣстью.

Къ шести часамъ двери тюрьмы раскрылись. Патріоты бросились освобождать плѣнниковъ «беззаконія и тираніи». Ихъ оказалось немного — все-

го семь человѣкъ: два старика, окончательно потерявшіе разсудокъ, четверо форменныхъ мошенниковъ и нѣкій графъ, посаженный по требованію собственной семьи и повинный въ «отвратительномъ преступленіи».

Любопытнѣе всѣхъ оказались сумасшедшіе; бѣдняги сильно были напуганы своими восторженными освободителями и умоляли оставить ихъ въ камерахъ и никуда не уводить.

Жакъ Франсуа де Виттъ, англичанинъ, съ бѣлой бородой до пояса молчалъ и ни чѣмъ не интересовался. Его сотоварищъ по заключенію, Тавернье внимательно освѣдомился о здоровьи Людовика XV, умершаго 15 лѣтъ тому назадъ.

Бѣдняга сидѣлъ въ тюрьмѣ 43 года; политическія новости прибывали въ Бастилію съ нѣкоторымъ запозданіемъ.

На слѣдующее утро Жакъ Франсуа де Виттъ, одѣтый въ новую блузу, живописно оттѣнявшую его сѣдую бороду, въ открытой коляскѣ, черезъ все предмѣстье двинулся къ Отель де Вилль. Старикъ рѣшительно ничего не соображалъ и, въ концѣ концовъ, пересталъ обращать вниманіе на празднично убранные дома, на вооруженныхъ людей, всюду толпящихся на улицахъ, безразлично относился къ звукамъ музыки и шумнымъ оваціямъ.

Предмѣстье, освободившее стариковъ, взяло ихъ подъ свое покровительство. Ночь 15 іюля Де Виттъ и Тавернье провели въ домѣ пивовара Сантерра, на улицѣ Рельи, въ брассери Гортензія.

Возбужденный фобуръ толпился подъ окнами дома Сантерра. Усталая толпа не спала вторую ночь; впрочемъ, о снѣ никто не думалъ.

Городъ задыхался отъ невыносимаго зноя. Знаменитое красное пиво Сантерра лилось ручьями...

...Старое предмѣстье давно спитъ. Догораютъ цвѣтные фонарики. Кое гдѣ, изъ раскрытыхъ дверей кафэ долетаютъ дребезжащіе звуки механическаго піанино и гармоники. Нѣсколько неутомимыхъ паръ танцуютъ на троттуарѣ.

Улица Рельи... Номеръ девятый... Маленькое, тускло освѣщеное кафэ. Рабочіе у входа лѣниво пьютъ мутное, бѣлое вино... За сосѣдними убогими столиками — ни души.

Это все, что осталось отъ нарядной, кокетливой Гортензіи, ярко иллюминованной, горящей многоцвѣтными огнями въ жаркую, безсонную ночь 15 іюля 1789 года.

Черезъ часъ начнетъ разсвѣтать. Улица Сэнтъ-Антуанъ въ движеніи. Въ темнотѣ, вдоль троттуаровъ вырастаютъ горы корзинъ, ящиковъ и тюковъ. Неясно вырисовываются возы съ овощями; многоголосо гудитъ близкій Центральный Рынокъ.

По звонкой торцовой мостовой безконечной вереницей тяжко ступаютъ тяжелыя лошади; рядомъ съ повозками ровнымъ шагомъ идутъ люди.

...Въ красныхъ фригiйскихъ колпакахъ, суровые, молчаливые, полуголые и задыхающiеся, никогда не умирающiе «побѣдители Бастилiи», такiе же, какъ и 135 лѣтъ тому назадъ, идутъ за возами, черезъ спящее предмѣстье, въ сторону Центральнаго Рынка.

Въ шесть утра фонари горятъ желтымъ, безжизненнымъ свѣтомъ.

Въ горячемъ утреннемъ туманѣ просыпается городъ; и болтаются безпомощно на террасахъ кафэ многоцвѣтные бумажные фонарики.

BIBLIOGRAPHIE

BABEAU Albert: «Paris en 1789 ». 3e éd. Paris 1889.

CAIN Georges: « A travers Paris ». 1909; « Les coins de Paris (préface de V. Sardou); «Le long des rues »; «Nouvelles promenades dans Paris », 1908; «Les Pierres de Paris »; «Promenades dans Paris », 1907.

FOURNEL Victor: « Les rues du Vieux Paris » 32e édit. Paris, 1881; « Le Vieux Paris, fêtes jeux, spectacles » (Tours 1887); « Les cris de Paris, types et physionomie d'autrefois », 1889.

GOURDON DE GENOUILLAC: «Paris à travers les siècles;, 5 vol. Par. 1879-82.

LENOTRE G.: « Paris révolutionnaire »; « Vieilles maisons, vieux papiers », 5 vol.

LE MAIRE: « Paris ancien et nouveau », Paris 1865 (3 vol.).

MARTIN: « Paris, ses vingt arrondissements », Paris, 1890.

ROCHEGURDE (Marquis de): « Promenades dans toutes les rues de Paris » (4 vol.) 1923.

SCHMIDT Ad.: « Paris pendant la Révolution, d'après les rapports de la police secrète », 1789-1800.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МОНМАРТРЪ

ИЛЛЮСТРАЦІИ БОРИСА ГРОССЕРА

B.G

ОТЪ АВТОРА.

Два Монмартра: Монмартръ историческій, старинная церковь Св. Петра, заброшенное кладбище Кальвэръ, тихая деревушка на вершинѣ холма, ея художники, писатели и подлинно артистическія кабарэ, — все то, о чемъ не принято разсказывать съ подножки автокара.

И Монмартръ площади Пигаль и улицы Мартиръ, Монмартръ ночной, съ его красными фонарями, притонами и кабаками, торговцами кокаиномъ и живымъ товаромъ. Читатель не взыщетъ, если въ этой книгѣ я буду говорить исключительно о Монмартрѣ подлинномъ, давно уже ушедшемъ въ прошлое. Этотъ Монмартръ окончательно пересталъ существовать въ тотъ день, когда чикагскіе торговцы свиньями превратились въ аристократовъ, а русскіе аристократы — въ черкесовъ изъ ночныхъ ресторановъ.

Еще одно: «Монмартръ» является дополненіемъ «Стараго Парижа», вышедшаго въ свѣтъ два года тому назадъ. Поэтому, здѣсь, вѣроятно, будетъ умѣстно повторить то, что я писалъ тогда въ предисловіи:

эта книга не претендуетъ ни на новыя открытія, ни на историческую правду или полноту; другіе, гораздо раньше и гораздо лучше меня изучили Парижъ и написали о немъ безчисленное количество книгъ, нѣкоторыми изъ которыхъ я воспользовался.

Это — простыя замѣтки фланера, любящаго старыя улицы и ихъ исторію.

СТАРЫЙ МОНМАРТРЪ

Жаркимъ, сухимъ лѣтомъ 1522 года, въ самый разгаръ чумы, свирѣпствовавшей въ Парижѣ, по мосту Сэнъ-Мишель двигалась странная процессія; впереди, верхомъ на мулѣ, извѣстный адвокатъ парламента — Николай Верзорисъ; за нимъ слѣдовала повозка съ дѣтьми, помощниками адвоката, слугами и больной госпожей Верзорисъ, которой врачи предписали покинуть городъ и жить въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ.

Экипажъ медленно перебрался на правый берегъ Сены, проѣхалъ площадь Шатлэ, Центральный Рынокъ и улицу Монмартръ. За воротами Сэнъ Дени началась деревенская, немощеная дорога, облака густой пыли, сады и огороды.

Часъ спустя, повозка остановилась у небольшого деревенскаго домика Верзориса. Мѣсто было пустынное, глухое; въ саду, сыромъ и заросшемъ травой, водились змѣи и по ночамъ квакали лягушки. Только изрѣдка, по пустынной дорогѣ грохотали телѣги, направлявшіяся въ Парижъ, или въ ближайшія деревни.

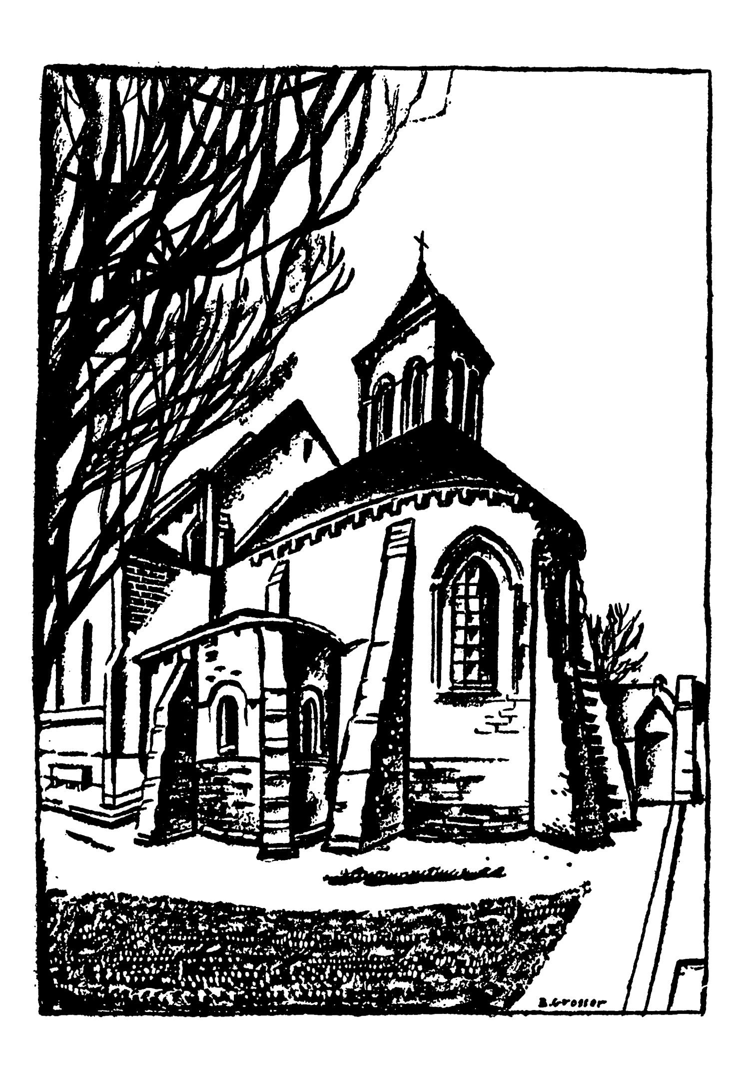
Загородный домъ Верзориса находился въ сотнѣ

метровъ отъ улицы Шатодэнъ и редакціи «Послѣднихъ Новостей»... Улицы Шатодэнъ еще не существовало въ тѣ отдаленныя времена; многоэтажные дома не заслоняли деревенскаго пейзажа: изъ оконъ дачи видны были луга, далекій Парижъ, аббатство, церковь Св. Петра, и три десятка деревянныхъ вѣтряныхъ мельницъ, разсыпанныхъ по склону монмартрскаго Холма.

Въ далекія времена Лютеціи Монмартръ привлекалъ не только любителей чистаго деревенскаго воздуха, но и религіозно настроенныхъ людей... Неподалеку отъ нынѣшней площади Тертръ высился храмъ Марса. Нѣсколько къ западу, ближе къ городу — храмъ Меркурія.

Въ III вѣкѣ изъ Афинъ пришелъ въ Лютецію Св. Діонисій, въ сопровожденіи толпы послѣдователей и учениковъ. Первые христіане не пожелали или не могли оставаться въ языческомъ городѣ и удалились на Монмартрскій холмъ — для проповѣди и молитвы. Близкое сосѣдство христіанъ, вѣроятно, пришлось не по вкусу жрецамъ храмовъ Меркурія и Марса. Св. Діонисій былъ схваченъ и здѣсь же, на холмѣ — обезглавленъ. И mont de Mars сдѣлалась mont Martyrum.

О мученичествѣ первыхъ христіанъ обитатели Лютеціи забыли; но въ 1611 году, при раскопкахъ най-

B. Grosser

дена была пещера, напоминающая римскія катакомбы, съ грубо высѣченнымъ алтаремъ. Передъ этимъ алтаремъ Игнатій Лойола далъ обѣтъ вѣчной бѣдности; здѣсь была положена основа ордена іезуитовъ.

Множество богомольцевъ стекалось къ монмартрскому холму. Къ концу XII столѣтія изъ обломковъ храмовъ Меркурія и Марса была выстроена часовня Мучениковъ и храмъ Св. Петра. За восемь столѣтій храмъ сильно пострадалъ: войны, пожары и архитекторы сильно изуродовали его. Въ послѣдній разъ его реставрировали совсѣмъ недавно, и еще сейчасъ можно видѣть маленькую церковку — у стѣны Сакрэ-Кэръ — покосившуюся и потемнѣвшую отъ времени.

Это самый старый храмъ Парижа.

Въ годъ XXVII благополучнаго царствованія благочестиваго короля Людовика VI освящено было обширное аббатство, занимавшее большую часть монмартрскаго холма.

Исторія аббатства богата именами: сорокъ три настоятельницы, — и среди нихъ королева Аделаида, надгробный камень коей гласитъ:

Cy gyst madame Alix, qui de la France fut Reine
Femme du Roy Louis Sixième dit le Gros.
Son âme vit au ciel, et son corps en repos

Attend dans ce tombeau la gloire souveraine.
Sa beauté, ses vertus la rendirent aimable
Au prince son époux, comme à tous ses sujets, —
Mais Montmartre fut l'un de ses plus doux objets
Pour y vivre et trouver une mort délectable.

Аббатство знало разныя времена: иногда богатство, иногда оскудѣніе и нищету. Въ тяжелые годы, чтобы не умереть съ голоду, монахини должны были спускаться внизъ, въ Парижъ, и искать помощи и поддержки у своихъ болѣе состоятельныхъ сестеръ... Суровый уставъ ордена не всегда строго соблюдался настоятельницами монастыря; 8 мая 1590 года, Генрихъ IV началъ осаду Парижа. 12 тысячъ стрѣлковъ заняли монмартрскій холмъ и помѣщенія аббатства. Съ утра шесть пушекъ били по городу. Оставшіеся безъ дѣла стрѣлки заглядывали во всѣ закоулки женскаго монастыря и заводили знакомства съ его обитательницами...

Въ 1790 году, оправившееся было аббатство снова впало въ нищету, лишившись всѣхъ своихъ доходовъ. Послушницы голодали—какъ и всѣ, впрочемъ, парижане въ эту суровую, революціонную зиму... Въ довершеніе бѣдствія, послѣ 10 августа получился приказъ — очистить всѣ жилыя помѣщенія въ трехдневный срокъ. Утромъ 16-го, — секціонеры Монмартра, переименованнаго къ этому времени въ Монмаратъ

— въ честь Друга Народа*), нашли монастырь пустымъ: монахини разбѣжались, имущество было продано за гроши, золото и серебро свезено на монетный дворъ... Послѣдняя, сорокъ третья настоятельница — госпожа Монморанси Лаваль нашла убѣжище въ Шато Бонди. Убѣжище оказалось ненадежнымъ. Крестьяне выдали его. Шестого термидора госпожа Монморанси Лаваль предстала передъ революціоннымъ трибуналомъ. Глухая и слѣпая старуха не могла даже прочесть предъявленныхъ ей документовъ, на основаніи которыхъ было построено обвиненіе, ни отвѣчать на вопросы, которыхъ она не слышала. Она была осуждена за *«глухую* и *слѣпую* конспирацію противъ Республки». Вмѣстѣ съ другими осужденными, послѣдняя настоятельница аббатства поднялась на гильотину, на площади Повергнутаго Трона... На слѣдующій день былъ казненъ Андрэ Шенье, и еще два дня спустя,

---

*) Маратъ, вѣроятно, меньше всего ожидалъ подобной чести. Въ самомъ началѣ своей карьеры, зимой 1789 года Другъ Народа скрывался въ каменоломняхъ Монмартра, затравленный Національнымъ Собраніемъ, Парижской Коммуной и разыскиваемый по приказу судей Шатлэ. Лафайеттъ, явившійся арестовать его—во главѣ сильнаго отряда, нашелъ квартиру Марата пустой. Другъ Народа успѣлъ бѣжать и скрывался — сначала въ предмѣстьяхъ Парижа, потомъ въ Версалѣ и, наконецъ, въ каменоломняхъ Монмартра. Здѣсь онъ прожилъ 15 дней, въ относительной безопасности. Въ субботу 12 декабря, на разсвѣтѣ, Маратъ былъ схваченъ солдатами, привезенъ въ Отель де Вилль, и переданъ въ распоряженіе правосудія...

Позже, когда въ революціонной странѣ начался культъ «Друга Народа», Монмартръ былъ переименованъ въ Монмаратъ,—въ память тѣхъ дней, когда Маратъ искалъ здѣсь убѣжища.

пала голова Максимиліана Робеспьера, Неподкупнаго.

Было Девятое Термидора.

Теплой, весенней ночью 29 марта 1814 года, — Парижъ не спалъ.

Всѣ взоры были устремлены въ сторону далекаго монмартрскаго холма, занятаго войсками Короля Іосифа. Парижане знали, что непріятель придетъ оттуда, изъ-за вѣтряныхъ мельницъ... На улицахъ били барабаны.

Всю ночь на Монмартрѣ пылали костры и солдаты и національные гвардейцы ждали приказа выступать.

Бой начался на разсвѣтѣ, 30 марта, въ равнинѣ Сэнъ Дени. Съ вершины холма, уже очищеннаго солдатами, видно было поле сраженія, дымки разрывовъ и корпусъ генерала Ланжерона, захватившаго окрестныя деревни. Оборона продолжалась недолго: послѣ артиллерійской подготовки, русскіе начали штурмовать, и четыре сотни драгунъ при нѣсколькихъ орудіяхъ поспѣшно отступили въ сторону барьера Клиши, у котораго, съ героическимъ безуміемъ, старый Монсэй пытался организовать оборону Парижа.

Къ полудню все было кончено; восьмой и девятый русскіе корпуса и силезская армія заняли Монмартръ.

Въ четыре часа дня Императоръ Александръ и Король Прусскій поднялись на монмартрскій холмъ.

Далеко, внизу, въ голубоватомъ туманѣ тонулъ Парижъ.

По прежнему стояли вѣтряныя мельницы. По прежнему Монмартръ былъ глухимъ, спокойнымъ уголкомъ. Въ праздники парижане пріѣзжали сюда — отдохнуть отъ городского шума и суеты, подышать свѣжимъ воздухомъ и поѣсть — въ небольшихъ загородныхъ кабачкахъ... Казалось, о Монмартрѣ забыли — на шестьдесятъ лѣтъ.

18 марта 1871 года о немъ вспомнили. Парижъ съ ужасомъ узналъ, какъ въ двухъ шагахъ отъ церкви Св. Петра, въ узкой и кривой улочкѣ, озвѣрѣлой толпой были убиты генералы Леконтъ и Тома.

Исторія стараго Монмартра, открывшаяся кровью Св. Діонисія, заканчивалась — шестнадцать вѣковъ спустя — въ крови первыхъ жертвъ Парижской Коммуны.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ НА УЛИЦѢ РОЗЬЕ

Въ 3 часа утра, 18 марта 1871 г., войска, которымъ былъ прочитанъ приказъ генерала Винуа, были выведены изъ казармъ и двинуты въ сторону Монмартра. Было еще совсѣмъ темно; солдаты шли молча по пустымъ и соннымъ улицамъ Парижа.

Задолго до разсвѣта, первая колонна, находившаяся подъ командой генерала Леконта, подошла къ улицѣ Розье; сюда парижане свезли большую часть орудій, гарантировавшихъ защиту Парижа отъ пруссаковъ. Это были тѣ самыя орудія, о которыхъ говорилось въ прокламаціи Тьера, расклеенной ночью на стѣнахъ города: «Пушки, украденныя у государства, будутъ возвращены въ арсеналы». Тьеръ забылъ прибавить, что большинство этихъ пушекъ было пріобрѣтено по національной подпискѣ и что парижане считали ихъ своей собственностью.

Все, казалось, было обдумано превосходно. Часовыхъ на улицѣ Розье захватили почти безъ сопротивленія, батареи Монмартра перешли въ руки правительства, и оставалось лишь засыпать рвы, срыть бастіоны и доставить лошадей для запряжки въ орудія.

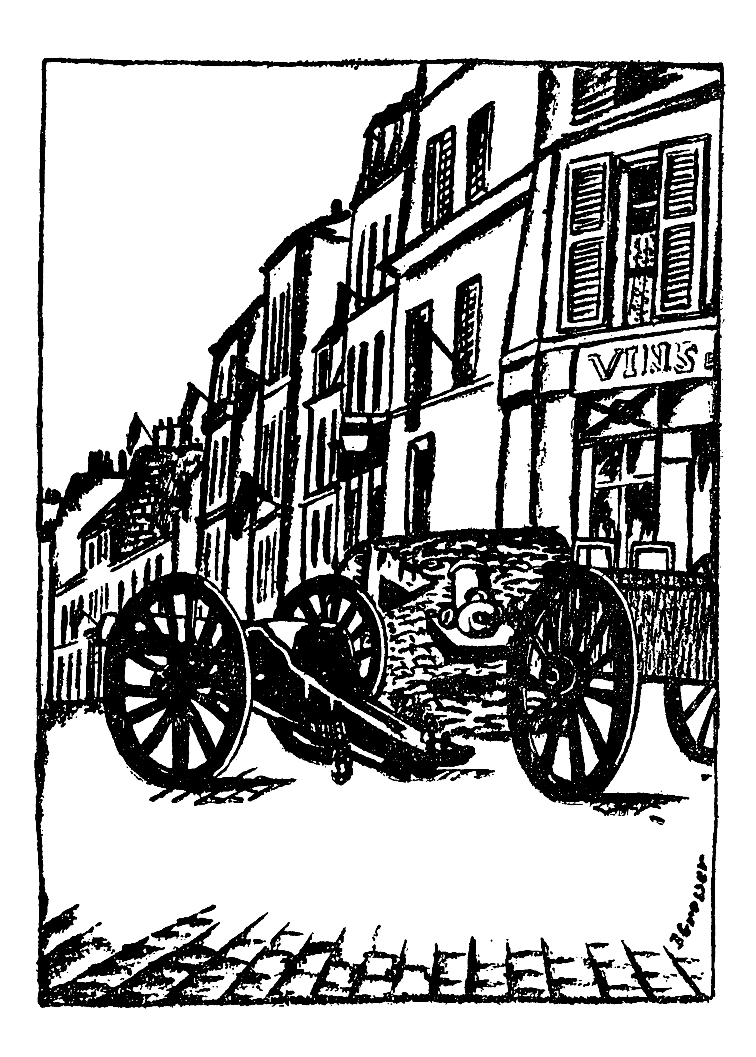
Каждая минута была дорога; необходимо было покончить до разсвѣта.

Въ прекрасно разработанныхъ планахъ военныхъ дѣйствій иногда упускается небольшая деталь, губящая всю операцію. Генералъ Винуа, выработавшій планъ атаки Монмартра позаботился обо всемъ, — но позабылъ о лошадяхъ. И лошади, безъ которыхъ нельзя было свезти внизъ нѣсколько сотъ орудій, не оказались на мѣстѣ въъ назначенный часъ. Пока ихъ ожидали, наступилъ разсвѣтъ: Монмартръ проснулся.

«7 час. 20 мин. утра. Батарея Муленъ де ла Галетъ захвачена безъ единаго выстрѣла. Національные гвардейцы сложили оружіе».

Пока префектъ Парижа разсылалъ во всѣ стороны эту телеграмму, сообщавшую о правительственной побѣдѣ, — жители Монмартра высыпали на улицу. Изъ устъ въ уста передавались событія прошлой ночи. Мэръ Монмартра, докторъ Жоржъ Клемансо, взбѣшеный, явился на бастіонъ. Ему обѣщали ничего не предпринимать, не предупредивъ заранѣе. Генералъ Леконтъ выслушалъ его жалобы и въ сердцахъ предложилъ мэру и будущему «Тигру» «отправиться въ свою мэрію». Клемансо ушелъ.

Лошади все еще не прибывали. Неподалеку отъ бастіоновъ мало-по-малу стала собираться толпа лю-

VINS

бопытныхъ, — главнымъ образомъ, состоявшая изъ женщинъ и дѣтей.

Потомъ, у мэріи, барабаны Національной Гвардіи забили сборъ.

Часъ спустя, узенькія улочки Монмартра запружены толпой. Женщины пересмѣиваются съ солдатами, дѣти сидятъ верхомъ на захваченныхъ орудіяхъ. Появляется вино.

Орудія принадлежатъ парижанамъ: неужели ихъ собираются отнять? Солдаты смущены; они съ народомъ, и когда генералъ прикажетъ открыть огонь, они откажутся разстрѣливать толпу, въ которой есть женщины и дѣти. Они предпочтутъ разстрѣлять генерала.

Постепенно ряды разстраиваются, дисциплина нарушается. Подходитъ Національная Гвардія и солдаты 88 полка, ставшаго на сторону парижанъ... Начинается братаніе. Винтовки брошены на землю: женщины обнимаютъ и цѣлуютъ стрѣлковъ. Всѣ пьютъ — по случаю одержанной побѣды.

Генералъ Леконтъ арестованъ и подъ градомъ оскорбленій отведенъ въ казарму на улицѣ Розье; на площади Пигаль убитъ какой то офицеръ генеральнаго штаба; нѣсколько орудій, вывезенныхъ съ Монмартра, снова подняты наверхъ; на Внѣшнихъ Бульварахъ

появляются баррикады и спѣшно разбирается мостовая.

Въ девять утра съ вершины Монмартра раздается три орудійныхъ выстрѣла. Этими выстрѣлами открываются сто дней Парижской Коммуны.

Монмартръ въ рукахъ возставшихъ. Вѣсти оттуда приходятъ крайне скудныя и противорѣчивыя. Каждыя четверть часа префектъ разсылаетъ все болѣе и болѣе тревожныя телеграммы. Центральный комитетъ инсургентовъ, — ихъ еще не называютъ коммунарами, — засѣдаетъ на улицѣ Бафруа. Арестованный генералъ Леконтъ ждетъ рѣшенія этого комитета.

Парижъ тоже становится ненадежнымъ. Со стороны площади Итали слышится сильная канонада. Подъ окнами министерства иностранныхъ дѣлъ съ барабаннымъ боемъ проходятъ возставшіе полки.

Въ 4 часа дня въ толпѣ на Монмартрѣ задерживаютъ сѣдовласаго буржуа, въ высокомъ цилиндрѣ. Это генералъ Клеманъ Тома, «одинъ изъ разстрѣливавшихъ въ 1848 году»; онъ вышелъ на улицу и за свою неосторожность долженъ заплатить жизнью. Его приводятъ на улицу Розье, въ комнату, гдѣ уже сидитъ генералъ Леконтъ.

Въ дни уличныхъ революцій, толпа принимаетъ рѣшенія гораздо быстрѣе, чѣмъ центральные комитеты, «руководящіе» движеніемъ. Люди жаждутъ крови; сол-

даты и сутенеры, пришедшіе съ фортификацій, врываются къ арестованнымъ и выволакиваютъ ихъ въ садъ... Здѣсь, у стѣнки, генераловъ разстрѣливаютъ свои же солдаты.

— Ты посадилъ меня на 8 дней, – кричитъ одинъ изъ убійцъ, — я выстрѣлю первый!

Преступленіе, совершенное на улицѣ Розье, стало извѣстно въ Парижѣ лишь подъ вечеръ. Въ 6 часовъ 10 минутъ префектъ отправилъ Тьеру такую телеграмму:

«Одинъ фельдфебель только что сказалъ мнѣ, что генералы Леконтъ и Клеманъ Тома разстрѣляны по постановленію полевого суда. Онъ видѣлъ трупы»*).

Клемансо, надѣявшійся спасти Леконта и Тома, явился на улицу Розье слишкомъ поздно. Онъ самъ едва спасся изъ рукъ убійцъ.

... Улица Розье давно переименована и называется теперь рю Шевалье де ла Барръ. Домъ, въ которомъ прожили свои послѣдніе часы осужденные, садъ, въ которомъ они были разстрѣляны — снесены съ лица земли. На этомъ мѣстѣ недавно была выстроена семинарія. Но по странной случайности, небольшая часть трагической «стѣнки» еще сохранилась.

Ее можно видѣть рядомъ съ кабачкомъ «Убѣжище Св. Іосифа», у дома номеръ тридцать шесть.

---

*) «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871». Vol. 2, p. 67 et suivantes. Déposition de M. Jules Ferry.

КЛАДБИЩЕ КАЛЬВЭРЪ

УЛИЦА Шевалье де ла Барръ, на которой были разстрѣляны генералы Тома и Леконтъ, ведетъ къ верхушкѣ монмартрскаго холма и церкви Св. Петра. Въ церковной оградѣ расположено забытое, запущенное кладбище Кальвэръ. Немногіе знаютъ о его существованіи: здѣсь давно уже никого не хоронятъ. Могилы заросли травой, надписи стерлись, и трудно узнать, кто именно покоится подъ темными плитами... Разъ въ годъ приходятъ монахи и служатъ заупокойную литургію. Потомъ ворота снова закрываются и о покойникахъ забываютъ.

Нѣтъ ничего печальнѣе и заброшеннѣе этого кладбища. Десятка три могильныхъ памятниковъ; часть ихъ покосилась и упала; обломки крестовъ лежатъ въ травѣ. Дорожки заросли мохомъ — по нимъ давно никто не бродилъ и нога тонетъ, какъ въ мягкомъ, пушистомъ коврѣ.

Въ осенній, солнечный день здѣсь тишина необычайная. Съ деревьевъ падаютъ листья и ложатся всюду — на памятники, на землю, въ траву... Парижъ кажется совсѣмъ далекимъ; только колокола сосѣдней церкви отбиваютъ часы и зовутъ вѣрующихъ на молитву.

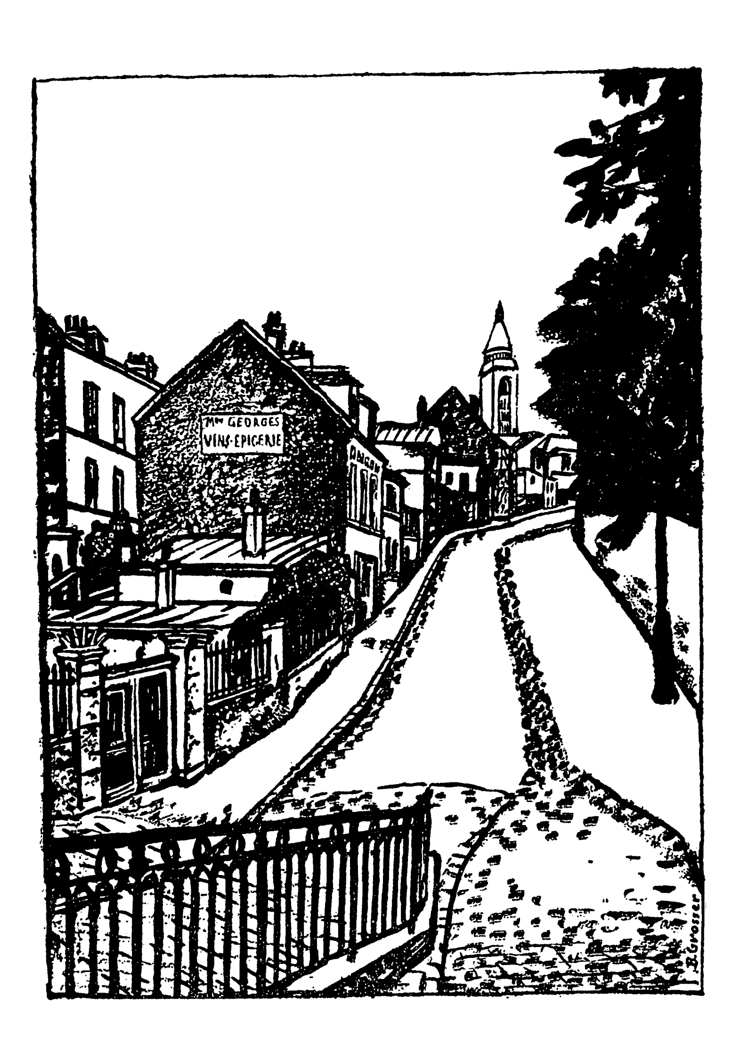
Удивительныя могилы: вотъ склепъ семейства Дебрэй, владѣльцевъ Мулэнъ де ла Галетъ. На верхушкѣ мавзолея — маленькая, чугунная мельница — вмѣсто креста. Цѣлое поколѣніе мельниковъ лежитъ въ этомъ склепѣ: покоится здѣсь и старый Дебрэй, сто лѣтъ тому назадъ учившій плясать монмартрскую молодежь, и превратившій свою мельницу въ танцевальный залъ... Нѣсколько дальше — могила Феликса Денорма, перваго мэра Монмартра, избраннаго въ страшный, 1790 годъ. Во время революціи въ каменоломняхъ Монмартра скрывалось много опасныхъ людей — агентовъ Питта и конспираторовъ, и бдительное око революціоннаго мэра должно было неустанно слѣдить за этими врагами народа.

Въ самомъ дальнемъ углу кладбища есть двѣ плиты: дожди и вѣтры стерли надгробныя надписи, покрыли ржавчиной и мхомъ кованную желѣзную рѣшетку. На одной плитѣ еще можно разобрать:

Николай Сергѣевичъ
Свѣчинъ
Генералъ отъ Инфантеріи,
родился...

На плитѣ лежащей рядомъ Софьи Петровны Свѣчиной, нельзя разобрать ничего.

О генералѣ Свѣчинѣ написано пока очень мало. Въ русской исторіи былъ, однако, моментъ, когда

Mme GEORGES
VINS·EPICERIE
B. Grosser

этотъ человѣкъ могъ сыграть рѣшительную роль. Онъ предпочелъ вѣрность присягѣ, — и исторія забыла его.

Николая Сергѣевича любили и баловали при дворѣ; будущій императоръ Александръ не обращался къ нему въ письмахъ иначе, какъ къ «милому другу». Генералъ отъ инфантеріи могъ прекословить самому Павлу.

Карьера открывалась блестящая: Свѣчинъ былъ назначенъ комендантомъ дворца и военнымъ губернаторомъ Санктъ-Петербурга. Но въ блистательной столицѣ уже носились тогда неясные слухи о готовящемся дворцовомъ переворотѣ; о слухахъ этихъ не могъ не знать губернаторъ. Можетъ быть поэтому онъ не былъ удивленъ, когда въ день его назначенія, къ нему явился съ визитомъ графъ X. — съ нѣкіимъ таинственнымъ предложеніемъ. Въ своихъ бумагахъ, оставленныхъ послѣ смерти, Н. С. Свѣчинъ разсказываетъ объ этомъ памятномъ посѣщеніи. Рѣчь шла о томъ, чтобы стать на сторону заговорщиковъ, овладѣть дворцомъ и объявить императора низложеннымъ. Тронъ переходилъ къ Александру. Арестованнаго Павла должны были заточить въ казематѣ; въ крайнемъ же случаѣ, трупъ его могъ исчезнуть ночью, въ Невѣ. Таковъ былъ планъ. Генералъ отказался...

Нѣсколько дней спустя — предложеніе было повторено адмираломъ Р. — въ болѣе осторожной формѣ. Новый отказъ — еще болѣе рѣшительный.

Партія заговорщиковъ оказывается вліятельнѣй, нежели военный губернаторъ. Два дня спустя послѣ разговора съ адмираломъ Р. — Н. С. Свѣчину жалуется

званіе сенатора. Тѣмъ же вечеромъ онъ узнаетъ о своемъ смѣщеніи.

Остальное извѣстно: графъ Паленъ, 12 марта и посинѣлый, обезображенный трупъ Самодержца Всероссійскаго, придушеннаго ночью, на кровати.

Эта ночь рѣшила судьбу Николая Сергѣевича: все разомъ смѣшалось. Карьера была погублена — навсегда. Дворъ сталъ враждебенъ и «милый другъ» цесаревича сдѣлался неудобнымъ свидѣтелемъ.

Свѣчинъ пытался уединиться въ деревнѣ, вдали отъ столицы; къ этому времени, подъ вліяніемъ Жозефа де-Местра, жена его перешла въ католичество. Католицизмъ жены заставилъ Свѣчина покинуть Россію. Онъ уѣзжалъ, какъ уѣзжаютъ всѣ эмигранты — не надолго — можетъ быть на нѣсколько лѣтъ;смерть застала его въ Парижѣ.

За-границей жизнь Свѣчиныхъ быстро наладилась. Какъ когда-то, въ Санктъ-Петербургѣ, у нихъ былъ свой салонъ и свои пріемы: ежедневно отъ 3 до 6, передъ особнякомъ на улицѣ Сэнъ Доминикъ, вытягивалась длинная вереница экипажей, съ ливрейными лакеями на козлахъ.

Друзья оставались все тѣ же: Де-Местръ, Монталамберъ. Если бы Шатобріанъ не былъ такъ старъ и не презиралъ бы всѣ салоны — онъ, вѣроятно, сталъ

бы завсегдатаемъ Софьи Петровны. Но госпожа Рекамье, его вѣрная подруга, знала и любила домъ Свѣчиныхъ.

Софья Петровна много писала и много молилась. Какъ и всѣ тѣ, кто отказываются отъ своей религiи — она со страстью отдалась католицизму. При домѣ была построена капелла: здѣсь она молилась по утрамъ и потомъ отправлялась въ церковь Св. Франциска Ассизскаго — на утреннюю мессу.

Салоны, церковь, молитвы, посѣщенiе бѣдныхъ и госпиталей, письма къ друзьямъ... Жизнь проходила быстро, наступала старость, болѣзни... Николаю Сергѣевичу было уже за девяносто. Онъ состарился, но все еще держался бодро и прямо, по-военному.По вечерамъ, по старой памяти, онъ выходилъ въ салонъ и оставался часъ-другой, разговаривалъ о политикѣ и ругалъ дѣятелей 48 года. Жена возражала ему — ей нравился духъ революцiи и то, что въ первую очередь была отмѣнена смертная казнь за политическiя преступленiя. Въ отмѣнѣ смертной казни бывшiй военный губернаторъ проку не видѣлъ; къ тому же онъ былъ тугъ на ухо и уже не слышалъ, когда къ нему обращались тихимъ голосомъ, отвѣчая невпопадъ.

Онъ умеръ неожиданно, утромъ, за чтенiемъ газеты, отъ апоплексическаго удара.

Свѣчинъ умеръ православнымъ, къ великому огорченію отцовъ іезуитовъ, посѣщавшихъ салонъ Софьи Петровны. Съ трудомъ удалось выхлопотать разрѣшеніе похоронить его на католическомъ кладбищѣ Кальвэръ, на Монмартрѣ.

Въ хорошіе дни вдова ѣздила за городъ, поглядѣть на могилу, перемѣнить цвѣты. Ей хотѣлось быть похороненной здѣсь же, рядомъ, у самой церковной ограды.

Со дня смерти генерала, двери салона Свѣчиной наглухо закрылись. Она больше не принимала никого, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, выѣзжала только въ глубокомъ траурѣ — въ церковь, или на кладбище — и часто болѣла. Ей шелъ семьдесятъ пятый годъ.

Въ сентябрѣ 1857 года она слегла окончательно. Иногда ее подвозили въ креслѣ — къ окну. Софья Петровна смотрѣла на веранду, на садъ, на деревья, теряющія листву, на блѣднѣющее небо... Была ранняя осень.

Изнуряющая лихорадка била ее по ночамъ; тѣни мертвецовъ не давали уснуть... Девятаго, послѣ обѣда, почувствовавъ приближеніе конца, она причастилась и немного успокоилась. Вечеромъ пришелъ аббатъ и Софья Петровна заказала ему мессу, на 7 часовъ утра.

Потомъ ночью она не могла уснуть, шептала молитвы коснѣющимъ языкомъ и все спрашивала, кото-

рый часъ. Въ пять утра начало свѣтать, пора было собираться на мессу. Нѣсколько минутъ спустя она умерла — такъ тихо, что никто не замѣтилъ, какъ она отходила.

Софья Петровна похоронена на Монмартрѣ, рядомъ съ мужемъ. Никто не приноситъ на ея могилу цвѣтовъ. Пройдутъ еще года и послѣднія буквы исчезнутъ съ надгробнаго камня...

ШЕВАЛЬЕ ДЕ ЛА БАРРЪ

Въ небольшомъ скверѣ, разбитомъ передъ папертью Храма Сердца Христова, обращаетъ на себя вниманіе странный памятникъ. Юноша, почти мальчикъ, страдальчески смотритъ въ небо. На цоколѣ надпись:

Шевалье де ла Барръ.
Замученъ 1-го іюля 1776 года
за отказъ обнажить голову во время крестнаго хода.

Памятникъ этотъ, воздвигнутый лѣтъ двадцать тому назадъ, долженъ былъ воплощать протестъ свободомыслящихъ противъ церковной тираніи и темнаго суевѣрія; мѣсто для антирелигіозной демонстраціи было выбрано не совсѣмъ обычное: въ двухъ шагахъ отъ Сакрэ Кэръ, на виду у всѣхъ паломниковъ и вѣрующихъ, на холмѣ, обагренномъ по преданію кровью Св. Діонисія.

Памятнику сильно не повезло: по ночамъ неизвѣстные стаскивали его съ пьедестала, скатывали внизъ, пытались разбить въ куски, и эта молчаливая

борьба между сторонниками церкви и ея врагами продолжалась двадцать лѣтъ, пока совершенно случайно не выяснилось, что церковь не только не погубила молодого шевалье, но, наоборотъ, сдѣлала все, чтобы вырвать его изъ рукъ палача. Де ла Барръ сталъ жертвой судебной ошибки.

Какъ-то извѣстный французскій адвокатъ заявилъ, что «судебныхъ ошибокъ не бываетъ. Существуютъ лишь преступленія судей». Это, конечно, парадоксъ, но въ данномъ случаѣ преступленіе было налицо, и совершила его не католическая церковь, а нѣкій Дюваль де Суакуръ, судья города Аббвиль.

---

9 августа 1765 года, маленькій провинціальный городокъ Аббвиль проснулся подъ звонъ набата. Встревоженные жители, выбѣжавшіе на улицу, съ ужасомъ узнали о страшномъ кощунствѣ, содѣянномъ прошлой ночью: святое Распятіе, выставленное на одномъ изъ городскихъ мостовъ, было изрублено въ куски.

Часъ спустя, Его Высокопреосвященство, архіепископъ аббвильскій Ламоттъ, босой и съ веревкой на шеѣ, во главѣ сонма духовенства и при огромномъ стеченіи вѣрующихъ, отправился къ мѣсту кощунства для публичнаго покаянія. Покаяніе было принесено, мѣсто освящено, Распятіе возстановлено и за-

AU
CHEVALIER
DE LA BARRE
BG

тѣмъ дѣло «объ оскорбленіи религіи» перешло въ руки гражданскихъ властей, рѣшившихъ во что бы то ни стало разыскать и примѣрно наказать богохульниковъ.

Слѣдствіе было поручено Дюваль де Суакуру; нѣсколько дней спустя, по приказу судьи, молодой шевалье де ла Барръ, родственникъ госпожи де Вилланкуръ, настоятельницы монастыря, былъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму.

Никакихъ рѣшительно уликъ противъ шевалье добыть не удалось. Въ ночь, когда было совершено кощунство, онъ ужиналъ у своей тетки и она засвидѣтельствовала, что юноша до утра никуда не выходилъ за монастырскую ограду. Но прошлое шевалье не было безупречно. Кто-то донесъ, что незадолго до описываемаго событія , во время крестнаго хода, онъ не сталъ на колѣни и не обнажилъ голову передъ Св. Реликвіями, какъ то подобаетъ доброму католику. Де ла Барръ объяснилъ, что такой случай, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, но шляпы онъ не снялъ по разсѣянности. Выяснилось также, что юноша распѣвалъ на какой-то пирушкѣ веселую пѣсенку, начинавшуюся словами:

Un jour que Saint Cyr naquit
Il fut grande fête en Paradis.

Авторъ пѣсенки явно не принадлежалъ къ духовному сословію... При обыскѣ на квартирѣ де ла Барра были найдены книги безнравственнаго содержанія — «Монахиня въ рубашкѣ», «Картины брачной любви» и

«Философическая Энциклопедія» Вольтера. На допросѣ шевалье сознался, что инкриминируемую ему пѣснь онъ, дѣйствительно, пѣлъ, но «Монахиней въ рубашкѣ» интересовался мало, рѣшительно предпочитая ей чтеніе «Энциклопедіи»... Самъ того не подозрѣвая, юноша подписалъ себѣ смертный приговоръ: отнынѣ за спиной молодого вольнодумца выростала фигура безбожника Вольтера. Фарнейскій философъ находился внѣ предѣловъ досягаемости провинціальнаго судьи, но въ лицѣ одного изъ вольтерьянцевъ можно было осудить заклятаго врага церкви и Св. Престола.

Понятіе о правосудіи вещь очень относительная. Вольтеръ могъ печатать и продавать свои книги, — онъ не былъ запрещеннымъ писателемъ, но читать его считалось преступленіемъ. Книжки легкаго содержанія были въ большой модѣ при дворѣ и открыто продавались въ Палэ Роялѣ, но въ Аббвилѣ ихъ авторство приписывалось самому сатанѣ. Въ наше время де ла Барра освободили бы за недоказанностью преступленія; въ 1766 году его осудили на смерть.

Впрочемъ, шевалье осудили не только за чтеніе «Энциклопедіи». Вольтеръ, бывшій первымъ журналистомъ своего времени и получавшій информацію всегда изъ первоисточника, даетъ иную версію, кото-

рой нельзя не повѣрить. Здѣсь то и начинается преступленіе судьи.

У Дюваль де Суакура были давніе счеты съ настоятельницей аббатства, теткой де ла Барра. Въ аббатствѣ въ эти годы воспитывалась нѣкая миловидная особа, сильно нравившаяся сыну аббвильскаго судьи. Предполагалась свадьба, но настоятельница почему-то отговорила дѣвушку выходить замужъ. Съ этого дня Дюваль сталъ смертельнымъ врагомъ г-жи Де-Вилланкуръ.

Случай отомстить скоро представился. Любимый племянникъ монахини былъ арестованъ, и судья, подписавшій приказъ объ его арестѣ, сдѣлалъ все, чтобы отправить юношу изъ тюрьмы на плаху.

Въ папкѣ дѣла де ла Барра хранятся десятки писемъ, совершенно точно устанавливающихъ, какимъ образомъ дьявольски задуманный планъ былъ приведенъ въ исполненіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушается и легенда о роли церкви въ этомъ позорномъ процессѣ.

Процессъ де ла Барра былъ «поставленъ» необычайно умѣло. На судѣ юноша категорически отрицалъ свою вину, но, несмотря на полное отсутствіе уликъ, Дюваль добился смертнаго приговора.

Приговоръ опредѣлялъ, что осужденный предварительно долженъ подвергнуться пыткѣ простой и чрезвычайной , затѣмъ принести покаяніе у воротъ главной церкви, «громкимъ и отчетливымъ голосомъ» сознаться въ своихъ преступленіяхъ, и только послѣ этого палачу разрѣшалось вырвать у него языкъ, от-

рубить голову и сжечь трупъ на кострѣ, вмѣстѣ съ «Энциклопедіей».*)

Приговоръ былъ обжалованъ въ королевскій парламентъ, де ла Барръ перевезенъ въ Парижъ, и,

---

*) Изъ приговора: « ... Pour réparation de quoy, le condamnons à faire amende honorable, en chemise, nu-tête et la corde au col, tenant en ses mains une torche de cire ardente, du poids de deux livres, au-devant de la principale porte et entrée de l'Eglise royale et collégiale de Saint Wulfran, où il sera mené et conduit dans un tombereau par l'exécuteur de la Haute Justice, qui attachera devant lui et derrière le dos un placard où sera écrit en gros caractère impie; et là, étant à genoux, confessera ses crimes à haute et intelligible voix; ce fait, aura la langue coupée et sera ensuite mené dans ledit tombereau sur la place publique du grand marché de cette ville pour y avoir la tête tranchée sur un échafaud; son corps et sa tête seront ensuite jetés dans un bûcher pour y être détruits, brûlés, réduits en cendres et celles-ci jetées au vent. Ordonnons qu'avant l'exécution ledit Lefebvre de la Barre sera appliqué à la question ordinaire et extraordinaire pour avoir par la bouche la vérité d'aucuns faits du procès et révélation de ses complices.

Ordonnons que le *Dictionnaire phylosophique portatif*. faisant partie desdits livres qui ont été déposés en notre greffe, sera jeté par l'exécuteur de la Haute Justice dans le même bûcher où sera jeté le corps dudit Lefebvre de la Barre ».

Bibliothèque Nationale, Manuscrits, Collection Joly de Fleury, № 418.

въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи, заточенъ въ Консьержери.

---

4 іюля 1776 года королевскому парламенту надлежало разобраться въ безконечномъ количествѣ дѣлъ, и судьи, задыхавшіеся отъ жары, съ тоской думали, что домой имъ не попасть раньше поздняго вечера. Дѣло де ла Барра стояло номеромъ 23, почти въ концѣ списка, послѣ прачки, обвинявшейся въ кражѣ двухъ рубашекъ. Прачка была приговорена къ кнуту, клейменію каленнымъ желѣзомъ и изгнанію. Потомъ наступила очередь де ла Барра.

Времени до конца засѣданія оставалось немногс, предсѣдатель кратко допросилъ обвиняемаго, энергично отрицавшаго свою вину. Затѣмъ судъ посовѣщался и вынесъ рѣшеніе: смертную казнь утвердить.

Оставалась послѣдняя инстанція: король. Настоятельница монастыря и архіепископъ Ламоттъ, пришедшіе въ ужасъ передъ жестокостью приговора, начали хлопотать въ Парижѣ. Архіепископъ писалъ: «Умоляю Ваше Высокопреосвященство пріостановить приведеніе въ исполненіе аббвильскаго приговора». Архіепископъ не думалъ, что сто лѣтъ спустя его самого обвинять въ смерти ла Барра.

Судья Дюваль, удовлетворенный рѣшеніемъ парламента, торопился закончить дѣло. Осужденнаго-

перевезли въ Аббвиль, гдѣ должна была состояться казнь. Шарль Сансонъ, отецъ палача, которому суждено было 30 лѣтъ спустя обезглавить христіаннѣйшаго короля, получилъ отъ лейтенанта полиціи краткую записку:

«Le Maître des Hautes Oeuvres de Paris se transportera en ville d'Abbeville pour y arriver Lundy prochaine trente de ce mois au soir, à l'effet de mettre à l'Execution l'arrest du Parlement....»

Приготовленія къ казни заняли всего нѣсколько дней. 1-го іюля все было готово.

Утро выдалось солнечное, жаркое. Осужденнаго разбудили на разсвѣтѣ, въ 5 часовъ: въ камеру вошелъ судья, стряпчій, палачъ и духовникъ. Начался послѣдній допросъ и пытка.

Шевалье еще разъ повторилъ, что онъ невиновенъ и что только пыткой можно будетъ вырвать у него ложное признаніе. Сансонъ привязалъ смертника къ скамьѣ и надѣлъ на руки и на ноги «испанскіе сапоги», отъ которыхъ кости несчастнаго захрустѣли... Съ этого дня прошло почти полтораста лѣтъ, но и теперь еще жутко читать большіе пергаментные листы «протокола

пытки», хранящіеся въ парижской Національной Библіотекѣ. Протоколъ написанъ крупнымъ канцелярскимъ почеркомъ, съ замысловатыми выкрутасами и тщательно выведенными заглавными буквами... Пытка продолжалась цѣлый часъ. Шевалье не сознался.

Потомъ его водили по улицамъ города, босикомъ, въ рубахѣ, съ двухфунтовой свѣчей въ рукѣ и заставляли громко каяться передъ воротами храма... Казнь должна была состояться лишь вечеромъ; пришлось вернуть юношу обратно въ тюрьму.

Этотъ послѣдній день казался вѣчностью. Въ полдень принесли завтракъ, и въ камеру де ла Барра пришелъ его старый другъ, монастырскій монахъ. Монахъ не могъ ѣсть, и шевалье упрашивалъ его:

— Подкрѣпитесь... Вамъ понадобятся силы, чтобы выдержать зрѣлище моихъ мукъ...

Наступилъ послѣдній часъ. День былъ погожій, народъ сбѣжался изъ окрестныхъ деревень, и толпа запрудила площадь, на которой съ вечера возвели эшафотъ.

Шарль Сансонъ оказался не на высотѣ и вырвалъ языкъ лишь наполовину. За это Дюваль де Суакуръ приказалъ уплатить палачу не 20 ливровъ, какъ полагалось, а только десять. Но голова была отрублена однимъ махомъ (100 ливровъ), и шевалье не пришлось мучаться, какъ это часто случалось съ другими осужденными.

«Вся Франція глядѣла на этотъ судъ съ ужасомъ», писалъ Вольтеръ... Философъ сильно преувеличилъ:

толпа вокругъ эшафота была настроена празднично, апплодировала палачу и не пропустила ни одной сцены этого дарового спектакля: ни вырыванія языка, ни обезглавливанія, ни костра, куда было брошено тѣло казненнаго, вмѣстѣ съ томами «Энциклопедіи»...

ВЪ ТѢНИ САКРЭ-КЭРЪ

Утромъ, 9 ноября 1876 года, всѣ парижскія газеты вышли подъ сенсаціонными заголовками. Съ мельчайшими подробностями передавалось, какъ группа дѣтей, игравшихъ на берегу Сены, замѣтила странный предметъ, медленно двигавшійся по теченію рѣки. Рыболовы извлекли изъ воды таинственный свертокъ, въ которомъ оказался торсъ сорокалѣтней женщины. Аккуратно отрѣзанныя ноги отсутствовали и все тѣло было ловко перевязано веревкой. Изуродованный трупъ перевезли въ Моргъ и затѣмъ дѣло поступило въ распоряженіе уголовной полиціи.

За пятьдесятъ лѣтъ вкусы парижанъ мало перемѣнились: находка женщины, разрѣзанной на куски, произвела большую сенсацію. Журналисты превратились въ добровольныхъ слѣдователей и ежедневно на столбцахъ газетъ начали развиваться гипотезы — одна фантастичнѣе другой. Загадка осложнялась еще тѣмъ, что, несмотря на множество снимковъ, появившихся въ газетахъ — никто не могъ опознать личности убитой.

Въ поискахъ предполагаемаго убійцы, въ различныхъ гипотезахъ и анкетахъ прошло нѣсколько

дней. За этотъ промежутокъ времени дѣло не подвинулось ни на іоту: ни полицейскіе, ни журналисты не узнали ровно ничего. Но женщиной изрѣзанной на куски заинтересовались всѣ парижане.

20-го ноября того же года, двѣнадцать дней спустя послѣ обнаруженія трупа, завсегдатаи небольшого кафе на бульварѣ Орнано, неподалеку отъ Монмартра, съ любопытствомъ разсматривали фотографію убитой, помѣщенную въ одной изъ газетъ. Владѣлецъ кафе готовъ былъ поклясться, что лицо, изображенное на снимкѣ, ему хорошо знакомо; Жанна Леманекъ была его старой кліенткой; съ ней неизмѣнно приходилъ господинъ Биллуаръ , отставной военный.

На слѣдующее утро въ Моргѣ трупъ неизвѣстной былъ опознанъ. Въ тотъ же день уголовная полиція принялась за розыски Биллуара. Его нашли на Монмартрѣ, на улицѣ Трехъ Братьевъ.

Биллуаръ встрѣтилъ полицію совершенно спокойно: его любовница ушла изъ дому около двухъ недѣль тому назадъ — наниматься. Онъ даже вспомнилъ точную дату: 3 ноября. Съ тѣхъ поръ отъ нея нѣтъ никакихъ извѣстій.

Тѣмъ не менѣе, его арестовали.

Въ тюрьмѣ Биллуаръ сознался и разсказалъ свою жизнь... Ему шелъ уже шестой десятокъ: въ этомъ воз-

растѣ люди давно знаютъ, что имъ дѣлать и какъ существовать... Онъ же всю жизнь не переставалъ мѣнять спеціальности и каждый разъ «начиналъ жизнь снова». Сначала унтеръ-офицеръ; потомъ мелкій служащій банка, клеркъ на желѣзной дорогѣ, посыльный въ бюро порученій... Биллуару не везло и съ каждымъ новымъ мѣстомъ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе просуществовать.

Въ сентябрѣ онъ случайно встрѣтилъ вдову Леманекъ; это была обычная, несложная исторія; они понравились другъ другу и скоро сошлись. Годъ спустя, нѣсколько сотъ франковъ, отданныхъ довѣрчивой женщиной на храненіе Биллуару, были прожиты... Любовная идиллія приближалась къ концу. Биллуаръ почувствовалъ, что пора снова начинать новую жизнь. Жанна Леманекъ становилась ему въ тягость.

2-го ноября, ночью, любовница пришла къ нему, на улицу Трехъ Братьевъ. Изъ-за пустяка — разбитаго стекла — онъ грубо ударилъ ее ногой въ животъ. Женщина молча, безъ крика свалилась на полъ.

Всю ночь Жанна Леманекъ пролежала на кровати, не приходя въ себя. Наступило утро: надо было скрыть слѣды преступленія. Когда окончательно разсвѣло, Биллуаръ раздѣлъ свою любовницу до гола, засучилъ рукава, приготовилъ губку и приступилъ къ «операціи».

Сначала онъ бритвой вскрылъ животъ и извлекъ изъ него внутренности. Хлынувшая кровь немного напугала бывшаго унтеръ-офицера... Затѣмъ Биллуаръ отрѣзалъ ноги, мѣшавшія ему сдѣлать небольшой па-

кетъ. Нѣсколько труднѣе было съ позвоночникомъ; его пришлось разрубить — при помощи ножницъ и молотка. Операція заняла большую часть дня. Къ вечеру были готовы два пакета.

Убійца вышелъ изъ дома ночью и спустился къ Сенѣ. На пустынномъ берегу не было ни души. Биллуаръ оглянулся по сторонамъ, бросилъ въ воду свою страшную ношу и поспѣшно вернулся обратно, на улицу Трехъ Братьевъ.

Весной 1877 г., убійца предсталъ передъ судомъ парижскихъ присяжныхъ. Слѣдствіе доказало, что въ моментъ вскрытія живота, несчастная женщина была жива и находилась въ безсознательномъ состояніи. Впрочемъ, и самъ Биллуаръ не отрицалъ своей вины. Его приговорили къ смертной казни и гильотинировали 26 апрѣля; въ день казни Биллуара исполнилось 85 лѣтъ съ того дня, какъ во Франціи впервые была испробована гильотина.

О бандитѣ Биллуарѣ, о которомъ въ свое время говорили очень много — давно забыли обитатели спокойной улицы Трехъ Братьевъ... Какъ и въ каждомъ парижскомъ кварталѣ, у Монмартра имѣются свои достопримѣчательности; и вмѣсто дома убійцы, старожилы охотнѣе показываютъ Эрмитажъ Берліоза — въ сосѣдней улицѣ Монъ-Сени. Берліозъ прожилъ здѣсь самые счастливые годы своей жизни.

Семь долгихъ лѣтъ прошло съ того памятнаго

вечера, когда молодой композиторъ увидѣлъ на сценѣ «Одеона» миссъ Гарріеттъ Смитсонъ, въ роли умирающей, безумной Офеліи. Съ этого вечера онъ полюбилъ ее на всю жизнь.

Была весна 1834 года: миссъ Смитсонъ уже оставила сцену и стала его женой. Она сильно пополнѣла и ждала наслѣдника. Ей нуженъ былъ покой и свѣжій, деревенскій воздухъ.

Вѣрный другъ — Александръ Дюма нашелъ для Берліоза загородную дачу — неподалеку отъ Парижа, на верхушкѣ Монмартра. Домъ былъ небольшой, двухэтажный; поблизости стояла церковь Св. Петра, окруженная кладбищемъ Кальвэръ. По склону холма взбирались веселыя, вѣтряныя мельницы.

Новобрачные поселились здѣсь ранней весной. Берліозъ кончалъ «Гарольда». Подъ окномъ, въ саду чирикали птицы и цвѣла сирень. Далекая равнина Сэнъ-Дени покрывалась свѣжей, молодой зеленью.

Иногда изъ Парижа пріѣзжали друзья: Жанэнъ, Листъ, Альфредъ де Виньи, Шопэнъ... День проходилъ въ спорахъ о театрѣ, о музыкѣ, о критикѣ. Къ вечеру всѣ спускались въ городъ и шли въ Оперу, на концертъ.

Концертами и газетными статьями въ «Деба» нельзя просуществовать — даже на Монмартрѣ; нужда и долги угнетали Берліоза. Любовь, вошедшая въ обиходъ, уже не волновала его; все чаще и чаще надо было отправляться въ Парижъ — въ редакціи, театры и издательства — въ поискахъ денегъ.

...Гарріетта Смитсонъ, любящая жена, остается въ

загородномъ Эрмитажѣ одна — съ ребенкомъ, терпѣливо поджидая мужа. Зимніе вечера кажутся безконечными; Гекторъ никогда не возвращается раньше полуночи. И она ревнуетъ его — къ театральнымъ фойэ, къ блеску рампы, къ друзьямъ, къ другимъ женщинамъ.

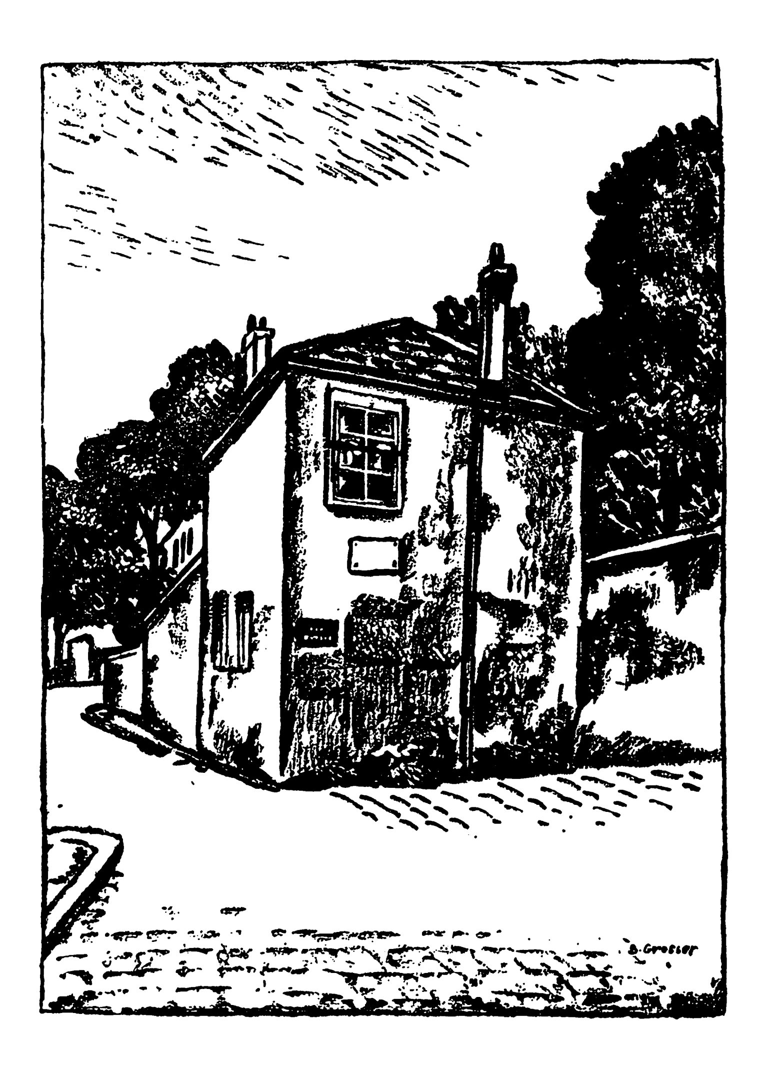
Гарріетта Смитсонъ не ошибается: безконечно длинные вечера Берліозъ проводитъ въ обществѣ полуиспанской пѣвицы — Маріо Речіо.

Черезъ три года послѣ своей женитьбы Берліозъ навсегда покинулъ Эрмитажъ. Ему суждено было вернуться на Монмартръ лишь много лѣтъ спустя — къ изголовью умиравшей Офеліи.

... Временами бѣшенство овладѣвало Берліозомъ: онъ бросалъ все, домъ, ненавистную Маріо Речіо и уходилъ на Монмартръ, старой, сотни разъ пройденной дорогой.

Одинокая, покинутая миссъ Смитсонъ жила въ небольшомъ домикѣ, неподалеку отъ кладбища Сэнъ-Венсенъ, въ двухъ шагахъ отъ Эрмитажа... Берліозъ изрѣдка навѣщалъ свою бывшую жену: она лежала парализованная, прикованная къ постели, молча глядя передъ собой далекимъ, неживымъ взглядомъ.

Въ послѣдній разъ онъ вошелъ въ ея домъ 3 марта 1854 года; ставни были закрыты и у тѣла миссъ Смитсонъ горѣли погребальныя свѣчи.

B. Grosser

Въ безсонную ночь, проведенную у праха своей жены, Берліозъ вспомнилъ всю свою прожитую жизнь: бѣднаго, молодого композитора, семь лѣтъ ожиданія, «Одеонъ», блѣдную, умирающую Офелію и удивительную любовную симфонію въ маленькомъ домикѣ, на монмартрскомъ холмѣ...

Эрмитажъ Берліоза на улицѣ Монъ-Сени почти совсѣмъ развалился: никто не живетъ въ немъ... Въ саду уже давно нѣтъ сиреневыхъ кустовъ; дверь и стекла въ окнахъ кѣмъ-то выбиты.

И все вокругъ сильно измѣнилось: вмѣсто зеленоватой равнины Сэнъ-Дени, которой такъ любилъ любоваться Берліозъ, далеко вокругъ видны только крыши домовъ — сѣрыя, сизыя, тающія въ легкомъ, голубоватомъ туманѣ.*)

---

*) Этотъ заброшенный и забытый всѣми домъ долженъ былъ исчезнуть... Его снесли съ лица земли совсѣмъ недавно, — кажется въ 1926 году.

ВОКРУГЪ ПЛОЩАДИ КЛИШИ

Въ отдаленныя времена Людовика XIV, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ находится «Казино де Пари», во всю длину нынѣшней улицы Клиши тянулись сады съ небольшими, уютными домиками. Днемъ они пустовали, и ставни ихъ были наглухо закрыты.

Съ наступленіемъ ночи по склонамъ монмартрскаго холма взбирались роскошныя «кароссы», съ лакеями на запяткахъ; еслибы нескромные взгляды могли проникнуть внутрь этихъ экипажей, въ нихъ можно было бы увидѣть министровъ Короля Солнца, магистратовъ, банкировъ, знаменитыхъ актрисъ и просто женщинъ легкаго поведенія, случайно подобранныхъ на улицѣ.

Домики оживали, загорались огнями, и рѣдкіе пѣшеходы, пробиравшіеся подъ утро въ Парижъ, слышали веселые взрывы женскаго смѣха и многое такое, о чемъ не принято было сообщать въ хроникахъ пятнадцатаго вѣка. На смерть перепуганные люди шарахались въ сторону и на слѣдующій день таинственно разсказывали, что прошедшей ночью черти устроили шабашъ на Холмѣ, неподалеку отъ вѣтряныхъ мель-

ницъ, принявъ образъ знатныхъ сеньоровъ и веселящихся дамъ.

На мѣстѣ «Казино де Пари» стоялъ загородный домикъ всесильнаго герцога Ришелье. Очевидцы сообщаютъ, — вѣроятно не безъ основанія,— что онъ часто пріѣзжалъ сюда коротать свои досуги. Его сосѣдомъ былъ герцогъ де-Граммонъ; въ домикѣ герцога побывали всѣ красивыя женщины того времени, — развлекавшія несчастнаго жантійома, женатаго на очень милой, но къ несчастью, некрасивой женщинѣ.

Ужины и невинныя загородныя развлеченія скоро наскучили Де-Граммону. Здѣсь же, на улицѣ Клиши созданъ былъ домашній театръ. Репертуаръ подобрался своеобразный, но вполнѣ отвѣчающій вкусамъ хозяина: «Лирическія развлеченія», «Аполлонъ и Селимена», «Балъ военныхъ» и презанятная комедія «Вдова». Зрители —очень немногочисленные, являлись зачастую и дѣйствующими лицами: актрисы на сценѣ и въ залѣ немало содѣйствовали успѣху спектакля. Послѣ представленія все общество переходило въ столовую, гдѣ празднество продолжалось до разсвѣта.

Укромные уголки Монмартра одинаково были дороги любителямъ уединенныхъ развлеченій и конспираторамъ. Во времена Директоріи на улицѣ Клиши нашелъ убѣжище политическій клубъ, члены котораго были настроены оппозиціонно къ Бонапарту.

Гораздо позже — въ наши дни, у дома прокурора Було, (2, рю де Берленъ), взорвалась бомба, брошенная анархистомъ Равашолемъ.

До того, какъ сдѣлаться анархистомъ, Равашоль занимался менѣе идейными, но болѣе вѣрными и доходными дѣлами; къ 32 годамъ онъ успѣлъ отправить къ праотцамъ пять человѣкъ, изъ которыхъ четверо — убитые звѣрскимъ образомъ — были почтенными раньте. Собравъ такимъ образомъ небольшое состояніе, Равашоль началъ задумываться надъ судьбами человѣчества и пришелъ къ заключенію, что «міръ долженъ стать большимъ семействомъ, въ которомъ каждый сможетъ ѣсть досыта».

Отъ быстро усвоенной анархической теоріи всеобщаго братства Равашоль, не любившій терять попусту словъ, рѣшилъ перейти къ практикѣ. Случай скоро представился.

Лѣтомъ 1891 года присяжные засѣдатели департамента Сены признали виновными двухъ рабочихъ, стрѣлявшихъ въ полицейскихъ въ день первомайской забастовки въ Клиши. Судъ приговорилъ ихъ къ 3 и 5 годамъ тюремнаго заключенія. Анархисты всполошились; необходимо было отомстить «мучениковъ Клиши» достойнымъ образомъ.

---

11 марта 1892 года, въ 6 часовъ вечера, на лѣстницѣ дома № 136 по бульвару Сэнъ Жерменъ — того самого,

въ которомъ проживалъ совѣтникъ Бенуа, предсѣдательствовавшій на судѣ, раздался страшный взрывъ. Совѣтника дома не оказалось и отъ взрыва пострадала только его квартира. Полиція сбилась съ ногъ, но арестовать виновниковъ взрыва ей не удалось.

16 дней спустя, 27 марта, Равашоль отправился на улицу Клиши, къ дому прокурора Бюло. Въ карманѣ у него лежала вторая, изготовленная имъ самимъ бомба. Равашоль спокойно поднялся во второй этажъ, вынулъ бомбу, зажегъ фитиль и поторопился выйти наружу, никѣмъ незамѣченный. Въ пятидесяти метрахъ отъ дома онъ остановился и началъ ждать. Когда раздался взрывъ, Равашоль влѣзъ въ проходившій мимо омнибусъ и проѣхалъ мимо злосчастнаго дома, въ которомъ было ранено пять ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Удачно проведенное дѣло привело анархиста въ отличное настроеніе; онъ зашелъ въ ресторанъ Вери, хорошо позавтракалъ и радостно сообщилъ подававшему ему лакею о томъ, какъ кто-то ловко взорвалъ домъ ненавистнаго прокурора. Лакей ничего не зналъ о взрывѣ и былъ немало удивленъ ажіотажемъ своего кліента, наружность котораго къ тому же удивительно смахивала на портретъ Равашоля, пестрѣвшій на первыхъ страницахъ газетъ.

Отличная кухня Вери, видимо, пришлась по душѣ бомбометчику. Нѣсколько дней спустя онъ снова явился въ ресторанъ и снова заговорилъ о дѣлѣ, занимавшемъ весь Парижъ. На этотъ разъ полиція была во время

PICON
MONO-PIAU
Grosser

извѣщена и изъ ресторана подъ усиленнымъ конвоемъ Равашоль отправился прямо въ тюрьму.

У Равашоля были вѣрные друзья и сообщники: наканунѣ суда надъ анархистомъ, злосчастный ресторанъ Вери взлетѣлъ на воздухъ и хозяинъ его былъ убитъ. Полиція была внѣ себя: кто могъ гарантировать, что адская машина не подложена подъ ворота Елисейскаго Дворца или не разорвется въ самомъ зданіи суда? Въ день открытія сенсаціоннаго процесса всѣ коридоры «Палэ де Жюстисъ» были заняты жандармеріей; пропуски въ залъ засѣданій провѣрялись на каждомъ шагу, и, несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, присяжные засѣдатели чувствовали себя какъ на раскаленныхъ угляхъ...

Спокойнѣе всѣхъ казался самъ Равашоль. Онъ охотно отвѣчалъ на вопросы предсѣдателя, шутилъ, подробно разсказалъ, какъ онъ подготовилъ покушеніе на улицѣ Клиши и, удивительная вещь, въ концѣ концовъ — присяжные нашли «смягчающія вину обстоятельства!»*)

Изъ допроса Равашоля на судѣ:

Предсѣдатель: — 27 марта произошелъ взрывъ на улицѣ Клиши. Разскажите намъ объ этомъ.

Равашоль: — Охотно. Даже съ подробностями, если вамъ это пріятно. Я отравился въ 6 ч. 20 мин. съ чемода-

Анархистъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу; ему, однако, пришлось предстать передъ судомъ вторично, по обвиненію въ убійствѣ 5 человѣкъ съ корыстной цѣлью. На этотъ разъ не было рѣчи объ анархическихъ теоріяхъ; Равашоль убилъ ради денегъ, и его приговорили къ смертной казни.

Въ этомъ чудовищномъ человѣкѣ одинъ только

номъ, въ которомъ былъ динамитъ. гремучекислая соль для присыпки и фитили.

— Это былъ снарядъ огромной силы!

— Да, онъ былъ довольно хорошо сдѣланъ. (*движеніе въ залѣ*). Я сѣлъ въ омнибусъ «Жарденъ де Плантъ». Слѣзъ у № 39, открылъ чемоданъ, и поднялся на второй этажъ. Возникло небольшое затрудненіе, такъ какъ патроны сдвинулись съ мѣста; порохъ разсыпался, и если бы была хоть одна искра въ то время, когда я зажигалъ фитиль, я взлетѣлъ бы на воздухъ вмѣстѣ съ чемоданомъ.

Фитиль имѣлъ 90 сантиметровъ длины. Это позволило мнѣ выйти изъ дому до взрыва, и пройти по улицѣ около 50 метровъ.

— Взрывъ былъ ужасенъ.

— Я узналъ объ этомъ лишь изъ газетъ.

— 5 человѣкъ было ранено, стѣны треснули, лѣстница рухнула, — вотъ результаты вашей преступной попытки. Что сдѣлали вы затѣмъ?

— Я бродилъ по Парижу въ теченіе часа. Потомъ я снова сѣлъ въ автобусъ, но онъ не проѣхалъ передъ домомъ. Слѣзъ на площади Клиши и оттуда отправился завтракать.

— Да, въ ресторанъ Вери, на бульварѣ Мажента! (*продолжительное движеніе въ залѣ*). Henri Varennes «De Ravachol à Caserio» «notes d'audience» p. 16-17.

разъ заговорила совѣсть: въ тотъ день, когда онъ отказался подать президенту республики просьбу о помилованіи. Равашоль слишкомъ часто смотрѣлъ въ глаза смерти, чтобы испугаться гильотины. И онъ спокойно ждалъ своего послѣдняго часа.

10-го іюля, на разсвѣтѣ, въ его камеру вошелъ прокуроръ, защитникъ, врачъ и священникъ. Анархистъ принялъ ихъ всѣхъ, кромѣ священника, — очень любезно. Надо было кончать. Черезъ нѣсколько минутъ ворота тюрьмы открылись.

Онъ шелъ къ гильотинѣ, этотъ злодѣй, мечтавшій о братствѣ народовъ, и убившій ради наживы 5 неповинныхъ людей, и улыбался. Онъ шелъ не торопясь, и пѣлъ ужаснымъ голосомъ анархическую пѣсню:

Pour être heureux, nom de Dieu,
Il faut tuer les propriétaires
Pour être heureux, nom de Dieu,
Il faut couper les curés en deux,
Pour être heureux, nom de Dieu
Il faut mettre l'bon Dieu dans la m...!

Его связали и бросили на гильотину, головой внизъ.

— Граждане, да здравствуетъ Ре.........

Равашоль не успѣлъ докончить своей фразы: ножъ упалъ.

ЛЕЧЕБНИЦА ДОКТОРА БЛАНШЪ

КОГДА доктору Бланшъ, спеціалисту по душевнымъ болѣзнямъ исполнилось 25 лѣтъ, онъ окончательно рѣшилъ обосноваться на Монмартрѣ вмѣстѣ съ молодой женой. Сто лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ можно было еще найти приличную квартиру, но Монмартръ пришелся ему по душѣ: чистый воздухъ и деревенская тишина были необходимы для душевно-больныхъ — будущихъ пансіонеровъ санаторіи.

Неподалеку отъ площади Тертръ,*) въ нынѣшней улицѣ Норвенсъ (ном. 22) Бланшъ снялъ большой двухъэтажный домъ. Лечебница утопала въ зелени; изъ оконъ дома видны были вѣтряныя мельницы,

---

*) Площадь Тертръ до сихъ поръ остается однимъ изъ самыхъ интересныхъ уголковъ Монмартра. Въ 1848 году здѣсь были посажены два Дерева Свободы, срубленные на слѣдующій день послѣ революціи. Здѣсь же стоялъ памятникъ бретонцу Делару, покончившему самоубійствомъ послѣ сдачи Парижа пруссакамъ. Делару выдержалъ всю осаду 1870 года и не могъ примириться съ мыслью, что его орудіе попадетъ въ руки непріятеля. Во время Коммуны на площади Тертръ былъ расположенъ артиллерійскій паркъ, взятый версальцами лишь послѣ ряда повторныхъ аттакъ. Въ домѣ № 3 помѣщалась въ 1790 г. первая монмартрская мэрія.

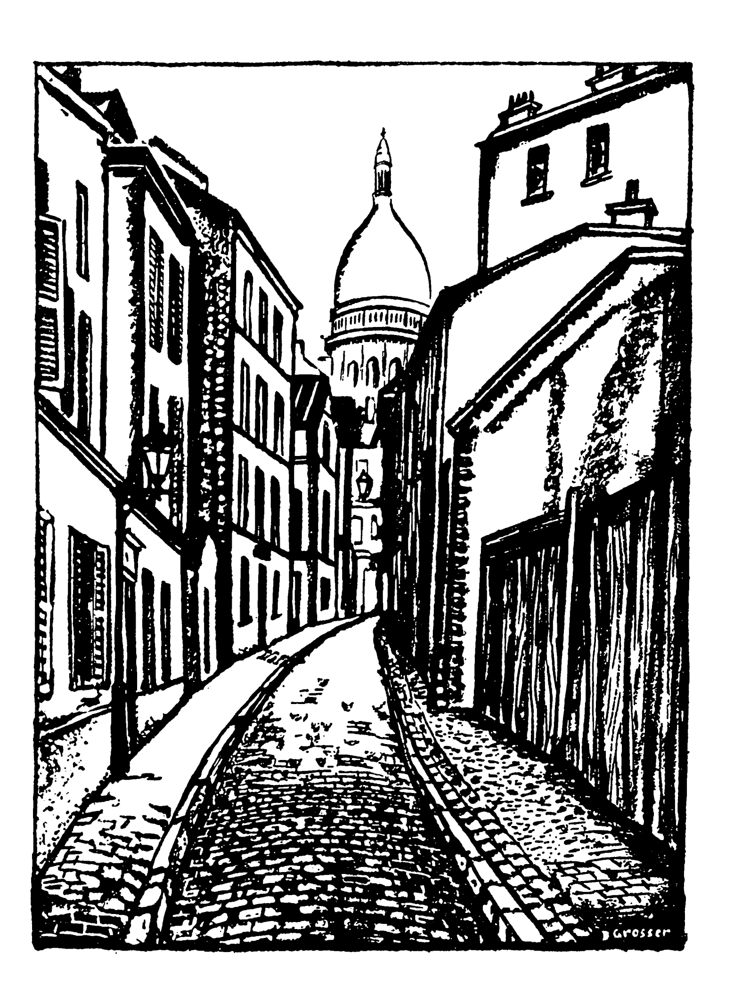
площадь Тертръ и огромные пустыри и каменоломни, бывшія когда-то на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Сакрэ Кэръ.

Въ первомъ этажѣ жилъ докторъ съ женой и тихіе больные, подававшіе надежды на выздоровленіе. Второй этажъ отвели для буйныхъ. Отсюда часто неслись дикіе крики и стоны несчастныхъ, преслѣдуемыхъ чудовищными кошмарами.

Молодая супружеская чета казалась очень счастливой. Бланшъ пользовался репутаціей отличнаго врача, энергичнаго и умнаго человѣка, любившаго театръ, литературу и хорошее общество.*)

Г-жа Бланшъ была высокаго роста, говорила тихимъ, мягкимъ голосомъ; постоянная блѣдность лица свидѣтельствовала о ея слабомъ здоровьи, и это, по всей вѣроятности, и было одной изъ причинъ, заставившихъ доктора переѣхать изъ Парижа на Монмартръ.

« C'était un bien excellent homme, instruit, spirituel, ne détestant pas le plaisir à ses heures, aimant le théâtre et la littérature: désintéressé au dernier point, si bien que, dans le monde des arts et des lettres, si quelqu'un devenait fou, était blessé en duel... on commençait par le porter chez Blanche, sans s'inquiéter de savoir comment serait payée la pension — les soins, nous n'en parlons pas ; — quelquefois elle était payé par la famille, quelquefois aussi par le ministère, si le malade était un illustre; quelquefois, elle ne l'était pas du tout, et celui qui s'en inquiétait le moins, c'était encore Blanche. (A. Karr « Le livre de Bord.» v. II p. 266.

Grosser

Удивительня вещь: спеціалистъ-психіатръ обращалъ больше всего вниманіе на физическіе недуги своихъ кліентовъ, въ то время какъ его жена старалась лечить ихъ больныя души: она любила и жалѣла сумасшедшихъ. Больные отвѣчали ей взаимностью, и когда въ 1832 году г-жа Бланшъ серьезно заболѣла, одинъ изъ нихъ, поэтъ Антони Дешанъ, посвятилъ ей стихи:

Madame Blanche, hélas! cette femme de cœur,
Depuis huit jours est là sur son lit de douleur;
Et des êtres mourants et tombés en démence
Ont rompu ce matin leur stupide silence
Et retrouvant soudain un éclair de raison,
Ont dit: qu'est devenu l'ange de la maison?

Въ этомъ домѣ побывало много поэтовъ, писателей и актеровъ. Нѣкоторые выздоравливали; поэтъ Дешанъ, посвятившій трогательные и незамысловатые стихи «ангелу дома», въ концѣ концовъ избавился отъ тяжкаго недуга, но такъ и остался до конца своей жизни въ лечебницѣ, не желая разставаться съ людьми, вернувшими ему разумъ. Были и другіе. Много лѣтъ прожилъ здѣсь старѣйшій актеръ Французской Комедіи, Монрозъ. Онъ игралъ 25 лѣтъ подрядъ комическія роли, и эта вѣчная необходимость смѣяться

повергла его въ жестокую меланхолію. Монроза перевезли къ Бланшу; сначала онъ подавалъ надежды, такъ что ему даже разрѣшили вернуться на сцену. Но скоро болѣзнь возобновилась съ новой силой.

Какъ-то вечеромъ, во время представленія, Монрозъ вдругъ уставился на зрительный залъ, замолчалъ, началъ мучительно искать слова нужной реплики и не находилъ ихъ... Пришлось дать занавѣсъ: Монрозъ вторично сошелъ съ ума. Его вернули на Монмартръ, и снова докторъ Бланшъ принялся за прерваное леченіе. Теперь уже было мало надежды на выздоровленіе, но старый актеръ хотѣлъ во что бы то ни стало выступить въ прощальномъ спектаклѣ...

7 января 1843 года въ «Комеди-Франсэзъ» состоялся послѣдній бенефисъ Монроза. Въ театръ его привезли прямо изъ сумасшедшаго дома. Шелъ «Севильскій Цирульникъ». Бланшъ слѣдилъ за каждымъ словомъ, за каждымъ жестомъ Монроза, готовый увези его при первомъ же зловѣщемъ симптомѣ. Спектакль закончился благополучно, и никогда еще на долю артиста не выпадала такая овація, какая была устроена въ этотъ вечеръ сумасшедшему старику. Изъ театра докторъ увезъ Монроза къ себѣ въ лечебницу. Онъ умеръ два мѣсяца спустя.

Въ числѣ паціентовъ Бланша былъ генералъ Траво, бонапартистъ, приговоренный къ смерти послѣ возвращенія Бурбоновъ. Генерала помиловали, но онъ сошелъ съ ума. Въ лечебницѣ жила и другая жертва политической реакціи, начавшейся вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Людовика XVIII, — графиня

Лавалеттъ, спасшая отъ смерти своего мужа и потерявшая въ тюрьмѣ разсудокъ.

Карьера графа Антуана Лавалетта блестяще удалась: молодой волонтеръ Итальянской арміи выдѣлился у Арколя, и Бонапартъ произвелъ его въ капитаны. Съ этого дня вся жизнь Лавалетта была отдана на служеніе будущему Императору. Бонапартъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ; Наполеонъ I своимъ совѣтникомъ, министромъ и пэромъ Франціи.

Политика — скверное ремесло, приносящее иногда непріятные сюрпризы. Наступила пора испытаній. Въ ту ночь, когда костры союзныхъ армій горѣли на вершинѣ монмартрскаго холма и Наполеонъ готовился въ Фонтенебло къ подписанію отреченія, не мало сановниковъ Имперіи неожиданно почувствовали въ себѣ приливъ легитимистскихъ чувствъ. Среди нихъ не было графа Лавалетта: онъ до конца остался вѣренъ своему Императору.

Прошли Сто Дней. Отшумѣло Ватерлоо. «Нортюмберланъ» гнало вѣтрами къ далекому, затерянному въ океанѣ острову Св. Елены. Лавалетта, пэра Франціи, арестовали и предали суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Приговоръ былъ извѣстенъ заранѣе: смертная казнь. Нужны были примѣры. Первымъ

оказался маршалъ Ней, разстрѣлянный на авеню Обсерваторіи; потомъ пришелъ чередъ Лавалетта.

Когда графиня узнала, что аппеляціонный судъ утвердилъ смертный приговоръ, она рѣшила обратиться къ самому королю. Это было трудно: дворъ ненавидѣлъ «жену якобинца», и герцогиня Ангулемская приказала не пускать ее во дворецъ. Несмотря на запретъ, наканунѣ дня казни, г-жа Лавалеттъ стояла въ залѣ, по которой обычно проходилъ король къ утренней мессѣ. При приближеніи Людовика она упала на колѣни. Смущенный король принялъ прошеніе, пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ и поспѣшно пошелъ дальше. Послѣдняя надежда на помилованіе рухнула.

Въ тотъ же вечеръ графиня Лавалеттъ пришла въ камеру смертника. Это было ихъ послѣднее свиданіе. Она осталась наединѣ съ мужемъ около часу и вышла изъ Консьержери, вздрагивая отъ рыданій, помертвѣвшая отъ горя. Ея лицо покрывала густая траурная вуаль.

Черезъ нѣсколько минутъ тюремный надзиратель, пришедшій навѣстить преступника, нашелъ въ камерѣ графиню Лавалеттъ, обмѣнявшуюся платьемъ съ мужемъ.

... Кучеръ, дежурившій на пустынной набережной Орфевръ, позади Консьержери, начиналъ се-

рьезно волноваться. Когда Лавалеттъ, путаясь въ женскомъ платьѣ, вскочилъ въ карету, онъ облегченно вздохнулъ и изо всѣхъ силъ стегнулъ лошадей, разомъ пустившихся галопомъ. Карета промчалась по темной набережной, пересѣкла мостъ Сэнъ-Мишель, проѣхала рю де ла Арпъ и свернула позади Одеона, на улицу Вожираръ. Было 8 часовъ вечера, дождь лилъ, какъ изъ ведра. На улицѣ не было ни души. Карета остановилась передъ зданiемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, на рю де Гренелль. Ошеломленнаго и ничего не понимающаго графа водворили въ одной изъ комнатъ министерства, гдѣ жилъ его злѣйшiй врагъ, и куда никто не вздумалъ бы явиться разыскивать государственнаго преступника.

Въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ Лавалеттъ оставался двадцать дней. Изъ окна своей комнаты онъ слышалъ, какъ газетчики внизу выкрикивали, что за его поимку назначалась большая награда... Иногда друзья приносили новости: его жена арестована, но ее, конечно, выпустятъ изъ тюрьмы. Весь Парижъ въ восторгѣ: полицiя проведена за носъ! Король тоже, кажется, не скрываетъ своего удовольствiя.

Парижскiя заставы тщательно охраняются, а между тѣмъ, пора оставить министерство и бѣжать за-границу. Какъ быть? Русскiй генералъ, проживав-

шій въ Парижѣ, выразилъ готовность вывезти бѣглеца, спрятавъ его на днѣ своей коляски, но поставилъ нѣкоторыя условія: во-первыхъ, за генерала нужно уплатить долги, что-то около 8 тысячъ. Затѣмъ бѣглецъ долженъ принять на свой счетъ всѣ расходы... Генералъ, видимо, находился въ затруднительномъ положеніи. Восемь тысячъ друзья Лавалетта готовы были заплатить, но когда генералу сообщили, что ему предлагаютъ увезти легендарнаго Лавалетта, за которымъ охотится полиція всего королевства, онъ пошелъ на попятный, подумалъ о Сибири, о возможныхъ непріятностяхъ по службѣ и отказался.*) Наконецъ, трое англійскихъ офицеровъ, искатели приключеній, переодѣли Лавалетта въ военную форму, и, обманувъ бдительность полиціи, благополучно перебрались съ нимъ за-границу.

Графиня Лавалеттъ, рисковавшая жизнью ради спасенія мужа, была выпущена на свободу шесть недѣль спустя. Въ тюрьмѣ она сошла съ ума, и ее пришлось помѣстить въ лечебницу д-ра Бланшъ. Несмотря на приложенныя старанія, излѣчить ее не удалось.

Еще одинъ пансіонеръ доктора, извѣстный французскій писатель Жераръ де Нерваль.

---

*) «Mémoires et souvenirs du Comte de le Valette». p. 450.

Послѣ продолжительнаго путешествія по Востоку, Нерваль вернулся въ Парижъ и здѣсь впервые сталъ проявлять признаки ненормальности. Онъ увѣрялъ, что въ Люксембургскомъ саду спрятано необыковенное сокровище, и что золотыя рыбки въ большомъ бассейнѣ манятъ его, обѣщая показать сказочное царство подводной королевы... Болѣзнь приходила неожиданно, припадками, въ промежутки между которыми Нерваль продолжалъ лихорадочно работать. Онъ уже побывалъ однажды у Бланша, почти выздоровѣлъ, выписался изъ лечебницы, но на всю жизнь сохранилъ страхъ передъ сумасшедшимъ домомъ и все боялся, что его снова запрутъ туда. Всякій разъ, чувствуя приближеніе припадка, больной убѣгалъ изъ дому, цѣлыми днями бродилъ по большимъ дорогамъ вокругъ Парижа, стараясь побѣдить болѣзнь физической усталостью. Иногда это удавалось.

Въ январѣ 1885 года Нерваль снова почувствовалъ приближеніе остраго припадка. Не говоря ни слова друзьямъ, онъ покинулъ свой домъ и началъ бродить по Парижу. Вечеръ 25-го, утомленный, обезсиленный, онъ провелъ въ жалкомъ кафэ, неподалеку отъ площади Моберъ, въ обществѣ бездомныхъ бродягъ, за стаканомъ вина. Поздно ночью кафэ закрыли, и онъ остался на улицѣ. Въ ночлежкѣ, куда Нерваль стучался, его не пустили: все было занято. Онъ бродилъ по пустынному, туманному городу, безъ крова, безъ цѣли, убѣгая отъ своей болѣзни. Разсвѣтъ засталъ его на улицѣ Стараго Фонаря, въ двухъ шагахъ отъ запертаго публичнаго дома... Часъ спустя прохожіе обнаружили

здѣсь трупъ неизвѣстнаго, повѣсившагося на водосточной трубѣ. Въ карманѣ самоубійцы нашли рукопись «Мечты и дѣйствительность». Рукопись была подписана: «Жераръ де Нерваль».*)

Весной 1893 года, въ лечебницу, унаслѣдованную сыномъ Бланша отъ покойнаго отца, доставили еще одного писателя. Къ этому времени санаторія была уже переведена съ Монмартра въ Отэй.

Новый паціентъ страдалъ страшными кошмарами, галлюцинаціями, проводилъ безсонныя ночи, боялся мрака, бредилъ наяву и мечталъ покончить самоубійствомъ. Когда больного выпускали въ садъ, онъ шелъ по аллеямъ неровной, колеблющейся походкой, опираясь на руку слуги. Временами онъ останавливался, вдыхалъ запахъ цвѣтовъ, разглядывалъ листву на деревьяхъ или молча грозилъ кулакомъ своему страшному мучителю...

Этого сумасшедшаго звали Гюи-де-Мопассанъ.

---

*) Улицы Стараго Фонаря больше не существуетъ. На ея мѣстѣ былъ построенъ театръ Сарры Бернаръ.

ДОМЪ ТУРГЕНЕВА

Въ октябрѣ 1871 года, на слѣдующій день послѣ Седана, Віардо и вмѣстѣ съ ними Тургеневъ переѣхали въ Парижъ. Друзья поселились на Монмартрѣ, въ домѣ № 50 по улицѣ Дуэй. Тургеневъ взялъ себѣ второй этажъ — маленькій, тѣсный и неудобный, окна котораго выходили на площадь Вентимій. Рабочій кабинетъ былъ загроможденъ больше, чѣмъ вся остальная квартира, мебелью и картинами. На одной изъ стѣнъ висѣла картина Теодора Руссо, изображавшая уголокъ въ лѣсу, по которому пробирается крестьянка съ маленькой дѣвочкой. Рядомъ еще одно полотно: голый и пустынный пляжъ Сѣвернаго Моря, съ парусами рыбачьихъ судовъ на горизонтѣ. Рисунокъ Милле: древнія старухи, согнувшіяся подъ тяжестью вязанокъ хвороста. Передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, въ широкомъ покойномъ креслѣ, Тургеневъ проводилъ большую часть своего дня. Здѣсь онъ обдумывалъ свои повѣсти и романы, писалъ письма и читалъ.

Домъ, въ которомъ жилъ писатель, сохранился, и принадлежитъ сейчасъ какому-то страховому обществу. Наружный фасадъ мало перемѣнился, но внутри

все передѣлано, и теперь отъ старой тѣсной квартиры, въ которой Тургеневу было суждено прожить послѣдніе годы, не осталось почти никакихъ слѣдовъ.

Съ утра онъ засаживался за работу, и не оставлялъ ея до завтрака. Потомъ визитъ въ Салонъ, выставки, бульвары, Отель Друо, куда онъ любилъ заглядывать, и откуда часто возвращался съ случайно купленной картиной или какой-нибудь ненужной бездѣлушкой. Иногда Тургеневъ выходилъ съ книгой и шелъ въ Тюльери; книга большей частью оставалась нераскрытой. Иванъ Сергѣевичъ слѣдилъ за играющей дѣтворой, бродилъ вокругъ большого бассейна и думалъ. Потомъ онъ вовращался домой, на Монмартръ, и съ жаромъ принимался за писанье.

По вечерамъ, очень рѣдко, Тургеневъ провожалъ Віардо въ театръ; если погода была ненастна или идти попросту было некуда, всѣ садились въ кружокъ, вокругъ огня. Полина начинала пѣть и въ глазахъ стараго писателя появлялись слезы. Это были счастливѣйшія минуты его жизни. Иногда на импровизированные концерты являлся Флоберъ: онъ тоже любилъ музыку, и она умиляла его.

Тургеневъ былъ очень близокъ къ Флоберу. По воскресеньямъ онъ приходилъ къ своему другу раньше всѣхъ остальныхъ. Потомъ одинъ за другимъ вхо-

дили Мопассанъ, Альфонсъ Додэ, Зола и братья Гонкуры. Время отъ времени, вмѣсто того, чтобы идти къ Флоберу, всѣ собирались къ обѣду у ресторатора Маньи. Пока подавали супъ разговоръ велся о политикѣ или новѣйшей литературѣ; за жаркимъ начинались личныя воспоминанія; говорили шумно, перебивая другъ друга, главнымъ образомъ о женщинахъ, и о любви. Гонкуры и Додэ разсказывали легкомысленные анекдоты. Зола развивалъ свой натурализмъ въ любовномъ его примѣненіи, Флоберъ говорилъ о негрессахъ и о тайнахъ Востока... Тургеневъ, слушавшій всѣ эти разсказы съ «удивленіемъ варвара», пытался попасть въ тонъ, но это плохо ему удавалось: Иванъ Сергѣевичъ не любилъ цинизма.

... Онъ уже былъ знаменитъ и его большая борода, сѣдые волосы и высокій ростъ были знакомы многимъ обитателямъ Монмартра; уже газетные критики посвящали Тургеневу восторженныя статьи, называя его «знаменитымъ русскимъ Мюссэ» и «гигантомъ финскихъ степей»... Маленькая квартирка на Монмартрѣ становилась однимъ изъ самыхъ блестящихъ салоновъ Парижа, гдѣ можно было встрѣтить цвѣтъ французскаго общества и лучшихъ представителей литературы и искусства...

— «Я насладился всѣмъ, чего только желалъ...

Я работалъ, имѣлъ успѣхъ, любилъ, былъ любимъ... Плохо умереть раньше срока, но мой срокъ насталъ.»*)

Въ мартѣ 1882 г. онъ слегъ: къ нему пришла послѣдняя, смертельная болѣзнь — ракъ спинного мозга. Бодрость духа исчезла. «Когда будете въ Спасскомъ, — писалъ И. С. 30 мая 1882 г. Я. Полонскому, — поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу».

Я помню садъ, старинный грустный садъ,
Спокойный прудъ, широкій, молчаливый...
Я помню: волны мелкія дрожатъ
У берега, въ тѣни плакучей ивы.
Я помню — много лѣтъ тому назадъ
Я въ томъ саду, хожу въ травѣ высокой
(Дорожки всѣ травою поросли).
Заря такъ ровно рдѣетъ... блескъ глубокій
Раскинулся отъ неба до земли...

Болѣзнь усиливалась съ каждымъ днемъ. Пришлось покинуть квартиру на улицѣ Дуэй; Тургеневъ навсегда разстался съ Парижемъ, съ Монмартромъ и

---

*) Emile Hamont, «Ivan Tourgueneff». p. 85.

переѣхалъ въ Буживаль, куда были приглашены лучшіе французскіе врачи. Никто изъ нихъ такъ и не смогъ опредѣлить, чѣмъ именно страдаетъ писатель. «Больного лѣчатъ отъ грудной жабы, а у него ракъ спинного мозга. Во время приступовъ боли онъ такъ кричитъ, что слышно въ сосѣднемъ домѣ П. Віардо. Только вспрыскиванія морфія успокаиваютъ его на время. Болѣзнь и морфій доводятъ его до полубезумнаго состоянія. Когда докторъ Бѣлоголовый въ половинѣ мая 1883 г. посѣтилъ Тургенева, тотъ послѣ долгой бесѣды, послѣ осмотра, при прощаніи, неожиданно остановилъ его словами:

— Постойте, вѣдь я вамъ не сказалъ главнаго, а вамъ, какъ врачу, непремѣнно нужно знать; вы не знаете настоящей причины моей болѣзни, а я теперь убѣжденъ въ ней: в ѣ д ь я о т р а в л е н ъ.

И послѣ этого умирающій сталъ разсказывать весьма фантастическую и нелѣпую до крайности исторію отравленія.*)

Тургеневъ медленно умиралъ въ Буживалѣ. На очередномъ обѣдѣ у Маньи, Альфонсъ Додэ уже обдумывалъ его некрологъ.

«Журналь де Деба», вторникъ 2 октября 1883 года:

---

*) В. Л. Львовъ-Рогачевскій. «И. С. Тургеневъ» стр. 196-197.

«Тѣло Ивана Тургенева отбыло сегодня послѣ полудня въ Санктъ-Петербургъ. Его друзья были приглашены присутствовать при прощальной церемоніи на Сѣверномъ вокзалѣ, въ три часа дня.

Одна изъ вокзальныхъ залъ, на улицѣ Мобежъ, была превращена въ часовню, сплошь затянутую чернымъ сукномъ, вышитымъ серебромъ.

Гробъ, согласно русскому обычаю, былъ поставленъ въ нишѣ, передъ которой горѣло двѣнадцать лампадъ.

Около 400 человѣкъ явились отдать послѣдній долгъ знаменитому писателю.

Церемонія была организована г-жей Віардо, у которой скончался Тургеневъ. Рѣчи были произнесены г. Ренаномъ, отъ имени друзей писателя, г. Эдмономъ Абу, отъ имени Общества писателей, г. Вырубовымъ и знаменитымъ русскимъ художникомъ Боголюбовымъ, — отъ имени русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ.

Послѣ молитвы, произнесенной отцомъ Васильевымъ, присутствовавшіе разошлись».

МЕЛЬНИЦЫ НА МОНМАРТРѢ

Въ началѣ прошлаго столѣтія на Монмартрѣ можно было еще найти большіе сады, виноградники и десятка три старыхъ вѣтряныхъ мельницъ.

По воскресеньямъ, если выдавался теплый, солнечный день, группы парижанъ отправлялись «наверхъ», — завтракать на travѣ, въ тѣни деревьевъ. Въ старой мельницѣ Дебрэй, вошедшей въ исторію Монмартра подъ именемъ «Мулэнъ де ла Галеттъ», можно было за небольшую плату получить хлѣбъ и кружку свѣжаго, парного молока. Мельничиха была привѣтливой женщиной, а отецъ Дебрэй веселымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ. Постепенно ихъ садъ сталъ сборнымъ пунктомъ всей монмартрской молодежи, любившей повеселиться и потанцовать... Дѣла Дебрэй процвѣтали, и этотъ домъ, мало по малу, пріобрѣталъ репутацію самаго веселаго мѣста на Монмартрѣ. Въ 1830 году предпріимчивый мельникъ открылъ здѣсь танцевальный залъ и вмѣсто молока сталъ подавать вино изъ мѣстныхъ монмартрскихъ виноградниковъ.

C'est du vin de Montmartre
Qui en boit pinte en pisse quatre.

Маленькіе хлѣбцы, которые когда то такъ ловко выпекала хозяйка, исчезли, и взамѣнъ ихъ появились пирожныя... Домашняя скрипка смѣнилась наемнымъ оркестромъ, и по вечерамъ полъ старой мельницы сотрясался подъ каблуками молодежи, отплясывавшей канканъ...

Подумать только, что «Мулэнъ де ла Галеттъ», просуществовавшая до 1925 года, была выстроена однимъ изъ прадѣдовъ Дебрэй, шесть столѣтій тому назадъ!... Теперь старая мельница исчезла: садъ вырубленъ, и на мѣстѣ его выстроенъ уже настоящій танцевальный залъ и новая «декоративная» мельница. Но владѣлецъ «Мулэнъ де ла Галеттъ» по прежнему Дэбрэй, одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ стараго рода монмартрскихъ мукомоловъ.

Онѣ покрыли себя военной славой, эти старыя, давно исчезнувшія и разрушенныя мельницы. Не разъ во время войнъ башни ихъ превращались въ наблюдательные посты, а ихъ крылья въ мишень для непріятеля...

22 іюля 1358 года, знаменитый «прево де маршанъ», Этьенъ Марсель взобрался на крышу одной изъ монмартрскихъ мельницъ и оставался на ней свыше 2 часовъ, наблюдая за передвиженіемъ непріятельскихъ бандъ, грабившихъ предмѣстья Парижа. Съ высоты

B. Grosser

монмартрскаго холма Этьенъ Марсель видѣлъ, какъ его солдаты попали въ засаду, неподалеку отъ воротъ Сэнтъ-Онорэ, какъ легкомысленный союзникъ Карлъ Наваррскій поспѣшно повернулъ въ сторону Сэнъ Дени, оставивъ Парижъ и самого «прево» на произволъ судьбы. Это былъ дважды злополучный день, — измѣна союзника и собственное пораженіе...

Сорокъ лѣтъ спустя монмартрскія высоты заняла армія Орлеанской Дѣвы, пришедшей съ королемъ Франціи освободить столицу отъ власти ненавистныхъ англичанъ. 3 сентября 1429 года, «неподалеку отъ мельницы у Ляшапель», Жанна д-Аркъ дала англичанамъ рѣшительный бой, о которомъ въ незамысловатыхъ стихахъ разсказывается хроникеромъ эпохи:

... Puis le Roy vint â Sainct-Denys,
Qui lui rendit obéissance...
....
Outre, en procedant plus avant,
Son ast, tira à la Chapelle
Et de là au Moulin à vent
Où y eut escarmouche belle.

Les Anglais qu'estoient à Paris
Tous ensemble se retirèrent,
Enfin qu'ils ne fussent pris
Et les murs si fortifièrent.

На семейномъ склепѣ Дебрэй, на кладбищѣ Кальвэръ высѣчена такая надпись:

Пьер — Шарль — Дебрэй
Собственникъ мельницы на Монмартрѣ
Скончался 30 марта 1814 г.,
убитый противникомъ на верхушкѣ своей мельницы.

Въ тотъ день, когда былъ убитъ «собственникъ мельницы на Монмартрѣ», русская армія брала Парижъ. Монмартръ обладалъ всего девятью орудіями, разставленными на вершинѣ холма. Съ утра, король Іосифъ, заранѣе увѣренный въ своемъ пораженіи, сдѣлалъ смотръ канонирамъ и національнымъ гвардейцамъ. Для того, чтобы подбодрить солдатъ, король сказалъ, что Наполеонъ стоитъ у Лявилеттъ и что съ минуты на минуту должны подойти подкрѣпленія. Эта была неправда; подкрѣпленій ждать было неоткуда и Лявилеттъ въ это время перешелъ уже въ руки пруссаковъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Монмартръ былъ взятъ штурмомъ, а орудійная прислуга изрублена. Въ числѣ убитыхъ было и трое братьевъ Дебрэй. Старшій Дебрэй и его сынъ, получившіе въ полдень приказъ прекратить огонь, встрѣтили русскихъ у воротъ своей мельницы картечью. Въ мгновенье ока пушки были захвачены, національные гвардейцы сдались, и командующій русскимъ отрядомъ потребовалъ выдачи того, кто приказалъ открыть огонь. Пьеръ-Шарль-Дебрэй вышелъ изъ рядовъ къ офицеру и выстрѣлилъ въ него

въ упоръ... Онъ былъ тутъ же, на мѣстѣ изрубленъ и части его тѣла — для примѣра — привязаны къ крыльямъ мельницы.

Ночью вдова сняла останки убитаго, спрятала ихъ въ мѣшокъ изъ подъ муки, и похоронила тайкомъ, на кладбищѣ Кальвэръ, рядомъ съ церковью Св. Петра, на Монмартрѣ.

Веселыя вѣтряныя мельницы исчезали одна за другой. Вмѣстѣ съ ними исчезали сады, виноградники, вырубались деревья и маленькая спокойная деревушка постепенно превращалась въ парижское предмѣстье. Большая часть мельницъ была разрушена около 1850 года; сторожилы Монмартра еще помнятъ ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, можно было видѣть неподалеку отъ храма Сердца Христова три послѣднія, полуразвалившіяся мельницы, о которыхъ писалъ Октавъ Шарпантье:

...Ils étaient trois jolis Moulins
Qui, pimpants, couronnaient la Butte...
Ils étaient trois jolis Moulins
Qui moulaient les plus gais refrains...

То, чего не могли сдѣлать вѣка, непогоды и набѣги непріятеля, — продѣлали архитекторы. Въ одинъ пре-

красный день они пришли на Монмартръ и спокойно, методично и дѣловито принялись за его разрушенiе, Исчезли послѣднiя вѣтряныя мельницы; отъ знаменитаго когда то «Шато де Бруйяръ» остались лишь жалкiя развалины; на мѣстѣ «Эрмитажа» Берлiоза появился шестиэтажный домъ съ центральнымъ отопленiемъ; такiя же точно зданiя, — очень комфортабельныя и очень уродливыя, — появятся скоро и тамъ, гдѣ еще сто лѣтъ тому назадъ зрѣлъ виноградъ, росли высокiя травы и гдѣ жизнь казалась такой тихой, немудреной и простой.

АРТИСТЫ НА МОНМАРТРѢ

АРИСТИДЪ БРЮАНЪ

ЛѢТЪ тридцать тому назадъ, у рѣшетки дома № 36 по улицѣ Корто бѣлѣла эмалевая дощечка: «Народный Пѣвецъ». Въ ту пору на Монмартрѣ были еще настоящіе пѣвцы, настоящіе артисты и художники.

Подъ вечеръ дверь широко распахивалась, и на порогѣ показывалась странная фигура: человѣкъ въ сапогахъ, бархатномъ костюмѣ, широкополой фетровой шляпѣ, съ внушительной палкой въ рукѣ и съ собакой , неизмѣнно слѣдовавшей за нимъ по пятамъ. Подойдя поближе можно было увидѣть красную шелковую рубаху, и подъ полями шляпы—мягкое, задумчивое и красивое лицо. При видѣ этого страннаго субъекта, даже завсегдатаи Монмартра останавливались въ изумленіи; «народный пѣвецъ», нисколько не смущаясь производимымъ имъ эффектомъ, свисталъ собаку и быстрыми шагами спускался внизъ, на бульваръ Рошешуаръ, въ кабарэ «Мирлитонъ».

Аристида Брюана зналъ весь Парижъ.

Впервые онъ появился на Монмартрѣ, въ кабарэ Рудольфа Салиса. «Черный Котъ» былъ тогда въ періодѣ своего расцвѣта; здѣсь можно было встрѣтить нынѣшняго академика Мориса Донней, старшаго Рони изъ академіи Гонкуровъ, художника Тулузъ-Лотрека, рисовальщика Вилетта и бѣднаго Андрэ Жиля, окончившаго въ сумасшедшемъ домѣ. За дубовыми столами кабарэ собиралась вся монмартрская богема и всѣ тѣ, кто хотѣлъ поближе узнать ее: меценаты, попавшіе сюда послѣ ужина — во фракахъ и высокихъ цилиндрахъ, дамы въ вечернихъ туалетахъ, пріѣхавшія изъ Оперы, военные въ отпуску, мечтающіе какъ можно лучше использовать нѣсколько дней относительной свободы; великіе князья, не пропускавшіе ни одного монмартрскаго кабарэ во время легендарнаго tournée des Grands Ducs; студенты, измѣнившіе Латинскому Кварталу, и ихъ подруги, подобранныя на бульварѣ Сэнъ-Мишель; натурщицы и просто легкомысленныя женщины , искательницы приключеній.

Какъ то вечеромъ, вдохновитель кабарэ Рудольфъ Салисъ, щеголявшій необыковеннымъ, имъ самимъ изобрѣтеннымъ рединготомъ съ шелковыми отворотами, пышнымъ галстухомъ и гусарскими галифэ, потребовалъ тишины и торжественно заявилъ, что Аристидъ Брюанъ, «человѣкъ изъ парижскихъ предмѣстій», споетъ сочиненый имъ гимнъ «Вокругъ Чернаго Кота».

Брюанъ вышелъ на середину и затянулъ сильнымъ и пріятнымъ баритономъ балладу, начинавшуюся такими строфами:

BG

La lune était sereine
Quand , sur le boulevard,
Je rencontrai Sosthène
Qui me dit: Cher Oscar,
Où vas-tu, ma vieil' branche?
Moi, je lui repondis:
C'est aujourd'hui dimanche,
Et c'est demain lundi...

и всѣ присутствующіе подхватили хоромъ:

Je cherche fortune
Autour du Chat Noir,
Au clair de la lune,
A Montmartre le soir...

Съ этого дня Брюанъ бросилъ «кафэ-концерты» и окончательно перебрался на Монмартръ. Каждый вечеръ, къ десяти часамъ, на бульварѣ Рошешуаръ собирался цвѣтъ парижской богемы. Брюанъ пѣлъ свои пѣсни, — печальныя пѣсни парижскихъ низовъ, поддонковъ и отбросовъ города, бездомныхъ, нищихъ, проститутокъ, сутенеровъ, воровъ, — людей, живущихъ на улицахъ и подъ открытымъ небомъ фортификацій.

... T'es dans la ru' va, t'es chez toi!

Это пѣніе трогало: въ немъ было много жестокой правды и еще больше жалости къ обездоленнымъ и отверженнымъ.

Брюанъ мало по малу становился знаменитостью.

Въ кабарэ нельзя было протиснуться, Салисъ богатѣлъ, и слава «Чернаго Кота» росла. Къ несчастью, въ дѣло вмѣшались «анархисты», и все пришлось начать сначала.

Рудольфъ Салисъ былъ прекраснымъ конферансье, но онъ до смерти боялся героевъ изъ пѣсенъ Брюана. Сутенеры съ фортификацій существовали не только въ воображеніи завсегдатаевъ «Чернаго Кота», но и въ жизни, и ихъ штабъ-квартира находилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ бульваромъ Рошешуаръ. Буянили, однако, не одни герои Внѣшнихъ Бульваровъ, но и сами художники, для большей внушительности именовавшіе себя анархистами. Они являлись въ кабарэ, долго и упорно пили, и, уходя, неизмѣнно забывали расплачиваться; если имъ замѣчали, что разсѣянность не есть признакъ хорошаго тона, «анархисты» цѣдили сквозь зубы, что у нихъ припасенъ динамитный патронъ и что вся «лавочка» вмѣстѣ съ хозяиномъ можетъ взлетѣть на воздухъ съ минуты на минуту, по первому ихъ желанію. Все это происходило въ 1885 году, а въ это время въ Парижѣ сильно побаивались динамита.

Кончилось тѣмъ, что напуганный до смерти Салисъ перебрался со своимъ кабарэ на улицу Викторъ-Массэ. Брюанъ остался на бульварѣ Рошешуаръ: онъ не боялся ни сутенеровъ, ни «анархистовъ».

Онъ открылъ свое собственное кабарэ, унаслѣдовавшее помѣщеніе «Чернаго Кота». «Мирлитону» Брюанъ отдалъ лучшіе годы своей жизни; «Мирлитонъ» создалъ славу Брюана.

Это было странное учрежденіе, о которомъ еще до сихъ поръ съ улыбкой вспоминаютъ старожилы Монмартра. Весь день двери кабачка были наглухо закрыты. Въ 10 вечера «Мирлитонъ» отпирался, и до двухъ часовъ ночи въ залѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Брюанъ былъ неподражаемъ: онъ встрѣчалъ гостей насмѣшками и ругательствами; это была реакція противъ изысканной вѣжливости Салиса. «Въ Черномъ Котѣ» всѣ посѣтители оказывались неизмѣнно «принцами» и «монсеньорами»; у Брюана съ ними разговаривали какъ съ завсегдатаями тюремъ и ночлежныхъ домовъ. И, странное дѣло, чѣмъ больше неистовствовалъ «народный пѣвецъ», тѣмъ большій успѣхъ имѣло его кабарэ и тѣмъ больше въ немъ бывало настоящей, свѣтской публики. Двѣ маленькія тѣсныя комнатки, —«въ стилѣ Людовика XIII», тяжелые дубовые столы, кружки съ отвратительнымъ пивомъ—единственнымъ напиткомъ, допускавшимся въ «Мирлитонѣ», облака табачнаго дыма, — и въ этой обстановкѣ Брюанъ ухитрялся пѣть весь вечеръ. Его пѣсни улицы трогали и волновали. Онѣ были написаны на особомъ жаргонѣ, на языкѣ парижскаго дна, понятномъ обитателямъ ночлежекъ, лупанаровъ и пансіонеркамъ тюрьмы Сэнъ-Лазаръ. О страданіяхъ нищеты нельзя говорить инымъ языкомъ, и это все же не помѣшало человѣку, всю жизнь писавшему на «арго», быть виднымъ членомъ Общества

Французскихъ Писателей, куда его рекомендовалъ Франсуа Коппэ.

Кто только не побывалъ въ знаменитомъ кабарэ на бульварѣ Рошешуаръ! Поэты, писатели, журналисты, академики, политики, бывшіе люди и будущіе короли... «Пятнадцать лѣтъ спустя, во время посѣщенія музея Карнавалэ, Эдуардъ VII, вспоминая вечера принца Уэльскаго, спросилъ ученаго хранителя музея, Жоржа Кэна:

— А Брюанъ, что съ нимъ стало?»

Въ 2 часа ночи Аристидъ выпроваживалъ гостей, тушилъ свѣтъ, надвигалъ на глаза широкополую шляпу и отправлялся домой, на улицу Корто. Онъ подымался наверхъ по узкимъ, кривымъ переулкамъ, доходилъ до «Кабарэ Убійцъ», огибалъ еще строившуюся церковь Сердца Христова и медленно, напѣвая, шелъ вдоль необычайной, зигзагообразной улицы Сэнъ-Венсенъ. Здѣсь была его «лабораторія». Въ теплыя, лунныя ночи, влюбленные Монмартра сходились сюда, и изъ оконъ дома Брюана можно было слышать ихъ жалобы, упреки, слова любви и пламенныя клятвы...

Улица Сэнъ-Венсенъ сохранилась до сихъ поръ, и еще сейчасъ ея стѣна испещрена каббалистическими знаками: пронзенными сердцами, обѣщаніями вѣчной

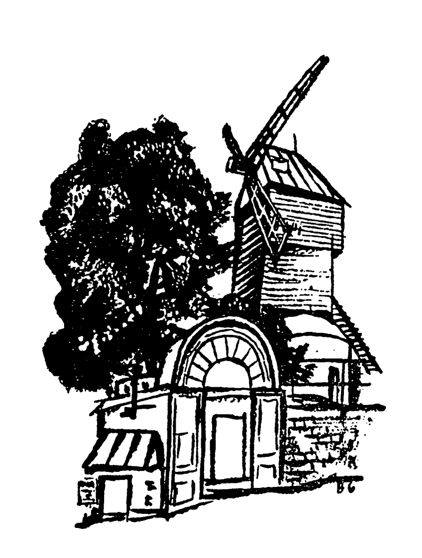
любви и угрозами, понятными лишь полицейскимъ и узкому кругу посвященныхъ. Странный источникъ вдохновенія, эта стѣна на улицѣ Сэнъ-Венсенъ! Сколько разъ Брюанъ склонялся надъ ея іероглифами, расшифровывалъ ихъ, находилъ нужное слово или старое, давно забытое имя одного изъ своихъ героевъ...

...Аристидъ Брюанъ прожилъ свои послѣдніе годы вдали отъ Монмартра, въ маленькой деревушкѣ, въ которой протекло его раннее дѣтство. Онъ умеръ въ 1925 году, и вскорѣ послѣ него скончались два другихъ любопытныхъ человѣка: рисовальщикъ Адольфъ Виллетъ и первый мэръ Свободной Монмартрской Коммуны Жюль Депаки.

«Мирлитонъ» все еще существуетъ, и называется теперь «Кабарэ Аристида Брюана». Внутри обстановка не измѣнилась; двѣ маленькія, тѣсныя комнатки, «въ стилѣ Людовика XIII», прокуренныя и плохо освѣщенныя; дубовые столы и мѣдная посуда; рисунки Стейнлина, Виллета, Жиля и Тулузъ-Лотрека. Есть, впрочемъ, нѣчто новое: на видномъ мѣстѣ, у эстрады — суковатая палка, красный шарфъ и широкополая шляпа, завѣщанная Брюаномъ Монмартру.

Сильно перемѣнилась публика; иностранцы, провинціалы, и рѣдкіе, подгулявшіе парижане, перебивающіе пѣвцовъ пьяными криками... Безголосые пѣвцы и

бездарныя пѣсни; настоящую Монмартрскую пѣсню можно услышать сейчасъ не на бульварѣ Рошешуаръ, а на самой вершинѣ холма, тамъ, гдѣ еще понимаютъ языкъ Брюана, и куда еще не добрались автокары Кука.

РУДОЛЬФЪ САЛИСЪ

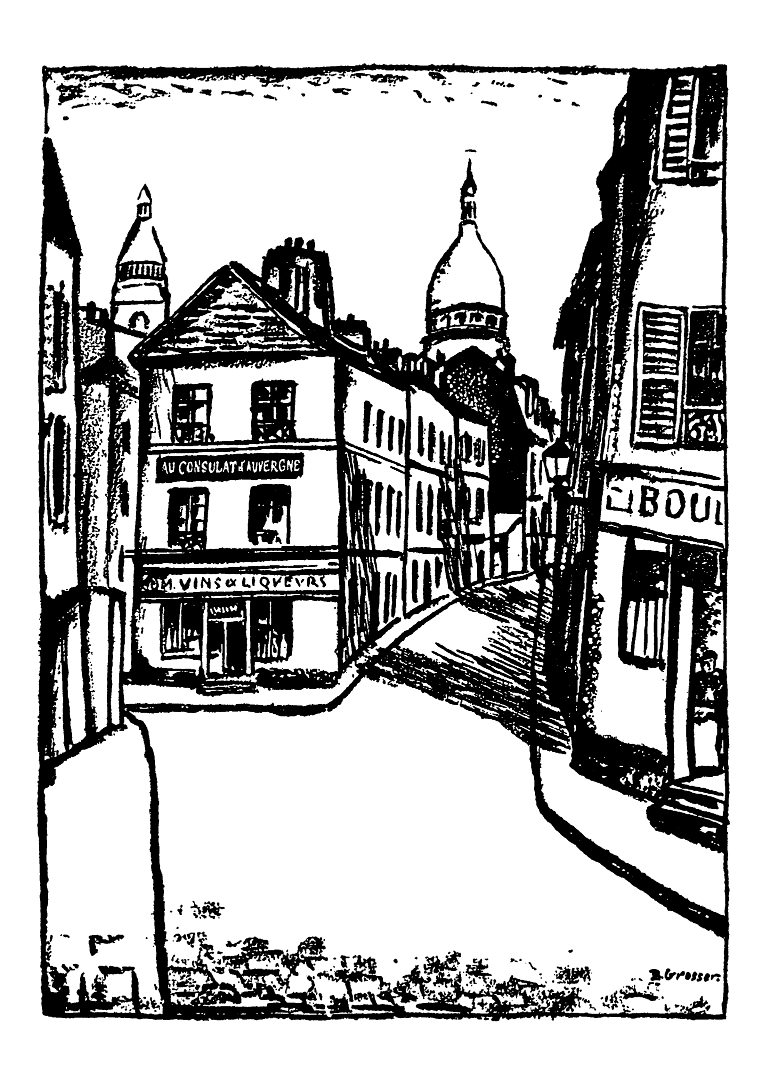
ОКОЛО 1885 года слава кабарэ «Чернаго Кота» окончательно утвердилась и его владѣлецъ Рудольфъ Салисъ рѣшилъ, что пора «расширить дѣло». На бульварѣ Рошешуаръ было слишкомъ шумно и слишкомъ тѣсно. И «кабатчикъ-джентельменъ» перебрался на спокойную улицу Викторъ-Массэ.

Событіе это въ свое время явилось злобой дня, и его подробно описали всѣ парижскія газеты. Новое помѣщеніе «Чернаго Кота» было великолѣпно: три-четыре ступеньки, получившія громкое названіе «Перрона Швейцарцевъ», Почетная Лѣстница — узкая и винтовая, въ которой съ трудомъ могли разойтись два человѣка, Залъ Стражей, Залъ Совѣта и, наконецъ, Залъ Празднествъ, гдѣ была выстроена спеціальная «ложа Президента Республики», какъ увѣрялъ Салисъ; Греви, впрочемъ, никогда не воспользовался гостепріимствомъ Рудольфа.

Значительно увеличился и персоналъ: вмѣсто единственнаго служителя, Александра, которому незадолго до этого раскроили черепъ мѣткимъ ударомъ табурета (дѣло происходило ночью на бульварѣ Рошешуаръ), на «перронѣ» и въ самомъ дѣлѣ помѣстился

внушительнаго вида швейцарецъ съ аллебардой; онъ долженъ былъ зазывать прохожихъ и принимать знатныхъ посѣтителей. Въ первой комнатѣ подавали пиво, но подавали его особеннымъ образомъ; пиво приносилъ лакей, одѣтый въ форму академика; зеленый фракъ съ шелковымъ шитьемъ, треуголка съ плюмажемъ и шпага. Все вообще въ этомъ домѣ было «стильно», — начиная съ самого хозяина и кончая комнатами, отдѣланными «подъ средневѣковье», и «пѣснями старой Франціи», чередовавшимися съ модными монмартрскими шансонетками.

Въ эту эпоху «Черный Котъ» еще пользовался необычайнымъ успѣхомъ. Впервые здѣсь былъ показанъ и вызвалъ общій восторгъ Театръ Тѣней. Тѣни выполнялись Каранъ д-Ашемъ, и текстъ писалъ начинавшій Морисъ Донней. На подмосткахъ кабарэ подвизался Альфонсъ Аллэ, неудавшійся фармацевтъ и талантливый поэтъ; онъ давно уже умеръ. Выступалъ здѣсь и Жюль Жуи, мясникъ, открывшій въ себѣ даръ писанья стиховъ. Жуи, въ концѣ концовъ, попалъ бы какъ и Донней, въ Академію. Къ несчастью, судьба уготовила ему смерть въ сумасшедшемъ домѣ. Здѣсь же начинали свою карьеру и покойный художникъ Виллетъ и писатель Леонъ Ріоторъ, и грустный поэтъ Сарразенъ, продававшій по вечерамъ между столиками маслины и заодно — книжки своихъ стиховъ. Продажа маслинъ — занятіе гораздо болѣе выгодное, нежели поэзія; Сарразенъ разбогатѣлъ, и открылъ свое собственное кабарэ «Японскій Диванъ».

AU CONSULAT d'AUVERGNE
COM. VINS & LIQUEURS
BOUL
Grosser

Они были очень молоды, участники «Чернаго Кота»; въ этомъ возрастѣ смѣхъ не считается еще доходной профессіей. Карикатуры, шаржи и веселые стихи писались не столько для публики, сколько для самихъ себя. Можетъ быть, этимъ и слѣдовало объяснить успѣхъ перваго монмартрскаго кабарэ.

Днемъ, въ тѣ часы, — когда не было публики, — артисты и поэты собирались у натопленнаго камина. Иногда къ нимъ присоединялись Жюль Леметръ, Альфредъ Капюсъ, Жанъ Морреасъ. Создавался хоръ, которымъ управлялъ Клодъ Дебюсси. Лѣтомъ, на верандѣ устраивались импровизированные обѣды, и тогда яичная скорлупа сыпалась на головы и шляпы проходившихъ внизу буржуа. Какъ-то, сюда пришелъ Верленъ. Морисъ Донней вспоминаетъ объ этомъ визитѣ въ своей книгѣ «Вокругъ Чернаго Кота»: «Я видѣлъ поэта, сидѣвшаго рядомъ со мной, и волненіе мое было велико. Онъ ѣлъ очень мало, объяснивъ мнѣ, что злоупотребленіе апперитивами убиваетъ, а не возбуждаетъ аппетитъ... Говорилъ много; разсказывалъ онъ, примѣрно, такія вещи: «Ахъ, чертъ его побери, когда этотъ парень началъ карьеру, онъ былъ мнѣ дьявольски симпатиченъ!...» Подъ этимъ парнемъ онъ разумѣлъ императора Вильгельма II. Онъ говорилъ мнѣ о символистахъ, называя ихъ цимбалистами, «потому, прибавилъ онъ съ улыбкой, что они поднимаютъ много шума».

Потомъ, охмелѣвшій Верленъ заснулъ тутъ же, за столомъ.

Надо сказать, что предпріимчивый Салисъ безбожно эксплуатировалъ талантливую молодежь, создавшую репутацію его кабарэ. Аристидъ Брюанъ получалъ за вечеръ нѣсколько франковъ и два стакана пива; Виллету, за его знаменитое полотно Parce domine parce populo tuo были заплачены гроши. Леонъ Ріоторъ до сихъ поръ не можетъ забыть, какъ Рудольфъ заказалъ ему для своего журнальчика статью объ отелѣ «Фигаро». Заказъ былъ добросовѣстно выполненъ, подписанъ Салисомъ, и за этотъ трудъ Ріоторъ получилъ 2 крутыхъ яйца и кружку пива... Такъ же, вѣроятно, оплачивались и всѣ остальные. Во всякомъ случаѣ, «кабатчикъ-джентельменъ» богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Говорятъ, въ основу состоянія Салиса легло какое-то темное дѣло съ наслѣдствомъ, завѣщаннымъ дальнимъ родственникомъ его брату Габріелю. Какъ наслѣдство это перешло въ руки Рудольфа, — неизвѣстно. Фактъ тотъ, что часовщикъ Габріель долгіе годы нищенствовалъ, голодалъ, мѣнялъ ремесла, служилъ даже «гарсономъ» въ кабарэ «Чернаго Кота», подвергался насмѣшкамъ посѣтителей, потомъ лишился и этого послѣдняго мѣста и, наконецъ, въ отместку брату основалъ свое собственное кабарэ «Краснаго Осла». Кабарэ это, впрочемъ, не имѣло особеннаго успѣха и Габріель

скоро продалъ его пѣвцу Андрэ Жуайэ; годъ спустя, въ припадкѣ острой иппохондрiи, его замѣститель покончилъ самоубiйствомъ, и «Красный Оселъ» канулъ въ вѣчность.

Рудольфъ Салисъ оставался на улицѣ Викторъ-Массэ 10 лѣтъ. Къ этому времени, онъ успѣлъ за гроши прiобрѣсти старинный замокъ Нантрэ и рѣшилъ тамъ окончательно обосноваться. Кабарэ къ тому же перестало уже быть доходнымъ дѣломъ, — прелесть новизны пропала, и его пришлось закрыть. Рудольфъ, очень утомленный, — ему было всего 45 лѣтъ, —навсегда покинулъ Парижъ, создавшiй ему извѣстность. Ему хотѣлось перемѣнить образъ жизни, похоронить себя въ тихой провинцiальной глуши, вдали отъ парижскаго шума, вдали отъ Монмартра, подальше отъ художниковъ и артистовъ. Онъ былъ богатъ, считалъ себя зажиточнымъ буржуа, владѣльцемъ замка и уже стѣснялся многихъ старыхъ монмартрскихъ знакомствъ. Два года спустя онъ умеръ.

Смерть его окружена глубокой тайной. Родственники и друзья утверждаютъ, что Рудольфъ умеръ отъ истощенiя. Но по другой, весьма правдоподобной версiи, «кабатчикъ-джентельменъ» утонулъ въ небольшой рѣченкѣ Кленъ, во время купанья. Это случилось въ 1897 году.

Вдова Салиса рѣшила продать имущество, оставшееся послѣ смерти мужа. Въ Отелѣ Друо была устроена выставка «Чернаго Кота». Предисловіе къ каталогу написалъ Жоржъ Монторгей, и 16 мая 1898 года пошли съ молотка рисунки Виллета, Стейнлина, Карань-д-Аша, столы, стулья, отдѣльные листы, на которыхъ расписывались почетные посѣтители, костюмы академиковъ и швейцарцевъ, — все, вплоть до аллебардъ и жилета Салиса... Такъ исчезло то немногое, что оставалось отъ знаменитаго монмартрскаго кабарэ. Продано было и полотно Виллета Parce domine parce populo tuo.*)

Недавно мнѣ пришлось побывать на улицѣ Викторъ-Массэ, въ домѣ, гдѣ 40 лѣтъ тому назадъ царилъ Рудольфъ. Нижній этажъ занятъ торговцемъ старинныхъ вещей, поселившимся здѣсь вскорѣ послѣ того, какъ закрылось кабарэ. Потолокъ все тотъ-же, бревенчатый, «стильный». Осталась безъ перемѣнъ и узкая лѣстница, которую когда-то охранялъ внушительный швейцарецъ. Стѣны все еще раскрашены подъ кирпичъ, и все еще сохранились нарисованныя рѣшетчатыя оконца, какъ въ старинныхъ башняхъ. Исчезла только надпись, красовавшаяся надъ дверьми кабарэ: «Прохожій, будь современенъ!»

---

*) Картина эта вторично вернулась въ Отель Друо въ мартѣ 1927 г. На этотъ разъ она была куплена за 200.000 франковъ г-жей Б..... владѣлицей книжнаго магазина на кэ Вольтеръ. Подумать только, что Виллетъ продалъ Parce Domine Салису за .....300 франковъ!

ПОЛКОВНИКЪ МАКСИМЪ ЛИСБОННЪ

ЭТО былъ героическій періодъ. Въ кабарэ «Чернаго Кота» лакеи съ большимъ достоинствомъ носили парадную форму Безсмертныхъ; (будущіе академики зарабатывали у «кабатчика-джентельмена меньше, нежели лакеи). Въ «Аббатствѣ Телемаха» прислуживали молчаливые монахи; въ мрачной «Тавернѣ Каторги», — на углу бульвара Рошешуаръ и улицы Мартиръ пиво подавали арестанты. Арестанты произвели фуроръ: это былъ своего рода рекордъ, и зимой 1885 года весь Парижъ тѣснился у дверей таверны, расположенной какъ разъ противъ цирка Фернандо.

Имя Максима Лисбонна не сходило тогда со страницъ парижскихъ газетъ.

Есть люди, жизнь которыхъ кажется удивительнымъ сценаріемъ. О Максимѣ Лисбоннѣ, полковникѣ Парижской Коммуны, побывавшемъ въ тулонской

каторгѣ, почему то до сихъ поръ не написано ни одной книги. О немъ забыли, и въ этомъ забвенiи кроется большая несправедливость по отношенiю къ человѣку, больше всего на свѣтѣ любившему поднимать шумъ вокругъ своего имени.

Ему было 16 лѣтъ, когда юнгой онъ принялъ участiе въ крымской кампанiи, продѣлалъ итальянскiй походъ и воевалъ въ Сирiи. Здѣсь постигла его первая неудача: отдача въ исправительный батальонъ за неповиновенiе начальству. Будущiй коммунаръ начиналъ сказываться.

Въ батальонѣ Лисбоннъ провелъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: во время пожара орлеанвильскаго госпиталя онъ отличился рискуя своей жизнью, и вскорѣ его отпустили на всѣ четыре стороны... Лисбоннъ былъ молодъ, полонъ несбыточныхъ надеждъ и фантастическихъ плановъ; онъ отправился въ Парижъ.

Военная карьера не удалась. Лисбоннъ почувствовалъ влеченiе къ театральнымъ подмосткамъ; театръ вѣроятно и погубилъ его: онъ всю жизнь игралъ чужую роль, и какъ это часто бываетъ со скверными актерами, —выходилъ раскланиваться, когда въ залѣ никто уже не апплодировалъ...

Плохой актеръ оказался и сквернымъ администраторомъ. Театральное предпрiятiе «Фоли Сэнтъ-Антуанъ» закончилось крахомъ, и надо было начинать все сначала. Возможно, воспользовавшись первымъ горькимъ опытомъ , онъ создалъ бы новый театръ; но тутъ возникла франко-прусская война, и сердце

B. Grossen

бывшаго юнги — ему было всего 30 лѣтъ — не выдержало.

Лисботнъ вспомнилъ, что онъ имѣетъ чинъ капитана. На слѣдующій день капитанъ въ отставкѣ носилъ уже форму національнаго гвардейца и готовился защищать Парижъ отъ нанавистныхъ пруссаковъ. Потомъ, ураганъ захватилъ его: позорный миръ, революція, Центральный Комитетъ Національной Гвардіи, Восемнадцатое Марта на Монмартрѣ, убійство на улицѣ Розье, рѣчи, рѣчи, клубы, и три дня спустя послѣ возстанія, парижане читали свѣжую прокламацію — еще одну! — расклеенную на стѣнахъ города; въ прокламаціи этой гражданинъ Максимъ Лисботнъ, капитанъ 24-го стрѣлковаго батальона Національной Гвардіи приглашалъ гражданъ-солдатъ стать на сторону народа и повернуть дула винтовокъ противъ версальскаго правительства. Подобнаго рода услуги не забываются. Парижская Коммуна пожаловала гражданину Лисботну чинъ полковника. Къ чести полковника надо сказать, что онъ постарался добросовѣстно отработать полученныя имъ нашивки.

Лисботна можно упрекнуть во многомъ, но не въ недостаткѣ смѣлости. Актеръ, любившій лишь огни рампы, позналъ огонь баррикадъ. Въ кровавую майскую недѣлю онъ былъ на передовыхъ постахъ. Его видѣли

двое сутокъ подъ Вожираромъ; въ среду 24-го мая, въ тотъ самый день, когда коммунары выводили и разстрѣливали заложниковъ, Лисбоннъ защищалъ мэрію на площади Пантеонъ и строилъ баррикады на улицѣ Вавенъ и Нотръ Дамъ де Шанъ. Ряды инсургентовъ таяли, Парижъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ, и въ эти послѣдніе часы, въ узкихъ улочкахъ квартала Шато-д-О, подъ ураганнымъ огнемъ, полковникъ Лисбоннъ продолжалъ командовать еще оставшейся въ живыхъ группой коммунаровъ, женщинъ и дѣтей, — тѣхъ самыхъ, которыхъ потомъ разстрѣливали здѣсь же, на взятой баррикадѣ...

... Былъ уже вечеръ и солнце садилось за площадью Вольтеръ, когда солдаты Тьера подобрали на развороченной мостовой тяжело раненаго Лисбонна и убитаго Делеклюза. Лисбонна могли разстрѣлять на мѣстѣ: побѣдители предпочли предать его въ руки правосудія.

5-го декабря 1871 года Максимъ Лисбоннъ предсталъ передъ военно-полевымъ судомъ, засѣдавшимъ въ Версалѣ. Его обвиняли въ вооруженномъ возстаніи, поджигательствѣ, разстрѣлахъ. Приговоръ былъ вынесенъ единогласно: смертная казнь. Приговоръ этотъ защитникъ кассировалъ, обжаловалъ въ высшую инстанцію, но и тамъ Лиссбонна вторично приговорили

къ разстрѣлу... Къ этому времени было уже пролито много крови; въ концѣ концовъ, смертную казнь полковнику замѣнили пожизненными принудительными работами. Арестанта отправили въ Тулонъ и заковали въ цѣпь.

Потянулись долгіе годы каторги.

Амнистія 1880 года вернула ему свободу. Лисбоннъ пріѣхалъ въ Парижъ; здѣсь многое измѣнилось, но онъ остался прежнимъ искателемъ приключеній и все еще хотѣлъ, чтобы о немъ говорили.

Сотрудничанье въ анархическихъ газетахъ — плохо удовлетворяло его самолюбіе. Съ переломанной ногой уже нельзя было выступать въ театрѣ, не было надеждъ и на скорую революцію. Небольшой журнальчикъ «Другъ Народа»—какъ далеко ему было до Марата! — не пошелъ и зачахъ , послѣ первыхъ же номеровъ. И въ голову бывшаго арестанта, чувствовавшаго себя въ оппозиціи правительству, пришла блестящая мысль: онъ «раскроетъ язвы режима» и покажетъ парижанамъ, что такое буржуазная каторга, куда сослали коммунаровъ! Можно даже будетъ извлечь изъ этого кое какія выгоды матеріальнаго свойства; развѣ Салисъ не разбогатѣлъ благодаря «Черному Коту»?

«Таверна Каторги» была дѣйствительно необыкно-

веннымъ учрежденіемъ. Въ этомъ досчатомъ баракѣ стояла сырость, мракъ, какъ въ тюремной казармѣ. Лакеи были одѣты въ форму тогдашнихъ французскихъ каторжанъ: зеленые колпаки, красныя куртки съ номерами на спинѣ, кандалы. На стѣнахъ — мрачныя картины изъ жизни тулонской тюрьмы, портретъ Луизы Мишель, саркастическаго Рошфора, тогдашняго бога парижанъ... Самъ хозяинъ, одѣтый въ форму надзирателя, время отъ времени свисталъ и прикрикивалъ на своихъ подчиненныхъ:

— За работу, арестанты!

И арестанты, гремя цѣпями, бросались къ столикамъ.

Сотрудникъ «Фигаро», побывавшій какъ то вечеромъ у Лисбонна, описалъ свои впечатлѣнія: у воротъ стояло около 600 монмартрскихъ зѣвакъ, явившихся поглазѣть на «Каторгу». Въ толпѣ были и рабочіе, и ремесленники, съ ихъ женами, дѣтишками и собаками, и подозрительные типы,— будущіе кліенты настоящей каторги, съ которыми не хотѣлось бы повстрѣчаться послѣ полуночи у фортификацій, и люди въ щегольскихъ фракахъ, и накрашенныя женщины, —всѣ вѣрные посѣтители площади Рокеттъ, въ утро казни передъ воротами тюрьмы...

Толпа тѣснилась у таверны, съ трудомъ сдерживаемая полицейскими. Изрѣдка дверь распахивалась, и на порогѣ показывался самъ Лисборнъ:

— Пропустите новую партію осужденныхъ!

Журналистъ, вошедшій въ залъ въ качествѣ «осужденнаго» съ изумленіемъ замѣтилъ въ средѣ этой

монмартрской богемы и Великаго Князя Алексѣя Александровича, явившагося сюда въ сопровожденіи переодѣтаго полицейскаго комиссара. «Когда то, меланхолически прибавилъ сотрудникъ «Фигаро», правительство приглашало своихъ видныхъ гостей на представленіе-гала въ Оперу. Теперь оно отправляетъ ихъ на «Каторгу» Максима Лисбонна».

Успѣхъ этого кабарэ прошелъ быстро; въ тавернѣ не было иной «программы», кромѣ анархической. Обитатели Монмартра къ тому же находили, что цѣны были слишкомъ высоки: бутылка вина стоила 1 фр. 25 сант., бокалъ шампанскаго — 50 сант. и мѣстное specialité—«супъ арестантовъ»—60 сантимовъ! Количество посѣтителей быстро упало, срокъ найма барака подошелъ къ концу, и Максимъ Лисбоннъ вынужденъ былъ ликвидировать свое дѣло; вмѣстѣ съ таверной перестала существовать и «Газета Каторги»: Лисбоннъ успѣлъ выпустить лишь 5 номеровъ, посвятивъ ихъ широкой саморекламѣ.

Ему не повезло въ жизни: единственную написанную имъ пьесу, попавшую на сцену, скоро сняли съ репертуара, несмотря на сильное названіе: «Цѣлься... Пли!». Не имѣло успѣха и «Революціонное Кабарэ» на улицѣ Рамбюто, ни «Кабарэ Косвенныхъ Налоговъ», куда онъ приглашалъ своихъ друзей, раз-

сылая имъ повѣстки въ жанрѣ «sommation sans frais»... Лисбоннъ былъ уже старъ, но все еще продолжалъ считать себя анархистомъ, гордился дружбой съ Луизой Мишель, своимъ революціоннымъ прошлымъ, гордился даже своими неуспѣхами.

Въ послѣдній разъ онъ заставилъ говорить о себѣ, отправившись на открытый пріемъ въ Елисейскій Дворецъ. Присутствіе бывшаго коммунара и арестанта, дважды осужденнаго на смерть, было замѣчено, и потомъ Лисбоннъ объяснялъ своимъ политическимъ друзьямъ, что онъ пошелъ посмотрѣть, «хорошо ли Карно принимаетъ народъ»...

Въ концѣ концовъ, какъ и многія другія монмартрскія знаменитости, онъ уѣхалъ въ провинцію. ... Человѣку, столько разъ видѣвшему передъ собой смерть на войнѣ и баррикадахъ, было суждено буржуазно умереть въ своей постели — смертью тихой и незамѣтной. Парижскія газеты посвятили ему краткіе некрологи, и о немъ вскорѣ забыли.

ДИКТАТОРЪ ЖЮЛЬ ДЕПАКИ

Въ этотъ зимній вечеръ фонари на Монмартрѣ зажгли безъ четверти шесть; съ пяти часовъ въ извилистыхъ, узкихъ улочкахъ вокругъ Сакрэ Кэръ стоялъ густой молочный туманъ. Въ трехъ шагахъ нельзя было ничего разобрать. Туманъ поднимался со стороны Сены; съ церковной паперти было видно, какъ гдѣ-то, внизу, онъ клубился надъ Парижемъ и потомъ, окрашенный розовымъ заревомъ огромнаго города, медленно ползъ къ монмартрскому холму.

Когда на Монмартрѣ туманъ, переходъ отъ дня къ вечеру незамѣтенъ: сразу наступаетъ ночь. На улицахъ — ни души. Люди пораньше запираются въ домахъ, затапливаютъ камины и чугунныя печи и тогда деревушка на холмѣ кажется вымершей; только шаги случайнаго прохожаго оживляютъ сонную площадь Тертръ.

Въ одномъ изъ оконъ на улицѣ Норвенсъ до поздней ночи горитъ керосиновая лампа. Надъ дверьми вывѣска: «*У мадамъ Жюль Депаки*». Когда вы входите въ крошечную лавочку, загроможденную холстами, мольбертами, статуями и всякой рухлядью, — изъ за полога

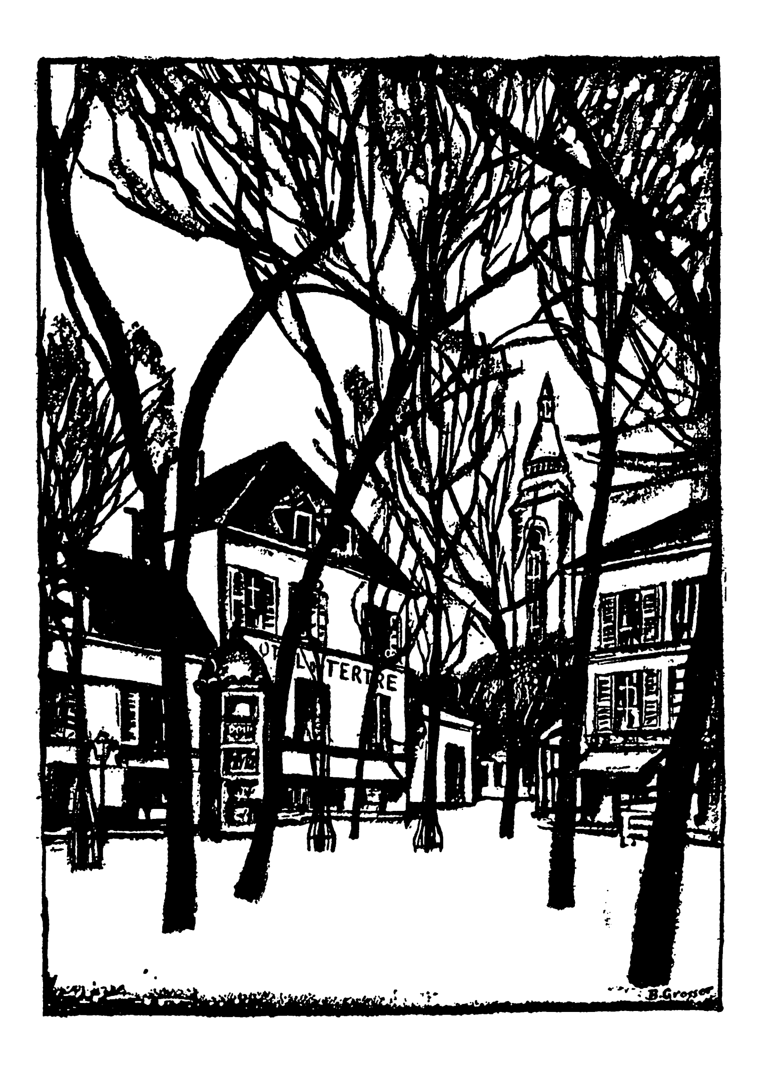
появляется пожилая женщина, вопросительно оглядываетъ посѣтителя и, узнавъ, что онъ пришелъ поговорить о «бѣдномъ Жюлѣ», приглашаетъ на кухню.

На кухнѣ она разсказываетъ о покойномъ Депаки.

... Всесильнымъ диктаторомъ Монмартра онъ сдѣлался не сразу. Для этого надо было бѣжать изъ родительскаго дома, въ первый же вечеръ по прiѣздѣ въ Парижъ попасть въ кабарэ «Чернаго Кота», познакомиться съ поэтомъ Жюлемъ Жуи, больше всего на свѣтѣ любившимъ стихи и гильотину (онъ не пропускалъ ни одной казни), сочинять пьесы для «Театра Тѣней», мастерски владѣть карандашемъ, прожить всю жизнь на улицѣ Сэнъ-Венсенъ, сдѣлаться монмартрской достопримѣчательностью и, что всего труднѣе, — просуществовать на газетный гонораръ.

Этотъ Депаки былъ удивительнымъ человѣкомъ. Онъ всегда казался грустнымъ, и его поэтому считали весельчакомъ и юмористомъ. Насмѣшливость принимали за скептицизмъ; умъ—за талантливость. Депаки родился писателемъ, но Монмартръ почему-то сдѣлалъ изъ него каррикатуриста. Плоть отъ плоти богемы, онъ попытался единственный разъ зажить по буржуазному, но изъ этого ничего не вышло.

Вотъ какъ это было. Депаки отправился къ Дю-

TERTRE
B.Grosser

файелю, накупилъ мебели въ разсрочку и съ торжествомъ перевезъ ее въ свою квартиру. Торжество продолжалось сравнительно недолго: три дня спустя вещи начали исчезать. Сначала пропали стулья, потомъ шкапъ, затѣмъ кровать. Послѣднимъ было продано постельное бѣлье, и Депаки снова почувствовалъ себя свободнымъ и счастливымъ.

Черезъ мѣсяцъ въ опустѣвшей квартирѣ происходилъ бурный діалогъ; служащій магазина Дюфайель предъявлялъ къ уплатѣ первый вексель, и Жюль, разводя руками, хладнокровно говорилъ ему:

— Мебели больше нѣтъ. Платить не буду. Пришлите ко мнѣ самого господина Дюфайеля, я объяснюсь съ нимъ...

На слѣдующій день, уполномоченный по взысканію недоимокъ услыхалъ изъ за запертой двери короткое заявленіе:

— Меня нѣтъ дома!

Ошалѣлый служащій уходилъ, возвращался, грозилъ описать несуществующее имущество, но Депаки продолжалъ твердить одно и то же:

— Я хочу имѣть дѣло съ самимъ господиномъ Дюфайелемъ. Пусть зайдетъ поговорить по интересующему его вопросу.

Дюфайель къ Депаки за объясненіями такъ и не явился. На каррикатуриста махнули рукой и, въ концѣ концовъ, избавили его отъ непріятной перспективы отправиться въ долговую тюрьму.

Въ тюрьмѣ онъ все же побывалъ, но по соображеніямъ болѣе идейнаго характера.

Дѣло происходило въ 1892 году, вскорѣ послѣ взрывовъ, подготовленныхъ Равашолемъ. За короткій срокъ, въ разныхъ частяхъ города анархисты умудрились разрушить два дома. Третьимъ взлетѣлъ на воздухъ ресторанъ Вери на бульварѣ Мажента, тотъ самый, въ которомъ полиція арестовала Равашоля... Парижъ былъ терроризированъ; страшное слово — динамитъ — не сходило со страницъ французскихъ газетъ. Въ «Матэнъ» создана была даже спеціальная рубрика: «Paris qui saute».

Полиція сбивалась съ ногъ, но обнаружить бомбометателя съ бульвара Мажента, ей все не удавалось. И въ то время, когда по всей Франціи шли повальные аресты анархистовъ, въ комиссаріатъ на улицѣ Ляроошфуко явился скромный молодой человѣкъ, выразившій желаніе поговорить съ начальствомъ. Молодой человѣкъ заявилъ, что онъ — виновникъ взрыва и добровольно отдаетъ себя въ руки правосудія. . .

Злоумышленникъ былъ немедленно арестованъ. Въ тюрьмѣ онъ оставался три дня; мистификація открылась , и его освободили... Потомъ Депаки утверждалъ, что онъ сознался въ несовершенномъ преступленіи изъ единственнаго желанія доставить маленькую пепріятность своимъ родителямъ, честнымъ буржуа изъ Седана.

Въ началѣ 1922 года, очередной номеръ «Взбѣсившейся Коровы», газеты Мориса Галлэ, вышелъ подъ сенсаціоннымъ заголовкомъ:

Депаки хочетъ править міромъ.

Тревожные слухи поползли по Монмартру: говорили, что Жюль собирается распустить муниципальный совѣтъ Свободной Коммуны, провозгласить себя диктаторомъ, разрушить всѣ новые дома на улицѣ Монъ-Сени, реформировать календарь, выселить за предѣлы Коммуны художника Гассье и фельетониста Фушардьера, захватить въ свои руки огромный резервуаръ парижскаго водопровода, выстроенный на вершинѣ холма и превратить его для обитателей Монмартра въ купальни.

Чучело, изображавшее мэра Коммуны, было публично сожжено на площади Тертръ, прахъ разсѣянъ во всѣ стороны. Тогда Депаки отдалъ приказъ о роспускѣ муниципалитета, объявилъ себя Диктаторомъ и сталъ появляться на улицахъ Свободной Коммуны опоясанный двухцвѣтнымъ зелено-краснымъ шарфомъ, въ высокомъ цилиндрѣ, напяленномъ на глаза. Переворотъ обошелся безъ кровопролитія: Монмартръ смирился и призналъ Жюля своимъ «дуче».

Съ утра онъ появлялся на улицахъ, сѣменилъ мелкими шажками отъ «Проворнаго Кролика», къ «Взбѣсившейся Коровѣ», задерживался во всѣхъ кабакахъ и

всюду пилъ коньякъ, отдавалъ распоряженія, организовывалъ праздники, продажу картинъ подъ открытымъ небомъ, и незамѣтно оказывалъ много добра нуждавшимся монмартрскимъ художникамъ. Популярность его росла съ каждымъ днемъ; ему даже серьезно предлагали выставить свою кандидатуру въ Палату Депутатовъ. Депаки отказался: онъ предпочелъ остаться Диктаторомъ.

Больше всего на свѣтѣ Депаки боялся смерти. Почувствовавъ себя впервые больнымъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Въ этотъ день Диктаторъ написалъ приказъ, опубликованный въ оффиціальномъ органѣ «Взбѣсившейся Коровѣ»:

«На территоріи Свободной Монмартрской Коммуны подъ страхомъ смертной казни, запрещается умирать». Приказъ былъ подписанъ, но Депаки пришлось все же слечь въ больницу. Врачи констатировали у него воспаленіе лимфатическихъ железъ. Понадобилась срочная операція. 10 іюня его оперировали въ Ларибуазьѣръ; мѣсяцъ спустя онъ умеръ.

Онъ умеръ далеко отъ Монмартра, въ маленькой деревушкѣ подъ Седаномъ. Бѣднаго Жюля похоронили въ фамильномъ склепѣ, на деревенскомъ кладбищѣ. Теперь монмартрскіе друзья Депаки хотятъ перевезти его прахъ въ Парижъ, на кладбище Сэнъ-Венсенъ. Уже готовъ надгробный памятникъ: улыбающееся лицо

Жюля, пенсне на кончикѣ длиннаго носа, надвинутый цилиндръ и впалая грудь, опоясанная двухцвѣтнымъ, зелено-краснымъ шарфомъ Диктатора.

ПОСЛѢДНІЯ КАБАРЭ

Лапласъ пришелъ на Монмартръ задолго до Рудольфа Салиса и его «Чернаго Кота». «Таверну Большой Пинты» онъ основалъ въ 1878 году, на углу улицы Лаллье и авеню Трюденъ; въ день открытія было большое торжество: среди приглашенныхъ — Шарль Монселе, литераторъ и гастрономъ, авторъ «Альманаха Гурмановъ», художникъ Андрэ Жилль и молодой поэтъ Рауль Поншонъ, другъ Ришпена, никогда не упускавшій случая выпить стаканъ хорошаго вина. Теперь Поншонъ засѣдаетъ въ Академіи Гонкуровъ, рядомъ съ другимъ монмартрскимъ завсегдатаемъ Куртелиномъ.

«Таверна Большой Пинты», декорированная въ духѣ средневѣковья, привлекала первое время множество народу. У Лапласа собирались всѣ артисты, бѣжавшіе изъ многочисленныхъ кафэ на площади Пигалль, по праву принадлежавшей сутенерамъ и ихъ подругамъ. Въ одномъ углу возникали споры, въ другомъ пѣніе, въ третьемъ — продавалась только что законченная картина или безработная натурщица... Ничто не вѣчно на Монмартрѣ: владѣлецъ кабарэ вскорѣ проигралъ все свое состояніе въ карты, и какъ-

то вечеромъ, завсегдатаи кабарэ нашли его дверь запертой.

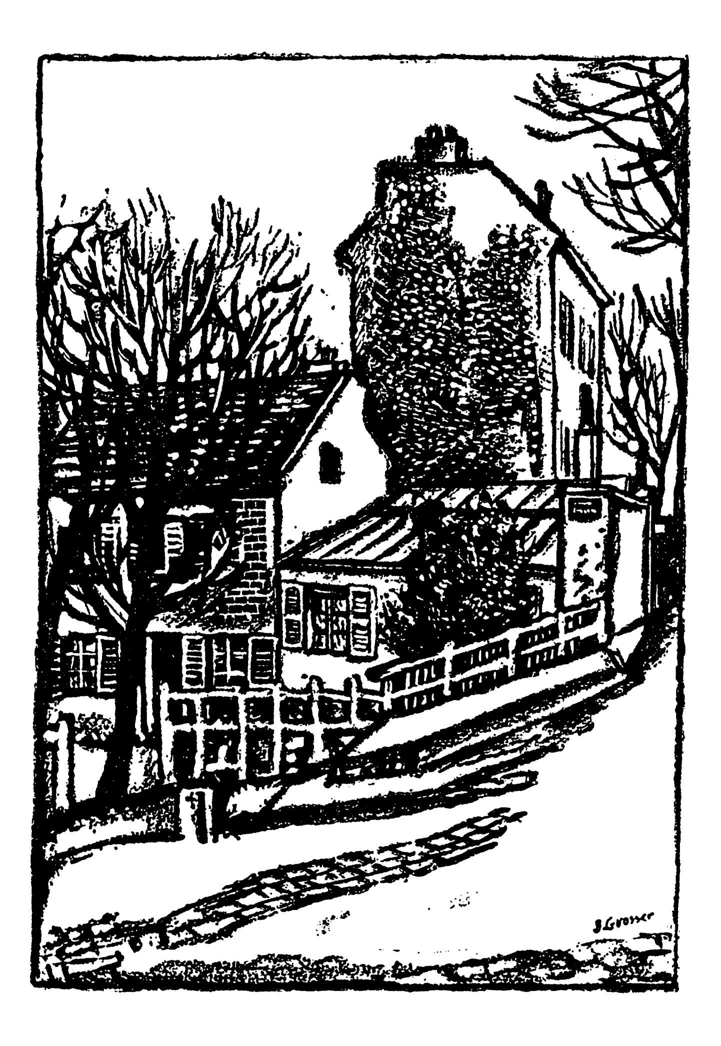
Обнищавшій Лапласъ съ каждымъ днемъ опускался все ниже и ниже. «Отца живописнаго Монмартра» видѣли сначала у стѣны на бульварѣ Клиши, гдѣ онъ торговалъ всякимъ хламомъ. Потомъ онъ исчезъ, и Виллетъ разсказывалъ, что бывшій владѣлецъ «Большой Пинты» поселился въ отдаленномъ кварталѣ, въ жалкомъ домѣ. Въ день своего новоселья онъ твердо заявилъ ошеломленной консьержкѣ:

— Вотъ вамъ сто су... Никогда не говорите мнѣ ни здравствуйте, ни до свиданья. Если у васъ будутъ наводить обо мнѣ справки, скажите, что я воръ и педерастъ. Это все, чего я прошу отъ васъ.

Просьба Лапласа была честно выполнена. Консьержка осталась вполнѣ довольна: жилецъ аккуратно вносилъ квартирную плату и не доставлялъ ей никакихъ непріятностей.

Въ двухъ шагахъ отъ тихаго, провинціальнаго кладбища Сэнъ-Венсенъ, на углу улицы Соль, можно еще видѣть чудомъ сохранившееся кабарэ «Проворнаго Кролика», когда-то извѣстнаго подъ именемъ «Кабарэ Убійцъ».

Убійцъ здѣсь, конечно, никогда не было, если не считать самого хозяина, пристрѣлившаго во время

J. Grosser

оно назойливаго сутенера; художникъ Жоржъ Делау описалъ это печальное событіе слѣдующимъ образомъ:

Il était une fois un lapin
Qu'un maquereau regardait de travers
Le lapin prit un revolver
Et fit passer le gout du pain
A cet animal pervers.
. . . .
Si on allait prendre un verre?

Настоящее убійство было совершено здѣсь гораздо позже, около 1911 г. Въ молодого красавца Виктора, сына Фреде были влюблены всѣ посѣтительницы «Мулэнъ де ла Галеттъ», такъ что въ концѣ концовъ сутенеры съ улицы Сэнъ-Венсенъ поклялись убрать съ дороги опаснаго соперника. Клятва была приведена въ исполненіе. Виктора убили среди бѣла дня, въ ту минуту, когда онъ, сидя за кассой, давалъ сдачу съ 10-ти франковъ. Такимъ образомъ, «Кабарэ Убійцъ» все же оправдало это названіе...

Но вѣроятнѣе всего, мирное кафэ артистовъ получило свое зловѣщее прозвище изъ-за серіи рисунковъ на стѣнахъ , изображавшихъ дѣянія знаменитыхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и Тропмана.

До 1902 года въ кабарэ хозяйничала бойкая старуха Адель, открывшая затѣмъ по сосѣдству собственное кафэ. Послѣ ухода Адели, старый домикъ, въ тѣни буковыхъ деревьевъ, такъ напоминающій южно-американскій бунгало ждало разрушеніе. Къ счастью,

его купилъ разбогатѣвшій Аристидъ Брюанъ. Брюанъ вскорѣ подарилъ домикъ Фреде, одному изъ любопытнѣйшихъ людей современнаго Монмартра.

Въ теплые солнечные дни на порогѣ «Проворнаго Кролика» появляется старикъ съ большой, сѣдой бородой. На немъ—широкополая шляпа, огромный красный шарфъ и красная же рубаха; на ногахъ — тяжелыя сабо. Старикъ грѣется на солнцѣ, раскуриваетъ свою длиннѣйшую трубку, перебрасывается острыми словцами съ проходящими художниками и презрительно посматриваетъ внизъ, въ сторону Парижа. Это самъ Фреде, — нынѣшній владѣлецъ кабарэ.

За свою долгую жизнь Фреде видѣлъ много удивительныхъ вещей и многое можетъ разсказать. Любитъ онъ вспоминать молодость и исторію съ картиной, нарисованной при помощи ослинаго хвоста. Все было тщательно подготовлено молодымъ писателемъ Доржелесомъ и художникомъ Андрэ Варно. Приведенъ былъ даже и судебный приставъ, которому надлежало составить формальный актъ. По мѣрѣ того, какъ осликъ мирно мазалъ хвостомъ по полотну, приставъ безпристрастно выводилъ на гербовой бумагѣ: «Attendu, qu'ayant fixé un pinceau a l'extremité candals dudit baudet, M. M. Dorgelés et Warnood, en présence de M.

Frédéric, propriétaire...»*) Картина была названа «Закатъ солнца на Адріатикѣ», выставлена въ Салонѣ Независимыхъ, заслужила похвальные отзывы лѣвой критики и, въ концѣ концовъ, была дорого продана пріѣзжему американцу, любителю «смѣлой» живописи. Потомъ шутка раскрылась и на осла-живописца сбѣжались смотрѣть всѣ парижскіе интервьюеры...

Любитъ Фреде вспоминать и знаменитыхъ монмартрскихъ покойниковъ: Жюля Депаки, перваго мэра Коммуны, изобрѣтателя «танца зонтиковъ»; стараго Брюана, грѣшившаго скупкой стиховъ молодыхъ поэтовъ и потомъ выдававшаго ихъ за свои; Виллета, которому судьба помѣшала засѣдать въ Институтѣ... Можетъ онъ разсказать и о похоронахъ перваго «Чернаго Кота», перебиравшагося съ бульвара Рошешуаръ на улицу Викторъ Массэ. Въ этотъ памятный день черезъ весь Монмартръ двигалось странное шествіе: Рудольфъ Салисъ, въ костюмѣ префекта Имперіи, за нимъ оркестръ мандолинистовъ, исполнявшій «Польку Волонтеровъ», академики въ парадной формѣ и «Parce Domine» — знаменитое полотно Виллета; шествіе замыкалось повозкой, нагруженной столами, стульями, и всѣмъ имуществомъ «Кота».

Въ «Корабельной книгѣ» Фреде, можно найти автографы Верлена, Куртелина, Поль Фора, Пьера Макъ-Орлана, Доржелеса, рисунки Виллета, Каранд-Аша, Жиля, Стейнлена, Пикассо, Пульбо. Они

---

*) Francis Carco «De Montmartre au Quartier Latin», p. 47.

всѣ побывали въ гостепріимномъ домѣ старика Фреде; много лѣтъ спустя, Франсисъ Карко описывалъ эти безсонныя ночи, проведенныя въ «залѣ» тускло освѣщенномъ лампами, завѣшанными красными платками. Подъ низкимъ потолкомъ плавали облака табачнаго дыма, и эта комната казалась какой-то фантастической лавченкой старьевщика, гдѣ въ груду смѣшивались похабныя статуэтки, огромный гипсовый Христосъ, полотна Пикассо и Утрильо, пьяные, спящіе на скамьяхъ, самъ Фреде, съ гитарой, и Макъ Орланъ, одѣтый ковбоемъ... И въ эти безконечныя зимнія ночи, подъ собачій лай, подъ завыванье вѣтра или шумъ падающаго дождя — Парижъ казался совсѣми далекимъ, и Монмартръ — необитаемымъ островомъ.

Еще теперь по вечерамъ въ кабарэ «Проворнаго Кролика» собираются пѣвцы, художники, писатели, тѣсный кругъ друзей. Фреде поетъ стансы Ронсара, пѣсенки Беранже, аккомпанируя самому себѣ на гитарѣ, или разсказываетъ, что весь міръ ограниченъ для него Монмартромъ: онъ никогда въ жизни не выходилъ за Внѣшніе Бульвары и гордится тѣмъ, что не знаетъ лѣвобережнаго Парижа.

За послѣднее время онъ сильно состарился и уже часто говоритъ, посматривая въ сторону кладбища Сэнъ-Венсенъ:

— Каждый день Фреде перевертываетъ лишнюю страницу Книги Жизни. На Монмартрѣ онъ жилъ, на Монмартрѣ и умретъ...

На улицѣ Норвенсъ, упирающейся въ площадь Тертръ, виситъ вывѣска: «Старый Шалашъ».Въ этомъ домѣ долгіе годы просуществовалъ «Трактиръ мамаши Адель».

Кто двадцать лѣтъ тому назадъ не зналъ на Монмартрѣ красавицы Адель, бывшей кухарки «Кабарэ Убійцъ», перекочевавшей на пласъ де Тертръ? Поэты посвящали ей пламенные стихи, художники дарили картины. Въ большой залѣ ея кабачка можно было видѣть молодого полковника Жоффра, Куртелина, герцога де Морни, и строителя суэцкаго канала, инженера Лессепса... Помнить ли еще Жоржъ Клемансо вечера, проведенные у Адели?

Дѣла ловкой трактирщицы шли такъ хорошо, что къ старости у нея подъ Парижемъ завелся клочекъ земли. Когда «мамашѣ» исполнилось 70 лѣтъ, она рѣшила «начать жить для себя» и вышла замужъ. Счастливая супружеская жизнь продолжалась лѣтъ десять: Адель умерла въ 1922 году.

Эта женщина, встрѣчавшая на своемъ пути такъ много интересныхъ людей, предпочла богемѣ простую крестьянскую семью. Незадолго до смерти парижскій журналистъ посѣтилъ старуху: она сильно тосковала по монмартрскимъ друзьямъ, по церкви Св. Петра, по площади Тертръ, окаймленной деревьями, такой прекрасной въ своей простотѣ...

На этомъ, пожалуй, можно было бы закончить прогулку по живописнымъ монмартрскимъ кабарэ, конечно, ничего общаго не имѣющимъ съ притонами и кабаками улицы Пигаль... Впрочемъ, еще одно: кабарэ «Взбѣсившейся Коровы», на площади Константенъ Пекэръ. Это — мэрія Свободной Монмартрской Коммуны, основанной когда-то Жюлемъ Депаки.

Какъ-то, подъ вечеръ, въ пустой залѣ кабарэ «шансонье» и мэръ Коммуны Морисъ Галлэ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни. Въ молодости онъ былъ лакеемъ въ ресторанѣ и, въ свободные часы, послѣ службы—поэтомъ. Поэтъ оказался сильнѣе лакея: Галлэ издалъ свою первую книгу пѣсенокъ и началъ странствовать изъ «Подвала Республики» въ «Сирену», изъ «Краснаго Осла» къ «Проворному Кролику»... Въ день открытія «Взбѣсившейся Коровы» въ кабарэ пришелъ лишь одинъ человѣкъ; это былъ дурной признакъ, и потомъ, безсонной ночью, Галлэ серьезно думалъ, что изъ поэта и директора артистическаго кабарэ, ему снова придется превратиться въ лакея. Однако, на слѣдующій вечеръ странный посѣтитель вернулся и привелъ съ собой нѣсколькихъ друзей... Теперь въ «Взбѣсившейся Коровѣ» нельзя найти ни одного свободнаго столика.

О празднествахъ Свободной Монмартрской Коммуны, организаторомъ которыхъ является Галлэ, о ея пожарномъ, академикѣ, почтальонѣ и подметальщикѣ—разсказывать не приходится: стоитъ лишь отправиться на Монмартръ, въ одинъ изъ «табельныхъ» дней маленькой республики, чтобы увидѣть все воочію.

Кабарэ «Взбѣсившейся Коровы» теперь послѣднее убѣжище артистовъ, гдѣ свято сохраняются традицiи и гдѣ можно еще отдаленно судить о томъ, какимъ былъ Монмартръ лѣтъ тридцать тому назадъ...

Этотъ Монмартръ давно умеръ и ему, вѣроятно, не суждено возродиться.

BIBLIOGRAPHIE.

« Bulletin de la Société d'Histoire et d'Archéologie du XVIIIe arrondissement: Le Vieux Montmartre ».

G. Cain, «Nouvelles promenades dans Paris».

Georges Renault et Henri Chateau, « Montmartre ».

Octave Charpentier, «A travers Montmartre».

Chéronnet et Ottin, «Histoire de Montmartre», 1843.

Le R. P. Emile Jonquet, «Montmartre autrefois et aujourd'hui », 1890.

Georges Montorgeuil, «La vie à Montmartre», 1899.

Charles Sellier, «Curiosités historiques et pittoresques du Vieux Montmartre», 1904.

Lazard (Lucien), «Il y a cent ans; promenade à Montmartre», 1912.

André Warnod, «Le Vieux Montmartre», 1913.

J. Sarrazin, «Souvenirs de Montmartre et du Quartier Latin ».

Bayard, «Montmartre Hier et Aujourd'hui», 1925.

Baron de Trétaigne (Léon-Michel), «Montmartre et Clignancourt ».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РУССИКА»

RUSSICA-81. Литературный сборник. Поэзия, проза, публицистика, мемуары, публикации. 400 стр. Тв. пер. $25.00. Бум. обл. $20.00.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО. Салат из булавок. Рассказы и фельетоны. 224 стр. $9.95.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО. Три книги: «Нечистая сила». «Дети». «Пантеон советов молодым людям». 1921—24. / *Переиздание.* 303 стр. $7.95. *Распродано.*

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ. Рука. *(Повествование палача).* Роман. 314 стр. $16.50.

НИНА БЕРБЕРОВА. Железная женщина. Роман-биография. 402 стр. $18.50.

НИНА БЕРБЕРОВА. Курсив мой. Автобиография. Издание второе, исправленное и дополненное; с новым предисловием автора. В двух томах. Тв. пер. $48.00. Бум. обл. $28.50.

НИНА БЕРБЕРОВА. Стихи. 1921—1983. 120 стр. $7.95.

ИОСИФ БРОДСКИЙ. Римские элегии. 32 стр. $5.00.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Дьяволиада. М., 1925. / *Переиздание.* Новая красочная обложка и рисунок А. Крынского. 160 стр. $5.95. *Распродано.*

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ. Чужие камни. Стихи 1979—1982. 70 стр. $5.95

МИХАИЛ ДЕМИН. Блатной. Роман. 364 стр. $18.50.

МИХАИЛ ДЕМИН. Перекрестки судеб. (Две повести: **«И пять бутылок водки»** и **«Тайны сибирских алмазов»**). 300 стр. $18.50.

МИХАИЛ КУЗМИН. Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923. *Переиздание.* Обложка по оригинальному рисунку Н. Альтмана. 208 стр. $5.95.

МИХАИЛ КУЗМИН. Нездешние вечера. Стихи 1914—1920. Петербург, 1921. / *Переиздание.* Обложка — по оригинальному рисунку М. Добужинского. 136 стр. $5.95.

МИХАИЛ КУЗМИН. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. Книжные украшения М. Добужинского. Петроград, 1919./*Переиздание.* С новым предисловием Геннадия Шмакова. 250 стр. $9.95.

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА. Подготовка текста В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. 220 стр. $6.95. *Распродано.*

НОВАЯ НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ ЧАСТУШКА. Сост. В. Козловский. 405 стр. Тв. пер. $20.00. Бум. обл. $15.00.

БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932 г. / *Переиздание.* 374 стр. $12.00.

СЕРГЕЙ ПЕТРУНИС. Иероглифы. Первая книга. 250 стр. $8.95.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Россия в письменах. Том 1. Берлин, 1922 / *Переиздание.* С новым предисловием О. Раевской-Хьюз. 222 стр. $7.95.

РУССКАЯ ЛИРИКА. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924. / *Переиздание.* С новым предисловием проф. Глеба Струве. XIII, 21 стр. $6.95. *Распродано.*

Н. А. ТЭФФИ. Городок. Рассказы. С новым предисловием Эдит Хейбер. 204 стр. Тв. пер. $13.00. Бум. обл. $7.95.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Собрание стихов. Париж, 1927. / *Переиздание.* 184 стр. $5.95.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Избранная проза. С предисловием и комментариями Н. Берберовой. 320 стр. $9.95.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Избранная проза в двух томах. Предисловие И. Бродского. 2 тома, 835 стр. $45.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 1. Иосиф Бродский. Об одном стихотворении. (Вместо предисловия). Виктория Швейцер. «Своими путями». (Биографический очерк). «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь». «Юношеские стихи». «Версты 1». (1916). Стихи, не вошедшие в сборники. 402 стр. Тв. пер. $30.00. Бум. обл. $25.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 2. Стихотворения 1916—1922 гг.: «Версты 2». «Лебединый стан». «Стихи к Блоку». «Психея». «Ремесло». Стихи, не вошедшие в сборники. 420 стр. Тв. пер. $30.00. Бум. обл. $25.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 3. Стихотворения и переводы 1922—1941: «После России». Стихи и переводы 1922—1941. Воспоминания М. Слонима и Л. Чуковской. 545 стр. Тв. пер. $37.00 . Бум. обл. $32.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том 4. Поэмы. 392 стр. Тв. пер. $33.00. Бум. обл. $28.00.

АЛЕКСАНДР ЧАЯНОВ. История парикмахерской куклы и другие сочинения Ботаника X. Предисловие А. Бахраха. Очерк творчества Л. Черткова. 450 стр. $15.00.

АНАТОЛИЙ ШТЕЙГЕР. 2 × 2 = 4. Стихи. 1926—1939 гг. Биогр. заметка А. Головиной. Предисловие проф. Ю. П. Иваска. 104 стр. Тв. пер. $13.00. Бум. обл. $6.95.

WOJCIECH ZALEWSKI. Russian-English Dictionaries with Aids for Translators. A Selected Bibliography. 144 стр. $7.50.

Access to Resources in the '80s: Proceedings of the First International Conference of Slavic Librarians and Information Specialists. Ed. by Marianna T. Choldin. 110 стр. $7.50.

EDWARD KASINEC. Slavic Books and Bookmen. Papers and Essays. 180 стр. $13.50.

1984

Александр ГЛЕЗЕР. Полдень и полночь. Стихи и переводы. 138 с. (Поэтическая серия «Руссики», выпуск 7).

Впечатляющая подборка оригинальных стихов и переводов из современной грузинской поэзии одного из самых разносторонних русских писателей и общественных деятелей. **$7.95**

Нодар ДЖИН, составитель, переводчик и редактор. Книга еврейских афоризмов. Пер. с иврита, идиш, английского и др. 406 с., предисловие, указатель.

Первая попытка познакомить русских читателей с тысячелетней мудростью еврейского народа, запечатленной в таких разнообразных источниках, как Ветхий и Новый Заветы, народные пословицы и поговорки, или же сочинения Генриха Гейне, Симоны Вайль и Ильи Эренбурга.

$16.00

Зиновий ЗИНИК. Перемещенное лицо. Роман. Ок. 250 с.

Заглавная метафора «перемещенного лица», а, точнее, «перемещенной личности», изобретательно разработана автором в этом тонком психологическом портрете «третьей волны» советской эмиграции, выполненном с юмором, сочувствием и пониманием, возникшим из непосредственного участия в описанных событиях. **$15.00**

Александр РАДАШКЕВИЧ. Шпалера. Первая книга стихов. Послесловие Натальи Горбаневской. Ок. 100 с. (Поэтическая серия «Руссики», выпуск 5).

Первая книга выдающегося молодого русского поэта, талант которого позволяет сочетать в высшей степени индивидуальный взгляд на российскую историю и современный мир с необычной музыкой современного стиха, порой граничащего с авангардистским, но всегда сохраняющего глубоко человечную сущность.

$7.95

Эстер МАРКИШ. Столь долгое возвращение. 320 с., фотографии.

Воспоминания вдовы выдающегося советского еврейского поэта Переца Маркиша, казненного в 1952, в ходе разнузданной антисемитской кампании. **$15.00**

Лев ХАЛИФ. Молчаливый пилот. Ок. 200 с.

Новая проза популярного сатирика, автора книг «ЦДЛ» и «Ша, я еду в США!». **$12.50**

Елена ШВАРЦ. Танцующий Давид. Стихи разных лет. (Сост. Юрий Кублановский). 122 с. (Поэтическая серия «Руссики», выпуск 6).

Избранные стихи талантливой русской советской поэтессы, внимание которой к таким «опасным» темам, как историческая и социальная несправедливость, христианство и эротика, равно как и своеобразная поэтика, ломающая привычные каноны, исключают возможность публикации в СССР. **$7.95**

Andrei Sedykh
Staryi Parizh. Monmartr.
Printed in USA

0-89830-096-7